

Я в 1994 году училась в первом классе. И тут грянула страшная беда — началась война. По телевизору показывали картины разрушений, гибели людей. И вот война подошла к нашему району. Я с братьями — учениками седьмого и четвертого классов, матерью и престарелой бабушкой, эвакуированной из Грозного, стала беженкой. Мы отправились в село Хиди-Хутор Ножай-Юртовского района, наивно думая, что раз там нет войск Дудаева, то и стрелять туда не будут. Но мы ошиблись. Уже на второй день после нашего прибытия начались бомбежки и артобстрелы. На подходе к селу разбомбили колонну с беженцами, и десятки ни в чем не повинных людей были убиты и ранены.

— Малика Магомадова, 10-й класс

Моя родина — Чечня. Поэтому я решил написать о трагедии чеченского народа. Имеется в виду выселение чеченцев в 1944 году. С самого раннего детства я слышал рассказы очевидцев и участников этой трагедии. Мои дедушка и бабушка вместе с их семьями были высланы в Северный Казахстан. Их показания (я склонен это так называть) легли в основу моей работы. Слушая их рассказы про то, что чеченцы вынесли за годы ссылки, я задумывался над тем, что же явилось причиной их вынужденного переселения. Чеченцев называли «врагами народа». Я считаю, что врагом может быть один человек или группа людей. Но целый народ не может являться врагом.

— Даниил Музаев, 7-й класс

быть чеченцем

быть чеченцем

МИР И ВОЙНА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

ISBN 5-98379-021-8

9 785983 790216

быть чеченцем

мир и война глазами школьников

БЫТЬ ЧЕЧЕНЦЕМ

МИР И ВОЙНА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

УДК 172.4(=35)
ББК 67.408(2Рос.Чеч)
Б 95

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова,
Татьяна Касаткина, Марлен Кораллов, Никита Охотин,
Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Издание осуществлено при поддержке

Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев
и программы «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал»,
интернет-СМИ «Кавказский узел»

Редакторы-составители Ирина Щербакова, Григорий Шведов

Подготовка рукописи Александр Паповян

Комментарии Александр Черкасов

Фотографии Григорий Шведов

Дизайн Анатолий Гусев

Б 95 Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников
М.: Мемориал; Новое издательство, 2004. — 224 с.: ил.

ISBN 5-98379-021-8

Книга объединяет работы чеченских школьников, посвященные прошлому и настоящему Чечни и отражающие личный опыт авторов, историю их семей и судьбы разных людей на фоне чеченской истории. Работы были отобраны из числа сочинений, присланных старшекласниками на ежегодный Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия — XX век» в 2003/2004 году. В книгу также вошли сочинения четырех российских школьников, посвященные судьбам чеченских беженцев в России.

УДК 172.4(=35)
ББК 67.408(2Рос.Чеч)

© Международное общество «Мемориал», 2004
© Новое издательство, 2004
© Григорий Шведов, фотографии, 2004

ISBN 5-98379-021-8

Содержание

Ирина Щербакова. Чеченская память 7

«Пока я буду жив...»

Максим Исаев. Мои годы 15
Лариса Аюбова. История для моих детей 27
Айзан Дзухаева. Под бомбежками 35
Милана Зунайраева. День артиллериста 42
Зураб Идалов. Пока я буду жив... 44
Мадина Гуражова. Мы пережили три войны 46
Имран Сугаипов. Самашки... 48
Айна Керимова. Небо над Гудермесом... 54

«Где я соберу своих детей...»

Милана Мальцагова. «Бохча» моей бабушки... 65
Зелимхан Ирбагиев. Я из тейпа «терло» 70
Милана Такаева. Опять война 74
Малика Магомадова. Я чеченка, дочь чеченцев... 77
Карина Юсупова. Где я соберу своих детей... 81
Аминат Саламова. Мой прадед — Салам-молла 85
Турпал Юсупов. Чеченская семья: связь времен и поколений 91
Заурбек Каимов. Мой прадедушка Абдул-Кадир Каимов 95
Диана Сангариева. Наша судьба 99

«Я люблю рассматривать фотографии...»

Милана Межидова. Рахимат и бабушка Оля 109
Элина Батиева. Чеченский Есенин 112
Лейла Яндиева. Вера, надежда, любовь Лидии Яндиевой 117
Мовсар Бачаев. Судьба Есимат 134
Зелимхан Ирбагиев. Судьбы вайнахских женщин 138
Даниил Музаев. Кровавый пепел Хайбаха 146

«Уроки, которые ничему не учат...»

Евгения Миронова. Русские — чеченцы.
Почему мы не можем жить мирно? 153
Ольга Попова. Чечня. Расскажи мне боль свою, солдат... 166
Алина Ткачева. На земле не должно быть чужих людей 179
Елена Суркова. Уроки, которые ничему не учат 185

Приложения

Чечня: хронология исторических событий 203
Алексей Левинсон. Сочинения и социсследования: параллели 208
Григорий Шведов. Дети прошлого = дети настоящего 219

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» 221

Summary 222

Чеченская память

Ирина Щербакова, директор образовательных программ общества «Мемориал»

«Оказывается, для большого счастья нужно не очень много: всего лишь сознавать, что ты еще живешь», — этими словами заканчивалась одна из первых чеченских работ, пришедших на наш конкурс.

Всероссийский исторический конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» был объявлен Международным обществом «Мемориал» в 1999 году. Конкурс неожиданно для нас получил широкий отклик: каждый год приходят тысячи работ со всех концов России.

Но, признаться, мы никак не могли надеяться, что в этом хоре когда-нибудь услышим голоса чеченских подростков. Конечно, тема войны в Чечне в той или иной форме присутствовала в работах российских конкурсантов, как присутствовала она в нашей жизни, но, скорее, в виде того отголоска, который оставила эта война в российском обществе. Главным образом — в рассказах о судьбах отцов и старших братьев, физически и нравственно травмированных опытом участия в войне.

Казалось принципиально важным вовлечь в наш исторический «разговор» Северный Кавказ и особенно чеченских школьников, чтобы хоть в какой-то мере понять, что они думают о своей истории. В 2003 году мы предприняли специальные усилия, чтобы о конкурсе узнали учителя и школьники в Чечне. Проведение конкурса в Чечне стало возможно благодаря специальному проекту, разработанному интернет-СМИ «Кавказский узел»; координатором конкурса в Чечне стала Асият Муртазалиева.

Тем не менее трудно было себе представить, что в Чечне найдутся подростки, которые вообще захотят послать свои работы в Москву на конкурс под названием «Человек в истории. Россия — XX век». Как написала нам одна из участниц, стараясь формулировать помягче: «Я — чеченка... Возможно, для всероссийского конкурса не совсем удачная национальность».

Призывая писать исторические работы, мы понимали, как трудно сделать что-либо без музеев, библиотек, архивов. А многим ли чеченским семьям удалось сохранить хоть какие-нибудь семейные документы? Да и о каких семейных архивах может идти речь, когда порой там нет самых элементарных условий для жизни и учебы. «И я хочу, — пишет один из конкурсантов, — чтобы те люди, которые прочитают это сочинение, поняли, что нам надоело жить среди разрушенных зданий, без света, без транспорта, без воды. Наши участки далеки от основной трассы, центрального базара. Вечером, когда мы учимся, практически

ничего не видно, утром то же самое — приходим мы в школу, ничего не видно, темно в классах». (Как не вспомнить проходящие на российский конкурс описания трудного школьного детства времен Отечественной войны.)

Но поразительным образом на конкурс 2003/2004 года из Чечни пришло 155 работ — в несколько раз больше, чем из многих других, несравненно более благополучных регионов, включая Москву и Петербург.

Разумеется, сочинения чеченских школьников отличаются от исследовательских работ их сверстников из России. Но главное отличие заключается не в степени научности и возможности использовать архивные документы, а в том, что очень часто это рассказ не о чужом, а о своем прошлом, о том, что их авторы пережили сами.

Две войны, на фоне которых прошла большая часть жизни 14–17-летних чеченских участников нашего конкурса, превратили их в важных *исторических свидетелей*. И свою, пусть короткую, память они рассматривают уже как часть общей национальной памяти.

О чем же пишут авторы работ, пришедших из Грозного и из других мест с печально известными названиями — Самашки, Гудермес, Аргун, Шали?..

Самые старшие из них еще смутно помнят кусочки мирного времени до 1994 года — т.е. до первой чеченской войны. И та далекая прежняя жизнь предстает едва ли не как миф об утраченном рае. (Неважно, что на самом деле реально помнят они сами, а что передается им взрослыми.) На фоне полной разрухи и дезурбанизации как символ чудесной мирной жизни возникает прежде всего Грозный, до войны большой и разбросанный советский промышленный город. Сегодняшние чеченские школьники «вспоминают» его только так: «А помнится, Грозный — самый красивый город на Северном Кавказе — утопал в зелени. Какие парки, скверы, фонтаны, огромные магазины, театры, школы, вузы были!»; «Мой дедушка вспоминал, каким был город, — высокие красивые здания, кинотеатры, цирк, клубы, сколько было людей, молодежи, как они всегда ходили в театр, кино».

Мы-то с вами знаем, какой отнюдь не прекрасной была советская и постсоветская жизнь, но это ведь с чем сравнивать. Вот что застали эти подростки в сознательном возрасте: «А во что превращен город сегодня? Разрушенные дома, обгорелые здания, мусор, огромные ямы на дорогах — одни развалины. Нет ни одного живого дерева, ни одного живого кустика, все как бы мертво. Будто бы провели рукой и стерли все с лица земли. От былого Грозного остались одни руины да воспоминания. Тут и одичавшие собаки, и люди, которым больше некуда идти, и, плюс ко всему, солдаты с оружием в руках, которые с утра до вечера ходят по домам в поисках новой жертвы, объясняя это тем, что делают проверки».

Картины, которые наиболее ярко запечатлелись в их памяти и которые они стараются нам передать, все так или иначе связаны с войной: как выходили по так

называемым «коридорам», как попадали под обстрелы, как днями, а иногда неделями сидели в подвалах, как снова возвращались в полуразрушенные дома и снова бежали. Бесконечные эти эпизоды сливаются в один рассказ: «На всем пути до с. Побединское Даню родители поочередно несли на руках. А мы с моим братом со школьными ранцами за спиной, в которых кроме книг было еще немного еды и кое-какие игрушки, шли пешком по асфальту. Людей было так много и почти все шли в одном направлении. Редко можно было увидеть людей, идущих нам навстречу в сторону города. Это были люди, которые искали своих родных. В надежде встретить кого-нибудь из своих они шли навстречу людскому потоку и очень внимательно вглядывались в лица прохожих». «Раздался взрыв, и клубы пыли и дыма накрыли как их самих, так и нас, их окружавших. При этом беспорядочная стрельба продолжалась, и разглядеть, кто в кого стреляет, по-прежнему было невозможно. Мы по привычке легли на землю. После этого раздалось еще несколько взрывов гранат. Женщины и дети пытались вырваться из людской толпы. Воспользовавшись небольшой паузой в перестрелке, я вскочил и побежал в сторону школы № 41, откуда мы пришли в сквер». «В первый день войны я, моя сестра Марина и все мои друзья возвращались домой из школы. Над нами летели самолеты, потом был взрыв недалеко от нас. Мы в ужасе добрались до нашего дома. Дома никого не было, мама была на работе, она учительница младших классов, папа тоже был на работе, он шофер. Через некоторое время мы пошли чистить бомбоубежище, но оно нам не понадобилось. С каждым днем было все хуже и хуже, на мой город падали бомбы, снаряды».

Да, война для них — главная тема, но нет никаких попыток объяснить себе и другим, почему началась первая, почему вторая. Бесконечно повторяющийся мотив: жили мирно, на нас вдруг напали. Но нечего удивляться, что нет объяснения происходящему у подростков, ведь и взрослые им ничего не могут объяснить. Как верно писала замечательный комментатор чеченских войн журналистка Галина Ковальская в одной из своих статей, «Чеченская война — абсурд в стиле Кафки. Провозглашенные цели никак не соотносятся с происходящим, истинные не просматриваются. Попытки найти этой войне хоть какое-нибудь рациональное объяснение проваливаются. Рождаются мифы, причудливые и вздорные. Впрочем, не более вздорные, чем сама реальность». Сочинения чеченских школьников — иллюстрация к этим словам.

Как бы взрослые ни обманывали сами себя и других, подростки отлично чувствуют ложь и бессилие тех, кто не может ни уберечь их, ни защитить. И проклятия в адрес войны, которыми пестрят сочинения чеченских школьников, адресованы прежде всего, конечно, взрослым (только кажется, что в воздух). «Никто и никогда не сможет разубедить меня в том, что самое страшное зло на Земле — это война. К сожалению, молодое поколение Чечни узнало ее не по книгам и фильмам — она прошла страшным смерчем по нашим судьбам, по нашим жизням».

Большинство их рассказов — о войне и на фоне войны, причины которой непонятны, конец которой никак не наступает. В чеченских историях есть женщины, дети, старики, но нет боевиков. Нет и «федералов»: солдаты, летчики — они

есть почти в каждом сочинении, но как общая масса, без лиц (берут штурмом, бомбят, иногда кормят, иногда отнимают еду).

Мир подростков в Чечне невероятно сужен — все крутится вокруг рода и семьи и семейных отношений, потому что только это дает хоть какую-то защиту: «Мы были беженцами в Гойтаре. У нас во дворе жили три семьи: бабушка, тетя и двоюродный брат, дядя, его жена, два сына и две дочери; и наша семья — папа, мама, я, три сестры и брат. В это утро каждый из нас как будто предчувствовал несчастье, каждый был необыкновенно близок друг к другу».

И хотя много было написано о том, что война в Чечне разрушила тейповые и родовые структуры, но в наших работах авторы постоянно апеллируют к истории рода — и какой бы мифологизированной эта родовая память ни была — это также несомненный способ сохранения идентичности. Память рода и подчеркнутая, декларируемая любовь к родине с клятвами верности ей — этим полны работы. Но пафос, который иногда нам кажется несколько театральным, для этих подростков естественен и чрезвычайно важен.

В многократно рассказываемых нам семейных историях — потому что чеченские истории — это прежде всего семейные истории (и не только потому, что нет других источников и нет других архивов) — главный стержень конечно же — депортация 44-го года. И коллективизация, и затронувший Чечню 37-й год — все это меркнет перед трагедией выселения, проводившегося в Чечне очень жестоко. Символом этой памяти становятся зверски сожженные жители деревни Хайбах.

Сегодняшний опыт этих подростков приводит их к тому, что разрыв между поколениями — проблема извечная и, безусловно, присутствующая в сочинениях российских школьников — здесь существует лишь в той мере, в какой люди старших поколений все-таки еще помнят мирную жизнь и к этой памяти обращаются.

Более того, может быть, теперь, на фоне собственных реальных впечатлений, их собственной, пусть даже короткой памяти им стала ближе память их дедушек и бабушек, тоже *в детстве* переживших катастрофу — кошмар депортации 44-го года. Эти «памяти» в некоторых работах так тесно сливаются, что иногда непонятно становится, от чьего имени идет речь. Воспоминания бабушек, дедушек (чаще, конечно, бабушек — это, кстати, объединяет их с российскими участниками конкурса: и здесь тоже очень часто носителем семейной памяти выступают именно бабушки) пишутся «как бы» от первого лица. И часто рассказ о кошмаре депортации происходит в кошмаре бомбежек — в подвале. Важность того тяжелого опыта сегодня невероятно возрастает — дедушки и бабушки выжили тогда, значит, мы выживем и сейчас. Возрастает и вообще значение памяти (и как важнейшей ее части — сохранение обычаев и языка). Что еще можно успеть взять с собой во время депортации (этот сюжет повторяется в наших работах десятки раз), кроме наспех собранных узелков? В самом счастливом случае — это швейная машинка «Зингер» (этот предмет как символ и способ

выживания и в самом деле объединяет сотни семейных историй наших конкурсантов самых разных регионов, национальностей). «В Старых Атагах объявили, что чеченцев по приказу Сталина выселяют. Всех собрали, начали увозить из села. Кнам пришли трое военных и спросили, есть ли взрослые. Я сказала, что жду маму и брата, они работают в Грозном на военном заводе. Военные сказали, что их не стоит ждать, они не придут, и начали мне помогать собирать кое-что, предложили взять с собой продукты, теплые вещи. Из продуктов оказалась кукурузная мука, из теплых вещей — мамино пальто и старая отцовская фуфайка. Я настояла и взяла швейную машину „Зингер“. Она дала возможность выжить в Казахстане».

Читать эти сочинения тяжело, иногда они монотонны, как бывает монотонен эпос или нарратив с бесконечными повторами и разными описаниями одного и того же: февраля 44-го года, января 95-го и осени 99-го... Какими короткими и обрывочными они бы ни были, они дают возможность задуматься над тем, что происходит там у них *с временем историческим* и как оно совпадает с нашим.

Что в общероссийской памяти депортация чеченского народа? В лучшем случае — лишь трагический эпизод в общем контексте сталинской эпохи. Но на самом-то деле у каждого народа время течет по-своему и в разные исторические периоды по-разному. То еле-еле, то летит. Своя история, свой язык и свое время. Беда только, что право на него нигде не записано. По часам чеченской памяти и Шамиль был совсем недавно, и 1870-й от 1996-го — рядом. Давно забыла Россия, как завоевывала Кавказ, вроде так давно это было, что как будто и не было. И то же самое и с депортацией — тоже ведь было очень давно, да и вернули их, вроде бы извинились, какое это имеет отношение к сегодняшнему дню? Но даже в наших школьных сочинениях видно, что их время совсем другое: получается — вчера выселили, сегодня утром позволили вернуться (не вернули, а позволили), днем стали бомбить. Но пока мы не поймем этой разницы исторического времени — перспективы совместного будущего довольно печальны. И уж во всяком случае с помощью кувалды перевести стрелки чеченских исторических часов невозможно.

Непонимание этой разницы в историческом времени имеет очень тяжелые и почти необратимые последствия, в конце концов приведшие и к тому, что в Чечне происходит сейчас. Не понимали и не осознавали, какой совсем не отъехавшей лавой является память — стоило с нее лишь содрать тонкую корку. И эти детские сочинения — яркий тому пример.

Что для этих чеченских подростков сегодня Россия? Прежде всего те, кто прислал нам свои сочинения, — писали по-русски, и их культурное пространство — это до сих пор пространство русской культуры. Во многих работах приведены цитаты из конечно же Лермонтова и Толстого, строки из «Хаджи-Мурата» и «Валерика» служат эпиграфами. И возникает ощущение, что, обращаясь к нам, они невольно «заклинают» нас этой культурой. Вероятно, чеченские школьники чувствуют, что это, быть может, едва ли не единственное пространство, на котором возможно хоть какое-то понимание друг друга.

Многие из тех, кто писал работы, стараются изо всех сил быть объективными к российской стороне, как бы трудно это ни было, рассказывают о людях, которые в их глазах олицетворяют хоть какую-то надежду на понимание и примирение, например о Викторе Попкове, образ которого рисует в своей работе Максим Исаев из Грозного: «Виктор погиб от рук бандитов, какой бы национальности они ни были и на каком бы языке ни говорили. Он был маленьким лучом надежды для истерзанного войной чеченского народа. Его знали в самых отдаленных уголках нашей республики. Пешком, с котомкой за спиной, он добирался в самые труднодоступные горные аулы. Одетый в старые вещи, с лицом очень набожного человека, далекий от мирской суеты, он шел к людям. Не знаю, из чего должны быть сделаны те, кто поднял на него руку».

Совершенно очевидно, что с нами «говорят» те, кто настроен особенно мирно, кто понимает безысходность такой войны и такого противостояния. И адресат, к которому обращаются чеченские школьники, гораздо шире — это отнюдь не только организаторы исторического конкурса. Это и побудило нас опубликовать хотя бы часть этих работ в небольшом сборнике. Но нам показалось важным включить в сборник и несколько работ школьников из других регионов России, в которых они говорят о своем отношении к тому, что происходит в Чечне. Трудно организовать реальный диалог — так пусть он произойдет хотя бы на страницах этой книги. А для того, чтобы ее читатель лучше представлял себе происходящее в Чечне, мы попросили сотрудника Правозащитного центра «Мемориал» Александра Черкасова прокомментировать факты, содержащиеся в школьных работах.

В томе энциклопедии Брокгауза и Эфрона, вышедшем ровно 100 лет назад, в статье, посвященной чеченцам, говорится: «Чеченцы никогда не бьют своих детей, но не из особенной сентиментальности, а из страха сделать их трусами», — но дело, конечно, сегодня для нас не в трусости. Не бьют — значит столетиями воспитывают чувство собственного достоинства и своего места в национальной памяти и истории.

Этим чувством проникнуты многие работы этого сборника.

«пока я буду жив...»

Мои годы

Максим Исаев, г. Грозный, школа № 61, 9-й класс

Родина, дом, улица, близкие люди. Для многих моих сверстников, по крайней мере за пределами нашей республики, это обычные слова. Но для меня, как и для тысяч моих сограждан, живущих в Чечне, они приобрели совершенно другой смысл. Я научился понимать глубину этих слов и ценить то родное, без чего нет тебя и нет твоего будущего. Научился с тревогой смотреть на часы, если задерживаются твои близкие. Смотреть с восхищением на своих родителей, соседей и просто на людей, живущих здесь, в Чечне, которые после всех ужасов войны и разрухи, страданий и потерь не разучились шутить, растить детей, верить в добро.

До войны у нас был маленький, но очень уютный дом. Все братья и сестры моего отца каждый вечер собирались у нас. Они садились за один стол, а во главе всегда сидела их мать (то есть моя бабушка по отцу), и рассказывали, что они видели за прошедший день. Эта традиция до сих пор соблюдается у нас, хотя война многое изменила в нашей жизни.

Семья наша большая. Дедушка со стороны отца, Усман, имел двенадцать детей: семь мальчиков и пять девочек. Мой отец был последним ребенком в этой большой семье. Трех детей (двух мальчиков и одну девочку) моя бабушка и дед похоронили в Кустанайской области Северного Казахстана. Там находилась в депортации наша семья. Они были сосланы туда вместе со всеми чеченцами и ингушами. Бабушка рассказывала нам, что дети ее умерли от голода. Еще бабушка говорила, что вместе с ними в ссылке находились люди других национальностей: русские, поляки, прибалтийцы, немцы.

Мне запомнился такой забавный рассказ моей бабушки из их ссыльной жизни. Их соседом справа был немец. Звали его Адам Боксбергер. Каждое утро, выходя на работу, соседи, мой дед и Адам, каждый по-своему, приветствовали друг друга. Адам Боксбергер, обращаясь к моему дедушке, с характерным немецким акцентом говорил: «Сдрастуй, пандит». А дед мой отвечал ему с таким же акцентом: «Сдрастуй, сдрастуй, пашист».

Однажды свидетелем этой сцены стал комендант села, который смотрел за всеми депортированными. Он страшно разозлился на них за то, что они себе позволяют такие шутки. Даже выхватил из кобуры пистолет, угрожая им расправой за такие разговоры. Но мой дед и Адам переглянулись и заулыбались. И каждый начал «оправдываться» перед комендантом. Немец говорил: «За што чеченца выслали?» И сам же отвечал: «За то, што он пандит». — «А тебя за что выслали?» — отвечал ему дед. «За то, что ты пашист». Коменданту нечего было возразить против таких аргументов, ведь каждый из них был депортирован

именно с такими обвинениями: каждый немец — фашист, а каждый чеченец — бандит.

Комендант ушел, ругая их грязным матом, а дедушка и Адам еще долго смеялись над ним.

Они и после продолжали приветствовать друг друга также.

Я не мог понять смысла их разговора и спросил у бабушки, почему они так делали — оскорбляли друг друга на глазах у людей. Она мне объяснила, что таким образом они оба смеялись над тем лживым обвинением, которое на них было навешано официальной властью. Она также говорила нам, что все депортированные жили дружно, помогали друг другу.

В этих суровых и очень тяжелых условиях люди не теряли чувство юмора, в этом выражался их протест против деспотического режима.

После возвращения из Казахстана в 1960 году семья поселилась в селе Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района. Но, как рассказывал мне отец, в селе не было никакой работы. И после смерти деда в 1970 году мои родственники переехали жить в Грозный. Все мои дяди и тети, женившись и выйдя замуж, селились рядом с родительским домом. И перед началом первой войны в ноябре 1994 года они занимали в поселке Катаяма¹ почти два квартала по улице Дунайская и улице Нефтяная.

Начало первой войны мне запомнилось тем, как по ночам самолеты сбрасывали на город много светящихся «фонариков». Утром следующего дня мы собирали эти «фонарики» в огороде, на улице, во дворе и на полях. Некоторые висели, зацепившись на деревьях и проводах. Это были металлические цилиндры, подвешенные на маленьких оранжевых парашютах. Как нам объяснили позже, это было психологическое воздействие, чтобы вынудить население покинуть город².

В начале декабря бомбардировки и ракетные обстрелы участились, оставаться там было очень опасно, и отец отправил нас с мамой и младшим братиком в г. Шали³ к маминой родне. После нам пришлось еще несколько раз переезжать в разные села, уходить от бомбардировок и артобстрелов. Пока в середине апреля 1995 года не вернулись в Грозный. Дом наш был не сильно разрушен, и к нашему возвращению отец его уже отремонтировал. Он все это время оставался дома с одним из моих дядей и некоторыми соседями.

Жизнь в «послевоенном» Грозном была такой, как и жизнь в других городах и селах Чечни: по ночам стреляли и где-то слышны были разрывы бомб и снарядов. Несмотря на все это, наши родственники вернулись домой, поскольку считали, что жить дома лучше, чем быть беженцами у чужих людей.

Период между двумя войнами был насыщен разными событиями, которые оставили много глубоких впечатлений в памяти.

В нашем доме бывало много гостей. Они приезжали из других городов России, а также из других стран. Это были журналисты и политики, ученые и религиозные деятели. Просто хорошие люди.

Особенно запомнился Виктор Попков⁴. Он приехал к нам в первый раз один. Мои родители не знали его раньше. Кто-то из знакомых дал ему наш адрес.

Мы очень удивились, когда постучались в дверь и появился очень большой человек с длинной белой бородой, с длинными белыми волосами. Он очень был похож на былинного старца из русских народных сказок. Как летописец, только что сошедший с обложки памятника древнерусской письменности «Слово о полку Игореве».

Он вошел, поздоровался с нами и при этом слегка поклонился то ли дому, то ли хозяевам. Из его рассказов мы узнали много интересного о его жизни. Узнали, что он священник, делает людям добро. Пытается установить мир в Чечне. Призывает всех воюющих людей к миру.

Однажды рано утром, когда солнце только начало подниматься, я увидел его, он стоял рядом с забором. В руках он держал маленькую книжку. Лицо его было обращено в сторону восходящего солнца. Он читал что-то в этой книжке, крестился и совершал поклоны. Мне стало очень интересно, и я его спросил, что он делает. Он сказал, что в его руках молитвенник и он совершает молитву. Я сам мусульманин и каждый день совершаю пять молитв. У меня тоже есть свой молитвенник, по которому читаю разные дуа (молитвы), обращенные к Аллаху. Виктор рассказывал нам о своей семье. По вечерам мы с младшим братом с интересом слушали его беседы с нашими родителями. Это был очень интересный и добрый человек. Я никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь ругал. Он вообще говорил очень тихо. И на его лице всегда была мягкая улыбка.

В очередной раз он приехал к нам с большой группой своих друзей на выборы президента Чечни зимой 1997 года⁵. Они приехали, чтобы посмотреть, насколько правильно будут проходить выборы, чтобы не было нарушения законов. После этого он еще несколько раз приезжал к нам.

Когда началась вторая война, в 1999 году, Виктор приехал к нам в Назрань и сказал, что он хочет оказывать помощь чеченским детям, живущим в горных аулах.

В горах у нас люди живут бедно. И не все дети могут ходить в школу, потому что им не хватает одежды и обуви. Поэтому Виктор решил оказать им помощь. Привозил из Москвы одежду, обувь, учебники и раздавал их детям в селах Ножай-Юртовского, Веденского и Шалинского районов. Он рассказывал, как дети радуются каждому его приезду, потому что он привозит им подарки.

В последний свой приезд он позвонил нашей маме из Хасавюрта и сказал, что он купил медицинский уазик и везет полную машину лекарств для сельских больниц. Сказал, что ему нужно два дня, чтобы их раздать по больницам, и он поста-

рается быть у нас к вечеру третьего дня. На второй день из телевизионных новостей мы узнали, что машина Виктора была обстреляна недалеко от блокпоста у селения Алхан-Кала. Виктор и сопровождавшая его врач были тяжело ранены. Его перевезли в Москву, где он скончался, не приходя в сознание.

Виктор погиб от рук бандитов, какой бы национальности они ни были и на каком бы языке ни говорили. Он был маленьким лучом надежды для истерзанного войной чеченского народа. Его знали в самых отдаленных уголках нашей республики. Пешком, с котомкой за спиной, он добирался в самые труднодоступные горные аулы. Одетый в старые вещи, с лицом очень набожного человека, далекий от мирской суеты, он шел к людям. Не знаю, из чего должны быть сделаны те, кто поднял на него руку. Все, кто знал этого человека в Чечне, не могут до сих пор вспоминать о нем без глубокой скорби.

28 февраля 1996 года у нас родилась сестренка Дания, Дая. Почти в это же самое время в город вошли боевики⁶. Моему отцу и всей нашей родне пришлось приложить немало усилий, подвергая себя смертельному риску, чтобы привезти домой прооперированную маму с новорожденной.

В августе 1996 года Грозный второй раз за год был взят боевиками⁷. Бои в городе вспыхнули с новой силой. Оставаться там становилось все опаснее. Снаряды и мины летели отовсюду. Во время очередного затишья мама пошла вместе с малышкой в наш дом собирать необходимые ей на дорогу вещи. Положив Данию на диван, она начала собирать вещи. Не успела она открыть дверь шкафа, как раздался глухой стук и пылью заполнилась вся комната. Снаряд залетел со стороны аэропорта «Северный», пробил диван и застрял в перегородке. Дания не успела даже испугаться, ей ведь было тогда всего лишь пять месяцев. Мама схватила малышку и выбежала с криком на улицу. Снаряд по какой-то неизвестной причине, к нашему всеобщему счастью, не разорвался. Так, видимо, было угодно Всевышнему — не обрывать нашей сестренке жизнь, которая только-только успела начаться.

Выходить из Грозного было тяжело. Трое суток мы провели на блокпосту у Ташкалы. Транспорт не пропускали. Идти с маленькими детьми на руках и с немощной бабушкой родители не решались. Ведь чтобы выйти из города, нам предстояло преодолеть 15 километров пути. На четвертый день мы все же решились на пеший поход⁸.

Бабушку мы отправили на машине с дядей, который вызвался прорваться через поле к Терскому хребту и дальше под покровом утреннего тумана, пока не могли летать вертолеты, вдоль хребта пробраться в сторону поселка Горагорск, что в 60 километрах от Грозного.

На всем пути до села Побединское Даню родители поочередно несли на руках. А мы с моим братом и с многочисленными двоюродными братьями и сестрами со школьными ранцами за спиной, в которых, кроме книг, было еще немного еды и кое-какие игрушки, шли пешком по асфальту вместе со старшими.

Людей было так много, и почти все шли в одном направлении. Редко можно было увидеть идущих нам навстречу, в сторону города. Это были люди, которые искали своих родных. В надежде встретить кого-нибудь из своих они шли навстречу людскому потоку и очень внимательно гляделись в лица прохожих.

Рядом с нами шел пожилой мужчина. Он нес на себе старушку, которая была подвязана к нему большим платком через его плечо и за шею. Время от времени он останавливался, как и мы, на отдых и осторожно садился — так, что они одновременно оказывались на земле, сидящими друг за другом. Видимо, это была его мать или старшая сестра. А может быть, чужая женщина.

А однажды мы поравнялись с мужчинами, которые несли на носилках седовлатого старика. Один из них был средних лет, а другой совсем юноша. Как потом выяснилось, это были сын и внук старика. Внук был лет 15–16, и звали его Увайс. Они, улыбаясь, рассказывали рядом идущим, как долго дед их уговаривал оставить его дома. Сын мигнул нам и с хмылкой сказал, обращаясь к деду: «Вот если бы ты женился на соседке Байсет, когда мы тебя просили об этом, то тогда бы мы смело тебя ей доверили». А дед им отвечал с сарказмом: «Ну и тащили бы вы сейчас двоих. Радуйтесь, что несете одного». Все вокруг громко рассмеялись. И, желая поддержать меня с братиком, обращаясь уже к нам, добавил: «Вот видите, какие сильные парни идут сами, а деда тащат на чужом горбу».

В толпе было очень много пожилых людей, которые не могли идти сами. Их несли на носилках, на каких-то каталках, наспех сколоченных из старых велосипедных колесиков и досок. В пути следования мы наблюдали еще одну очень интересную картину. На блокпостах и в расположениях своих частей находились российские военные, а между блокпостами свободно перемещались боевики. Они были на расстоянии видимости и разглядывали друг друга в бинокли и оптические прицелы. Но при этом не стреляли. Это нам очень нравилось.

К вечеру, когда солнце уже садилось, мы добрались до села Побединское.

К концу августа 1996 года военные действия в республике прекратились, и наша семья смогла вернуться домой. Пока наш дом восстанавливался, мы жили у бабушки. До начала зимних холодов мы успели въехать в свой дом, хотя многое оставалось не сделанным, но главное — была крыша над головой, и в доме было тепло.

Вскоре наступил 1997 год. Дания наша уже бегала. В республике произошли грандиозные события — состоялись выборы президента и парламента Чечни. Жизнь наша понемножку начала налаживаться. В нашей семье появился четвертый ребенок. Это был наш братик Булат.

Однако всем нашим надеждам на мирную жизнь не суждено было сбыться.

Наступила осень 1999 года. Военная осень, которая затянулась на долгие годы скитаний по чужим квартирам и дворам.

Следы артобстрела
на фасаде
многоэтажного дома.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

У подъезда
многоэтажного дома.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

Вид
из «полиэтиленового
окна».
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

Жилой чердак,
пододеяльник
закрывает выбитый
при артобстреле
кусок здания.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

Объявление
«Лечение Кораном
и хадисами
от всех болезней
кроме смерти»
на прострелянных
воротах
частного дома.
Грозный, Чечня,
2004

Жилой массив
Катаяма
в Старопромыслов-
ском районе.
Грозный, Чечня,
2004

Пережить пришлось многое. От ситуации, когда в сентябре 1999 года я попал под ракетный обстрел, до случая, когда в декабре 2003 года мы вместе с моими одноклассниками очутились в гуще боя между боевиками и федералами в центре Грозного.

В первом случае мы не ожидали, что самолеты начнут бомбить Грозный без предупреждения — всем жителям покинуть город. И мы с моим двоюродным братом пошли встретить коров с отгона на окраине нашего поселка Катаяма. Неожиданно над поляной появились самолеты. Они пролетели так низко и так быстро, что практически мы не слышали шума моторов. Выпущенные ракеты стремительно приближались. Мы их заметили, когда они появились над поселком Карпинский Курган. Нам показалось, что ракеты нацелены прямо на нас. Я только успел крикнуть Зелику: «Ложись!» И в этот момент две ракеты со страшным ревом пронеслись над нашими головами и, ударившись о землю, взорвались где-то в метрах 40–45 от нас.

Я услышал очень непривычный для слуха скрежет разрывающегося металла. Мне показалось, что этот скрежет заглушил все остальные шумы: от взрыва ракеты, от рева низко летящего самолета. И этот скрежет очень долго оставался в моей голове. Его нельзя было спутать ни с какими другими шумами.

От разрыва ракеты земля содрогнулась с такой силой, что на какое-то время мне показалось, что она уходит из-под меня и я проваливаюсь куда-то в бездну. И в этот миг на меня обрушилось такое количество камней, земляных комьев вперемешку с грязью, что от ударов по спине, рукам и ногам, которыми я обхватил голову, защищаясь инстинктивно, на мгновение потерял сознание. Когда я пришел в себя и попытался подняться, то не смог. На мне было такое количество грунта, что пришлось по отдельности освобождать руки и ноги, а затем только стряхнуть с себя этот грунт, упершись руками и ногами о землю. Только когда я освободился, я почувствовал, насколько горячей была эта грязевая смесь. Долго после этого на моем теле оставались следы ссадин и ожогов, которые к тому же очень неприятно пахли пороховой гарью.

На следующий день отец нас быстро собрал и вывез в Ингушетию к нашим знакомым. Туда же приехали некоторые наши родственники и знакомые, поскольку только Ингушетия оставалась доступной в то время для наших беженцев.

Второй случай, о котором я говорил выше, произошел со мной после нашего возвращения домой.

14 декабря 2003 года я и еще несколько учеников из нашей школы вместе с учителями поехали на олимпиаду по математике, которая проходила в школе № 41. Школа это находится в центре Грозного. После окончания олимпиады мы решили сфотографироваться на память у фонтана в сквере, неподалеку от центрального рынка.

Время было послеобеденное, и в сквере было много прогуливающих с детьми людей, поскольку это единственное в нашем городе место, куда можно прийти отдохнуть после работы или учебы⁹.

Когда мы встали вместе, чтобы сфотографироваться, откуда-то появились бегущие друг за другом люди, и они вели беспорядочную стрельбу. Поначалу мне показалось, что они стреляют в прохожих. Ну, потом я понял, что это было преследование одной из групп боевиков. Оказавшийся рядом с нами один из боевиков был повален на землю преследователями. В этот момент мы увидели в руках боевика гранату, которую у него пытались отобрать. Раздался взрыв, и клубы пыли и дыма накрыли как их самих, так и нас, их окружавших. При этом беспорядочная стрельба продолжалась, и разглядеть, кто в кого стреляет, по-прежнему было невозможно. Мы по привычке легли на землю. После этого раздалось еще несколько взрывов гранат. Женщины и дети пытались вырваться из людской толпы. Воспользовавшись небольшой паузой в перестрелке, я вскочил и побежал в сторону школы № 41, откуда мы пришли в сквер. Рядом со мной бежали какие-то женщины, а чуть позади меня — несколько молодых людей. Стрельба на площади, меж тем, возобновилась с новой силой.

Одна из женщин, бежавшая рядом со мной, споткнулась обо что-то и упала. Я остановился, чтобы помочь ей. Оглянувшись назад, я увидел, как по нам прицельно стреляют несколько человек из сквера, а бежавшие позади меня молодые люди отстреливаются из пистолетов. Мы помогли ей приподняться на ноги, забежали за торговый киоск и, не останавливаясь, помчались дальше во двор школы № 41. Спустя минут сорок, когда стрельба уже стихла, мы потихоньку выбрались из разных дворов и переулков и вернулись домой. Слава Богу, никого из наших ребят и учителей ни пуля, ни осколок не задела. Правда, все мы были грязные, как будто нас протащили через дымоходную трубу, но очень счастливые и благодарные Всевышнему, что и на этот раз он нас уберег.

Оказывается, для большого счастья нужно не очень много: всего лишь сознавать, что ты еще живешь.

Комментарии

¹ Катаяма — жилой массив в Старопромысловском районе г. Грозный, назван так в честь лидера японской компартии Сэна Катаямы (1859–1933).

² Осветительные бомбы, снаряды, мины используются не для психологического давления, а чтобы обеспечить прицельное ведение артиллерийского огня и бомбометания.

³ Шали — районный центр к юго-востоку от Грозного.

⁴ Виктор Алексеевич Попков (1946–2001), геолог, активист правозащитного движения 1990-х годов, журналист, послушник старообрядческого монастыря. Вел большую гуманитарную работу в зонах постсоветских вооруженных конфликтов — в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Чечне. В первую чеченскую войну его силами были освобождены десятки пленных российских военнослужащих. Во вторую войну Виктор доставлял гуманитарную помощь мирному населению, в том числе в горные районы. Смертельно ранен бандитами в с. Алхан-Кала 18 апреля 2001 года, умер в Москве 2 июня. О нем и его деятельности см. сайт <http://viktorpopkov.narod.ru>.

⁵ Выборы президента и парламента Чечни проходили 27 января 1997 года, в первом же туре президентом был избран Аслан Масхадов.

⁶ Боевики под общим командованием Руслана Гелаева вошли в южные районы Грозного 6 марта 1996 года и отошли 8 марта.

⁷ Боевики вошли в Грозный 6 августа 1996 года и блокировали федеральные силы в гарнизонах, в зданиях, на блок-постах; начались бои.

⁸ Семья Максима Исаева выходила из города в северо-западном направлении, по Старопромисловскому шоссе.

⁹ Единственная восстановленная на тот момент площадь в центре Грозного, с которой обычно вело репортажи телевидение.

История для моих детей

Лариса Аюбова, г. Грозный*

Вот я и начинаю свою историю. Историю, которая вряд ли будет веселенькой. Хотя есть в ней и несколько уцелевших моментов, которые проблескивают среди руин моей основной жизни.

Когда сказали, что хорошо бы написать историю жизни, я поймала себя на мысли, что мне не очень-то хочется это делать. Ведь придется заново окунаться в это озеро слез и крови или, можно даже сказать, болото, которое начинает засасывать, как только ты в него войдешь, и стоит больших усилий выйти оттуда сухим и беззаботным. К тому же мы, дети Чечни, стараемся оставлять все самое плохое позади: иначе жить будет просто невозможно.

У нас в Чечне обычно, если хотят рассказать о каком-то событии, ориентируются по войнам, говорят: «А вот после первой войны...» или «до второй войны...» Так вот, до первой войны я, Аюбова Лариса Айндиевна, проживала в городе Грозном. Жила я, правда, тут недолго, всего два года, так что я почти не помню Грозный неразрушенным. До этого я жила в городе Череповце Вологодской области. Мрачное место — по крайней мере таковым оно навсегда осталось в моей памяти.

Мы приехали в Череповец, когда мне было три года. Родители только закончили институт (учились они в городе Коломне, на филологическом факультете). Вернувшись оттуда, устроиться в Грозном они не смогли, а жить в селе не захотели.

В Череповце училась моя тетья, она предложила родителям приехать, и мы поехали туда. Казалось, что время тянется долго, я постоянно скучала, единственные счастливые моменты — это когда мы приезжали на Родину. Почему мне так не нравилось в Череповце? В школе слишком сильно сказывалось то, что я была приезжей. Моя фамилия слишком выделялась на фоне «Петровых», «Сидоровых». Новый учитель обязательно должен был как-то ошибиться и смешно назвать мою фамилию, и, конечно, все должны были рассмеяться. И вообще — девочка непонятно какой национальности: то ли «цыганка», то ли «чукча». Таков был мой статус. Из-за этого я была очень скованной. «Тихоня» — именно так меня прозвали одноклассники.

В Череповце мы прожили около одиннадцати лет. Затем мы вернулись на Родину! То было одно из ярчайших событий моего детства! Здесь мне очень понрави-

* Эта работа написана студенткой. Тем не менее мы сочли возможным включить ее в сборник. —
Примеч. сост.

лось, первое мое впечатление от Грозного было: *наш город, наши люди*. Но недолго пришлось радоваться возвращению.

Я не побоюсь сказать, что лучшие годы в моей жизни просто-напросто вычеркнуты. И никто никогда не возместит это ни мне, ни моим ровесникам.

Ноябрь 1994 года — страшное время, надолго оставшееся в моей памяти¹. В мою республику, в мой родной край пришло самое страшное, что есть на нашей планете, самое страшное, что показывали в фильмах и рассказывали в книгах, то, что, казалось, никак не может произойти ни со мной, ни там, где я живу. Но все-таки это пришло, и никто не смог помешать.

Нас привезли в Ачхой-Мартан², в родное селение моей матери. Если до сих пор мы были здесь гостями, то теперь стали беженцами. Да, если учитывать то, сколько мне приходилось находиться в этом состоянии, то можно сказать, что я — пожизненная беженка, скоро, наверное, привыкну к кочевому образу жизни и буду жить, как цыгане. Но все же, надеюсь, что ничего больше не произойдет, хотя надежды на мирную жизнь так часто рушились, что мы никогда не говорим о своем будущем с уверенностью.

Из Ачхоя нам пришлось ехать в Махкеты³, в этом селе я родилась. Прежде я редко бывала здесь, но теперь познакомилась поближе с этим местом при «приятных обстоятельствах».

Я в основном сидела за книгами. Мне очень нравилось читать приключенческие романы, а больше всего я любила книги Генри Райдера Хаггарда «Дочь Монте-сумы», «Дети тумана». Хотя бы с этими героями я могла попутешествовать! Да, время было военное, но мы старались не замечать всего, что происходит вокруг. Жить хотелось несмотря ни на что! Так иногда хотелось посмеяться! Часто взрослые осуждают нас за то, что нам иногда бывает весело. Это так обидно, кажется — почему они не могут нас понять, ведь так мало радости пришлось на наше время, а мы устали от вечной скорби и страданий!

В Махкетах спокойная обстановка тоже была недолго. Ночью начали бомбить с самолетов⁴. Бомбили очень близко, и у нас, конечно, как всегда, первая реакция — в подвал. Наш подвал был слишком холодным — ведь люди их строят для хранения консервированных продуктов, а не для сохранения людей. Соседский подвал был более надежен, и мы побежали туда. Я хорошо помню этот момент. Ночь была очень темной, мы бежали наугад и несколько раз падали, соседи вроде бы жили недалеко, а путь показался таким длинным.

Мне кажется, что труднее всего приходилось мужчинам. Они должны были сохранять спокойствие, так как им не подобает панически бежать. Успокаивать других, когда сам находишься в таком же положении, — это очень трудно.

Бомбили не переставая. Около 30 человек сидели в одном подвале, хуже всего было слышать крики женщин и детей. Читались все молитвы, какие только

предусматривал ислам. «Читайте молитву!» — только и было слышно в этом помещении.

Прекращать бомбежку, по-видимому, не собирались. Как мы потом поняли, бомбили они курорт.

Я не знаю, что им сделала база отдыха, может, она им напоминала базу боевиков, которых здесь и близко не было⁵. Потом уже начали наносить удары и по селу. И взрослые решили, что надо незамедлительно выезжать. Только забрезжил рассвет, мы собрали вещи, уложили на дядин КамАЗ. С нами было очень много родственников, и мы всей толпой забрались в кузов автомобиля. Как мне все это было невыносимо — одетые во что попало люди с испуганными лицами, всю дорогу приходилось терпеть плач детей. Нас было так много, что мне показалось на минуту, что я задохнусь.

Чтобы попасть в Надтеречный район⁶, в который мы направлялись, нам сначала надо было проехать Республику Дагестан, в результате это продлилось целые сутки. Ехать напрямую было опасно, и мы ехали по каким-то ужасным дорогам. В один момент показалось, что машина как будто переворачивается, но мы так и не поняли, что это было. Впереди ехал автобус, на нем была наша тетя, она наблюдала за нашим КамАЗом из окна. На минуту она увидела, как наша машина накренилась над пропастью и чуть не перевернулась. В эту минуту у нее чуть не разорвалось сердце, а мы даже и не поняли, что с нами происходило.

Мы прожили в станице Калиновской около месяца, в Грозном вроде бы все налаживалось... и наступило время возвращаться. Мы приехали на электричке⁷. Когда мы вышли с вокзала, было такое ощущение, как будто мы в какой-то незнакомой местности. Эти высокие обгоревшие дома были как привидения. Странно было видеть все эти развалины, но и к этому я привыкла (какого бы труда мне это ни стоило) так же, как и к взрывам. Мне кажется, что какой бы силы ни был взрыв, я его теперь не испугаюсь. Как говорится, человек ко всему привыкает.

К счастью, квартира наша уцелела, хотя и сюда попал снаряд и одна комната обгорела. Но мы привыкли ценить то, что есть, и не сильно огорчились. Школу нашу тоже, к счастью, не сильно разрушили.

Я уже должна была пойти в 9-й класс. До войны мы так ленились делать уроки и иногда не хотели идти в школу, но сейчас было совсем не так, мы с огромным желанием приступили к учебе и стали намного дружнее. Эта война нас только сплотила.

Этим же летом мы поехали в Нальчик на отдых, после всего пережитого все здесь для нас казалось просто сказкой. Мы лазили по горам, устраивали пикники возле речки, ездили по городу, а ведь те же самые горы и реки есть и у нас. Да, но теперь мы уже вряд ли прогуляемся там: наши леса и горы «плодовиты» всеми видами мин и снарядов. Когда смотришь иной раз на такие города, думаешь о том,

каким был наш город. Если бы войны не было, я себе даже не представляю, как бы он сейчас расцвел.

Через два года наступило время поступать, а я не знала, какую профессию я выберу. В голове моей было одно: модели одежды, всякие наброски, которые я делала в альбом. Я с детства увлекалась этим, я шила одежду для своих кукол, и мои фасоны всегда нравились окружающим.

Однажды моя бабушка назвала меня «маленьким художником-модельером», это название надолго засело в моей голове. Но это, как говорила моя мама, было несерьезно, всего лишь детские фантазии. К сожалению, в Грозном не было того факультета, на который я хотела пойти, а о том, чтобы уехать, не могло быть и речи. И уехать мне запрещали именно мои родители — которые сами проучились в России.

Моя тетя в то время жила в Москве. Зная мои способности, она специально приехала для того, чтобы уговорить родителей отпустить меня в Москву, к ней, чтобы я могла поступить в институт легкой промышленности. Но они меня так и не отпустили. Мама специально напоминала мне о том, что у меня проблемы с химией, а там обязательно нужно ее знать. Да, что поделаешь, это моя «ахиллесова пята». Хотя, думаю, что, если бы они отпустили меня, мое желание, мое рвение помогли бы мне в учебе.

На самом-то деле просто мама хотела, чтобы я стала врачом. Папа считал, что идти на медицинский против желания — это преступление, и хотел, чтобы я пошла на юридический. Он так хотел видеть свою дочь юристом — адвокатом или нотариусом...

Закончился наш выпускной, прошел он, как назло, плохо. Под окнами был шариатский суд⁸, и они не дали нам нормально провести вечер. Я себе придумала такое платье! Оно было из сиреневого атласа, фасон получился на славу.

Через два дня после нашего так называемого «вечера» я встретила знакомую девчонку, она училась на иностранном факультете, изучала английский. От нее я услышала, что у нас в университете изучают французский. Раньше я как-то не задумывалась об этом. Французский мне нравится, нравится, потому что он для меня язык моды, того, что мне так интересно.

Вот так я и стала учиться в университете на факультете иностранных языков.

Здесь мне сразу же понравилось, все студенты были такие дружные и общительные. Изучать французский оказалось очень интересно. У нас были хорошие преподаватели. Но разве могло все идти так хорошо, разве могли мы обойтись без войны? Я не могла поверить в то, что она опять началась.

1999-й год, повторение сценария⁹, но уже с большей силой. Даже когда начали бомбить город¹⁰, я еще на что-то надеялась. Мы, наверное, мало навидались за

прошлую войну. Если первую еще можно было как-то переносить, то эту войну выносить было просто невозможно. А может быть, потому, что я стала взрослей и лучше осознавала все, что происходило, или же эта война была более жестокой, чем первая. Трагедия, нескончаемая трагедия. Я уезжала в Ингушетию¹¹, а сердце, душа, часть меня оставались в Грозном. Оставались, потому что многие оставались там, зная это, невозможно было пребывать в спокойствии. Бедные пацаны! Да разве они не хотели жить, да разве нужно было им все это?! Они просто любили свой город, для них не было ничего, кроме него, и они остались защищать его. Со смертью каждого для меня, казалось, рушился мир, что-то обрывалось внутри. Смотреть телевизор я не могла, видеть все, что они показывают в «новостях», было выше моих сил. Выходить на прогулку я тоже не могла, не могла видеть, как люди беззаботно прохаживаются по городу, радуются жизни.

Может быть, это нехорошо, но куда бы я ни поехала, у меня всегда одна мысль: «чем мы хуже них?», «за что нам это?».

В малгобекском¹² парке собирались наши дети, для них — качели, карусели, все это было таким новшеством. Когда я смотрю на них, то думаю, что у нас хотя бы было детство, у них-то и этого нет. Все мы — «дети войны».

Через несколько месяцев мы приехали в Ачхой-Мартан в надежде на то, что здесь будет не так опасно. Дедушка переживал из-за того, что мы вернулись. В одну ночь, когда начали бомбить¹³, он так боялся, что с нами что-то случится, что не выдержал этого. Утром, после бомбежки, он слег, хотя был совершенно здоровым человеком, он пролежал целый день, вечером ему стало плохо, а ночью он умер, умер прямо у нас на глазах. Мне казалось, что я и все вокруг сошли с ума. Человек умирал, а идти было некуда, помощи искать было негде. Смерть, оказывается, наступает так легко, и ничто не может помешать ей. За эту ночь я, наверное, повзрослела сразу на несколько лет. Казалось, что все чувства просто выжаты из меня. Хотелось только умереть. Если раньше не верилось, что кто-то из тех, кто остался в Грозном, может умереть, то сейчас это так не казалось. Надежды были очень хрупкими.

Однажды у меня разболелась голова, чем сильнее она болела, тем больше мне хотелось забыться. И тут на минуту я подумала о том, как хорошо наркоманам! Да, я позавидовала наркоманам. Это был момент отчаяния, до которого нас нередко доводят. Что нам делать? Таить ненависть? Или же быть бессердечными лицемерами? Тогда я поняла всех наших парней, которые сидели на игле, а их становилось все больше и больше с каждым днем. Им оставалось или идти на войну, или же стать ничтожествами и наркоманами.

Но из Назрани приехал мой дядя, он решил увезти меня с собой. Видимо, он понял мое состояние и решил немного развеять меня.

Здесь мне было не лучше, спокойствие и беззаботность окружающих только напоминали мне о наших прошлых днях. Единственные приятные моменты

были, когда я встречала знакомых. Мы вспоминали прошлое, о тех, кто остался в Грозном, старались не говорить, не хотелось нагнетать обстановку, которая и без этого была напряженной.

Однажды мы ехали в автобусе в Малгобек. При выезде из Назрани была одна аллея, которая напоминала мне ту аллею, что была неподалеку от нашего дома в Грозном (и мне нравилось здесь проезжать). Тут заиграла песня группы «ДДТ» «Осень». «Осень, ты напомнила душе о самом главном, что же будет с Родиной и с нами» — так пел Шевчук о той самой осени, которая пришла к нам с войной и оставила нас без ответа на вопрос: что же будет с нами? Пел, сам того не подозревая, как глубоко ранил душу. И вряд ли эта рана заживет — ведь она такая глубокая.

Летом завершились военные действия. Был 2000-й год. Мы вернулись в Грозный. Я была счастлива, когда возвращалась сюда, ведь, чем больше наш город разрушают, тем больше мы его любим. Пусть здесь нет условий для жизни, мы это переживем; пусть он весь покроется пылью, мы готовы глотать ее; нам сладок, как говорится, и «дым Отечества».

Я возвращалась, а в голове звучала песня Тимура Муцураева¹⁴, которого мы так любим: «Я смотрю на город свой среди глухих руин, а когда-то парки и аллеи здесь цвели, по аллеям прогуляться выходили мы», «город Грозный — город грез и несбывшейся мечты». Почему я употребляю здесь слова из песни, а не говорю своими словами? Да просто когда мы касаемся больной темы, мы все говорим на одном языке. Тимур учился со мной в одной школе, мы с ним гуляли по одним аллеям, и кто еще, если не он, знает о том, что бывает в моей душе, когда я вижу свой город! Грозный был мертвым.

Тем же летом я пошла на переключку в университет, мы принялись за уборку. Приятно было вернуться в свой университет, нас было мало, и не верилось в то, что люди будут возвращаться.

На обратном пути из университета я встретила одного из своих друзей, у него умер брат, и нужно было выразить свои соболезнования. Я хорошо знала его брата, о его смерти я узнала еще в Ингушетии (это был немалый удар). Я подошла к нему и только заговорила, как на глазах выступили слезы, и я не смогла ничего сказать. И тут я заметила, что с ним произошло то же самое, но он не мог плакать — ведь это не подобает чеченцам, и что ему пришлось вынести, чтобы не подать виду! Но долго сдерживаться он бы не смог, и я поняла, что мне надо поскорее уйти. У него был жизнерадостный брат, он уходил на войну, как в какое-то загадочное путешествие, ему не было и восемнадцати.

Сильным было мое удивление, когда я пошла в университет в сентябре. Он был переполнен. Учеба пошла, но из нашей группы никто не вернулся. Моя подруга уехала навсегда за границу, я была одна-одинешенька, но Аллах все-таки любит меня, и он послал мне хороших людей. Я случайно познакомилась с девчонкой из немецкой группы — Асей. Мы с ней очень сильно сдружились и сразу поняли,

что дружба наша надолго и она будет прочной. Ася не только надежный человек, у нее сильный характер, и эта сила передается от нее. Позже я познакомилась еще с двумя Миланами. Меня окружили верные подруги. Дружба — она все-таки важная вещь. Если у тебя хорошие друзья, то жить тебе немного легче.

Учеба шла, но очень тяжело, занятий часто не было из-за взрывов и постоянных зачисток. Чего мы только не перенесли за это время! Почти каждый день кого-то убивали, и нередко среди них оказывались знакомые. Милана — одна из моих подруг — встречалась с парнем. У них были серьезные отношения. Он был веселым, жизнерадостным человеком. Невозможно было себе представить свою компанию без него. Казбек иногда становился посередине студенческого кафе и громко говорил в шутку: «Я здесь все купил». Это было утром. Зашел брат и просто произнес: «Казбека убили». Я стояла в этот момент спиной и не могла двинуться хотя бы для того, чтобы обернуться. Мне казалось, лучше бы я оглохла в тот момент, чем слышать эти слова. Но нет — и это, и еще много «приятного» я должна была услышать своими ушами.

Находиться в университете было невыносимо. Все напоминало о Казбеке. Когдаходишь в наше кафе, то сразу же в глаза бросаются огромные черные буквы: «Казбек, ты здесь все купил».

Огромными черными буквами (о наших братьях) мы оставили не только на стенах, но и в наших душах вечную память, нестирающуюся печать.

Мы, вайнахи, — сильный народ, что бы с нами ни делали, наш дух не сломить. И мы верим, что наша Чечня возродится из пепла.

Комментарии

¹ 26 ноября 1994 года Грозный атаковали отряды антидудаевской оппозиции. Атака была отбита, техника сожжена или захвачена, десятки российских военных были пленены. Так начиналась «первая чеченская война». В первых числах декабря Грозный уже бомбили. Скорее всего, семья Ларисы покинула Грозный уже в эти дни.

² Райцентр на западе Чечни, на равнине (или, как принято говорить в Чечне, — «на плоскости»). Двинувшаяся в Чечню 11 декабря по трассе «Ростов – Баку» со стороны Северной Осетии колонна федеральных войск 12 декабря была остановлена толпами местных жителей у села Новый Шарой, чуть севернее Ачхой-Мартана. Скорее всего, семья Ларисы покинула Ачхой-Мартан в эти дни.

³ Село в горном Веденском районе на юго-востоке Чечни. Въездом главного героя в «немирной аул Махкет» начинается «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. В ауле же Махкет разворачивается действие фильма «Кавказский пленник» режиссера Сергея Бодрова.

⁴ Бомбардировки этого района продолжались с большими перерывами с конца декабря 1994 года по начало июня 1995-го. Скорее всего, семья Ларисы покинула Махкеты в середине мая, когда бомбежки Веденского района стали массированными.

⁵ Действительно, боевики нередко базировались в лагерях и базах отдыха, расположенных в горах. При бомбардировках, однако, страдали и мирные жители окрестных сел.

⁶ Расположенный на северо-западе Чечни Надтеречный район считался оплотом антидудаевской оппозиции, здесь не было боевых действий и разрушений.

⁷ Железнодорожное сообщение с Грозным было восстановлено летом 1995 года.

⁸ «Шариатское законодательство» внедрялось в Чечне с лета – осени 1996 года. Однако на практике «шариатский кодекс» представлял собой причудливую смесь из собственно исламского права,

горского обычного права (адата) и уголовного кодекса времен СССР. В повседневной жизни шариатские суды наказывали, например, употреблявших алкоголь сорока палочными ударами (одно пиво «для медицинских целей» на рынке всегда продавался). В школьной программе оставался такой предмет, как рисование с изображением людей — «шариат» коснулся лишь курса биологии для старших классов, из которого была исключена теория Дарвина. Исламские радикалы пытались также запрещать в школах светские праздники, например, новогодние елки.

⁹ Видимо, автор имеет в виду последовательность: бомбардировки, ввод в республику войск, исход беженцев, уличные бои...

¹⁰ Первый авианалет на Грозный был 21 сентября 1999 года.

¹¹ Скорее всего, не позднее 20 октября, поскольку в рассказе автора нет ни слова про сопровождавшие массовой гибелью мирных жителей ракетный обстрел города 21 октября и последующие бомбардировки. Кроме того, с 23 октября и до конца месяца выезд беженцев из Чечни в Ингушетию был перекрыт, дороги интенсивно бомбили.

¹² Малгобек — районный центр на севере Ингушетии.

¹³ В первых числах февраля 2000 года, когда боевики выходили из Грозного в горы через села Алхан-Кала, Закан-Юрт, Шаами-Юрт, Катыр-Юрт, Гехи-чу, федеральные силы пытались их там блокировать и уничтожить. Особенно мощные удары, с применением «вакуумных» боеприпасов — снарядов и бомб, — наносились по соседнему с Ачхой-Мартаном Катыр-Юрту, где погибли до полутора ста мирных жителей, не сумевших покинуть село.

¹⁴ Муцураев Тимур — один из известнейших чеченских авторов-исполнителей, погиб. Многие его песни, по стилю и тональности во многом близкие российскому городскому фольклору, были посвящены войне и борьбе за независимость, став гимнами этой борьбы.

Под бомбежками

Айзан Дзухаева, г. Грозный, школа № 27, 9-й класс

До войны 1994 года мы жили в Ленинском районе, остановка «Автобаза», корпус 3, квартира 18.

Во время войны у нас все сгорело, и мы переехали жить в Старопромысловский район, на 15-й участок¹. Здесь я пошла в первый класс в школу № 27, где сейчас и учусь.

Пережив войну 1994 года, все ее ужасы, я не верила, что моему народу придется пережить еще более ужасную войну.

Это произошло в сентябре 1999 года. Мы находились в школе на занятиях. Урок прервал неожиданный гул самолета. У меня от страха пробежали мурашки. В голове пронеслась мысль — неужели война? Я была права, война! Это было ужасно. Через некоторое время самолеты начали бомбить Грозный. От разрывов бомб сотрясались стены нашей школы. Дети стали плакать, переживая за родителей, и хотели быстрее попасть домой. Меня сковал страх за жизнь родителей. В голове была одна мысль — добраться до дома и увидеть своих родителей.

Домой нас проводили учителя. И когда я увидела своих родителей, то от счастья, что они живы, у меня на глаза навернулись слезы.

Но самое ужасное было впереди. На второй день люди с участка начали уезжать, осталось всего пять-шесть семей. Наша семья тоже никуда не выехала. С нами осталась еще наша тетьа, Хазан. Самолеты продолжали бомбить город, пылали в огне нефтяные скважины.

Нам с братом было очень страшно, мы не знали, куда спрятаться. Но, к счастью, на нашем участке есть бомбоубежище. Женщины, которые остались, привели его в порядок. Муж моей тети, Руслан, сделал печку. Ее топили дровами, которые рубили мальчики.

Ночевали мы все в бомбоубежище, так как ночью был сильный обстрел.

Однажды утром мы вышли из бомбоубежища, пришли домой. Папа затопил печку, мама собиралась приготовить завтрак. И вдруг раздался выстрел, и над нами просвистел снаряд, мы услышали сильный взрыв. Я от испуга закричала и от взрывной волны упала на пол, мама быстро стала одевать брата, и мы побежали в бомбоубежище навстречу свистящим снарядам. От взрыва, раздавшегося рядом, нас засыпало землей. Мы добежали до укрытия, но взрывы не

прекращались. Женщины и дети стали плакать, читая молитвы, в которых просили Аллаха сохранить всем жизнь. От этих воспоминаний у меня на глаза наворачиваются слезы и сердце сжимается от страха. Ведь мы могли погибнуть.

Два дня мы не могли выйти из укрытия, всюду слышались взрывы.

Но самой ужасной для нас была ночь на 12 декабря 1999 года². На улице было холодно, уже выпал снег. На ночь мы шли в бомбоубежище, начался обстрел. Он продолжался всю ночь. Стены бомбоубежища дрожали от взрывов. До бомбоубежища не успела добежать группа парней, двоих ранило, но третий с ними не вернулся. Его нашли на следующий день, уже под вечер. Он лежал под елью, сложенной снарядом. Ахмед еще дышал. Мужчины с трудом нашли машину, но до больницы Ахмеда не довели. По дороге он умер.

Когда о его смерти сообщили матери, это была душераздирающая картина. Тамуся — мать погибшего Ахмеда — начала кричать, плакать и рвать на себе волосы от горя. Это было горе женщины, потерявшей за месяц мужа и сына. Муж Тамуси Ахъяд погиб 9 ноября 1999 года под бомбежкой.

После этой ночи мы пытались выехать, но каждый раз по дороге нас обстреливали, и мы возвращались домой.

Наконец, когда дали последний коридор³, это было 7 января 2000 года, нашей семье удалось выехать из Грозного. Моя мама, я, брат Хамзат и сестра Зарема трех лет, привязав на палки белые майки, пошли по дороге в направлении нашего села Кень-Юрт Надтеречного района, которое находилось на расстоянии 34 километров от нас. На улице стоял мороз, руки и ноги от холода посинели и не чувствовались. Мы взобрались на гору, на которой находился пост, и попросили у солдат разрешения погреться у них в палатке. Солдаты разрешили, и мы зашли. Согревшись, мы собрались идти дальше. Нам оставалось пройти 25–27 километров, но солдаты поймали машину и нас довели до нашего села.

Когда мы попали к родным, нас стали обнимать. Все плакали. Это были слезы радости, что мы живы.

На третий день мама и тетя уехали в Грозный, там остался папа.

Своих родителей я увидела только 9 апреля 2000 года, когда меня забрали домой. Увидев их, я заплакала. Головы моих родителей побелели от седины.

Но я благодарю Аллаха, что все мы выжили в этом страшном аду.

Для того чтобы передать все беды и невзгоды, что мы пережили, весь ужас войны, не хватит ни слов, ни страниц в тетради.

Взрослые! Я прошу вас, опомнитесь, остановитесь! Пожалейте нас, ваших детей!!!

Комментарии

¹ 15-й участок: жилые массивы в Грозном называются по-разному — есть «городки» (городок Маяковского), есть поселки (пос. Калинина), есть села (с. Старая Сунжа), есть «участки».

² 6 декабря 1999 года было объявлено, что «коридор безопасности» в районе с. Первомайское будет действовать только до 11 декабря — т.е., по сути, жителям города был предъявлен ультиматум.

³ Так называемые «коридоры безопасности» на самом деле не гарантировали безопасности выходящим по ним мирным жителям, поскольку нередко подвергались обстрелам.

Автостанция
в центре Грозного.
Чечня,
2004

Вид из окна.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

Центральный
рынок.
Грозный, Чечня,
2004

День артиллериста

Милана Зунайраева, г. Грозный, школа № 14, 11-й класс

То, о чем я хочу написать, — грустный рассказ-воспоминание о недавних военных действиях.

Это произошло 21 ноября 1999 года, в 22:00. День артиллериста — самый ужасный день в этом году! В этот день погибло столько близких родственников! Этот день навсегда запечатлелся в памяти у каждого из нас.

Мы были беженцами в селе Гойты¹. У нас во дворе жили три семьи: бабушка, тетя и двоюродный брат Орцик; дядя, его жена, два сына и две дочери; и наша семья — папа, мама, я, три сестры и брат. В это утро каждый из нас как будто предчувствовал несчастье, каждый был необыкновенно близок друг к другу.

В этот день был день рождения у моего двоюродного брата Биболта. Мы поздравили его и пошли спать. Уже в 22:00 меня разбудила сестра. Начали сильно стрелять... Наш попугай стал метаться в клетке и кричать что-то, как будто чувствовал приближение смерти. Мы оделись, вышли в коридор. Мой брат Тима и двоюродный брат Орцик ужасно хотели спать, особенно Орцик. Отец вышел вместе с дядей за калитку, где уже стояли папины двоюродные и троюродные братья. Мама с тетей тоже вышли за ними. Мы остались с бабушкой в коридоре. Я и моя сестра Бэлла хотели выйти к маме, чтобы позвать их, но не тут-то было: началось что-то ужасное, небо стало красным. Моя сестра убежала в дом, я — за ней. Нас бомбили. Потолок начал обваливаться, мама с тетей успели убежать в дом. Наша машина, стоявшая во дворе, загорелась. Я начала звать отца. Все плакали. Загорелась крыша дома, мы кричали, задыхались от дыма и копоти. Я видела ворота, которые отбросило далеко, а за воротами стояли родственники, в том числе мой отец, и у меня защемило сердце: неужели его больше нет? Я начала его звать. Я даже не знаю, как это случилось. Он убежал сквозь огонь к нам и вывел нас из дома. Мы выбежали все босиком и поползли за дом. Все начали спрашивать об Орцике. Уже в яме, за домом, дотронувшись до спины своей сестры и увидев кровь, я испугалась. Она была ранена. Моя мать, отец, сестра, двоюродный брат Биболт были ранены. Моя бабушка и Орцик были убиты. У Орцика оторвало полголовы, бабушке пуля попала прямо в сердце. Весь коридор был в крови. В эту же ночь умер троюродный брат отца².

На следующее утро, глядя на наш дом, где мы были ночью, мы думали: «Неужели все это мы пережили?» Мы даже не поверили, что мы живы. Да, нам удалось выжить, а вот единственный сын моей тети погиб.

Спустя два года у нас родился брат, но опять начались несчастья. Мой отец работал таксистом. 4 октября 2001 года к нему в машину подсади двое парней. Они отвезли его в безлюдное место и дважды выстрелили в голову, но он чудом выжил. Он перенес две сложные операции и остался жив.

Прошло два года. Он встал на ноги. Сейчас он работает адвокатом.

Кто бы мог подумать, что такое ужасное горе постигнет нашу семью?! Все, о чем я написала, это не сочинение из моего воображения, а истинная история семьи Зунайраевых, которая может быть типичной историей чеченской семьи последнего десятилетия XX века.

Комментарии

¹ Расположено «на плоскости», в Урус-Мартановском районе, немного южнее Грозного.

² 21 ноября 1999 года примерно в 21:00, российская артиллерия нанесла удар по центру села Гойты (ранее обстреливали только окрестности). По ул. Гагарина около двадцати домов получили повреждения, под удар попала также ул. Кирова. Свидетели сообщали о гибели от 5 до 8 человек, в том числе ребенка 5-ти лет, юноши 17-ти лет, мужчины около 60-ти лет и трех женщин (из сообщения Human Rights Watch от 25 ноября 1999 года).

Пока я буду жив...

Зураб Идалов, Грозненский район, с. Чишки, 8-й класс

Никто и никогда не сможет разубедить меня в том, что самое страшное зло на Земле — это война. К сожалению, молодое поколение Чечни узнало ее не по книгам и фильмам — она прошла страшным смерчем по нашим судьбам, по нашим жизням.

Как бы хотелось закрыть глаза и подумать, что все это — страшный, кошмарный сон! Но реальность не дает забыть и не дает забыть.

Я живу в маленьком горном селе Чишки¹. Это мое родовое село — здесь живут мои родители и родители моих родителей. Маленькое горное село испило свою чашу боли сполна, с лихвой.

Я закрываю глаза — перед моим мысленным взором предстают мои сверстники — Алихан Абатаев и Зелимхан Эхаев со своей мамой; красавица Зурка, молодая мама; многие молодые ребята; соседи справа и слева — Бадрудин и Мансур. Всех их перемолол страшный Молох. Мы никогда больше их не увидим, не увидим их улыбок — они ушли навек, но остались в моей душе, моем сердце, и память о них будет жива до тех пор, пока буду жив я.

В страшный майский день 1995 года к нам во двор вошли люди — на руках они несли тяжело раненную Айзу Эхаеву и ее единственного сына Зелимхана. Срочно требовалась операция — отец со своим двоюродным братом делал их и днем, и ночью, несмотря на отсутствие электрического света. Мать и сына спасти не удалось — их похоронили в одной могиле. Когда умирает молодая женщина и ее сын — это очень страшно. Вдвойне страшно и нелепо, когда умирают столь ужасной насильственной смертью.

А ведь история гибели этой семьи обычна. Отец в то время отправился на пост — стеречь село от незваных гостей. Именно в это время летчик вылетел на «боевое» задание — ему нужно было избавиться от своего смертоносного груза. Спикировав на село, он выпустил шариковые бомбы — наверное, он доложил командованию об уничтожении боевиков, а в семье Эхаева Хамзата навеки поселилось горе. Похоронив жену и сына, он забрал оставшихся троих дочерей и уехал — надо было заботиться об оставшихся и вылечить раненую Хеди.

Я много думаю и об этих «бравых асах» — летчиках. Действительно, вместо сердца надо иметь «пламенный мотор», когда рука твердо тянется к гашетке, выпускающая смерть на головы стариков, детей и женщин.

27-летняя Зурка в темную октябрьскую ночь развешивала белье новорожденной дочери. Наверное, последнее, что она услышала, — страшный гул самолетов. На дом, в котором она жила со своей семьей, были выпущены глубинные бомбы²... Сельчане были потрясены страшной картиной, дети чудом остались живы. Взрослые говорят, что старшей девочке — Эсет нужна квалифицированная помощь психотерапевтов. Но это слишком большая роскошь для обычной чеченской девочки — таких, как она, много.

Весна 2002 года была для жителей села переломной — после многих месяцев скитаний люди получили возможность вернуться в свои уцелевшие дома. Наконец-то перестали налетать самолеты, село обживалось. Худо-бедно начались занятия в школе. Прочулись в 5-м классе, закончили 6-й — наступили долгожданные каникулы.

В летнее июньское утро мой одноклассник Алихан Абатаев пошел за коровами... в последний раз пошел. Он подорвался на мине-растяжке.

1 сентября 2002 года, когда все остальные радовались Дню знаний, в нашем классе стояла гнетущая тишина — настолько остро чувствовалось отсутствие Алихана, настолько больно было смотреть на его мать и брата.

За свою короткую жизнь мы увидели столько горестного, печального, что иной старик за всю жизнь не увидит.

Мы живем на прекрасной земле, у нас прекрасные обычаи, традиции, полные доброты и справедливости. Нашими предками восхищались Лермонтов, Пушкин, Толстой, Солженицын. Николай II благодарил чеченских матерей за то, что они взрастили таких сыновей. Настоящий чеченец не только ближнему, но и врагу не откажет в гостеприимстве, если он нуждается в этом.

Я верю в моральный дух моего народа, верю, его не сломят разруха, лишения, нужда.

Я верю, что спустя совсем немного времени я напишу историю чеченской семьи не в таких мрачных красках; напишу о счастье, радости, веселье, о семье, залечившей свои раны и с оптимизмом смотрящей вперед!

Напоследок я призвал бы всех никогда не забывать прошлое, никогда не забывать тех, кто навсегда от нас ушел, — мы должны жить за себя и за них.

Комментарии

¹ Село Чишки, расположенное к югу от Грозного, в горах, на западном берегу реки Аргун, было лояльно по отношению к федеральной власти как в первую, так и во вторую чеченскую войну.

² «Глубинные бомбы» — военно-морской термин, боеприпасы для борьбы с подводными лодками. В Чечне «глубинными бомбами» называли авиабомбы большой мощности, предназначенные, в частности, для разрушения бетонных укрытий.

Мы пережили три войны

Мадина Гуражова, г. Грозный, школа № 27, 11-й класс

Я живу в городе Грозном уже около пятнадцати лет. Я и моя семья пережили три войны.

Когда началась первая война, в 1994 году, вся наша семья переехала в Ингушетию к нашим родным. В нашей семье всего пять человек: я, мама, папа, сестры Марина (ей пятнадцать лет) и Хеда (ей два года). Хеда — моя младшая сестра, ее тогда еще не было. Она появилась в нашей семье в 2001 году.

Хотя мы и не видели, что происходит в городе, но мы чувствовали, как там стреляют, убивают невинных людей. Когда мы уезжали, мы попали под обстрел. Это было ужасно. Мертвые дети, женщины, старики, а над нами летали самолеты. С помощью Аллаха мы проехали этот путь без потерь.

Папа и мама приехали в город, когда здесь уже было чуть спокойнее. Когда меня и мою сестру Марину привезли домой, то мы не узнали свой родной город. По дороге домой на полях лежали мертвые коровы, собаки, кошки, куры.

Все наши родные жили раньше в городе — мой дедушка, моя бабушка, дяди и тети. Мой дедушка вспоминал, каким был город — высокие красивые здания, кинотеатры, цирк, клубы, как много было людей, молодежи, как они всегда ходили в театр, кино. А сейчас мой дедушка не хочет переезжать обратно в город, потому что здесь опасно находиться, здесь ничего не осталось, все разрушено.

Когда началась вторая война, в 1999 году, она была для меня самой мучительной, ужасной. В первый день войны¹ я, моя сестра Марина и все мои друзья возвращались домой из школы. Над нами летели самолеты, потом был взрыв недалеко от нас. Мы в ужасе добрались до нашего дома. Дома никого не было, мама была на работе, она учительница младших классов, папа тоже был на работе, он шофер. Через некоторое время мы пошли чистить бомбоубежище, но оно нам не понадобилось. С каждым днем было все хуже и хуже, на мой город падали бомбы, снаряды.

На третий день меня, мою сестру Марину посадили в автобус, а мои родители остались в городе. В этот день на моих глазах убивали людей, плакали дети, женщины и старики, уводили наших парней. В одну женщину с ребенком попал осколок, было много крови, они скончались мгновенно, никто не подошел к ним, все боялись.

Автобус, который ехал перед нами, был подорван², но мы остались в живых. Наконец мы добрались до наших родных. Этот путь был очень трудным. Мы зашли к незнакомым людям, чтобы переночевать.

Все наши родные живут в Ингушетии, только наша семья живет здесь, в городе Грозном. Я не хочу уезжать из города, потому что я здесь родилась, здесь жили наши предки. Я — ингушка по национальности, но я очень люблю чеченский народ.

Дом моего дедушки, который находился в поселке Катаяма, разрушен. В школе № 49 учился мой папа, потом я, но эта школа тоже пострадала от этой войны.

Теперь мы переехали, и я учусь в школе № 27. Недавно мы поехали на олимпиаду. Я и мои друзья попали под обстрел в самом центре города, где бывает много народа. Люди сразу разбежались, все были напуганы.

Я думаю, все люди, весь народ Чечни, который пережил войну в Чечне, запомнит это навсегда. И я хочу, чтобы те люди, которые прочитают это сочинение, поняли, что нам надоело жить среди разрушенных зданий, без света, без транспорта, без воды. Вечером, когда наши ученики учатся, они практически ничего не видят, утром то же самое — приходим мы в школу, ничего не видно, темно в классах.

Но теперь мой город Грозный постепенно возрождается, построены новые здания. Я надеюсь, что этот город будет когда-нибудь процветать.

Комментарии

¹ Скорее всего, 21 сентября.

² «Автобус, который ехал перед нами, был подорван...» — 24 сентября 1999 года самолеты федеральной авиации нанесли удар по трассе Ростов – Баку в районе села Самашки, погибли восемь пассажиров автобуса (из доклада Amnesty International «Российская Федерация: Чеченская Республика», ноябрь 1999 года).

Самашки

Имран Сугаипов, Самашки, Ачхой-Мартановский район,
школа № 3, 10-й класс

В тот год деревья долго стояли в зеленом убранстве, хотя близился ноябрь, а в это время в лесах, садах Чечни давно пора пылать листопаду. Было странно, непривычно ходить по ковру из зеленых листьев. Они шуршали под ногами, будто высушенные или замороженные.

Старожилы, знавшие эти приметы еще с давних времен, предсказывали беду — сирот много будет.

Бедя не заставила себя ждать: декабрь принес Чечне войну — странную, страшную, перевернувшую представления о добре и зле.

Разрушенные дома, обгорелые здания, мусор, огромные ямы на дорогах — одни развалины.

Будто бы провели рукой и стерли все с лица земли.

Тут и одичавшие собаки, и люди, которым больше некуда идти, и, плюс ко всему, солдаты с оружием в руках, которые с утра до вечера ходят по домам в поисках новой жертвы, объясняя это тем, что делают проверки. Днем, несмотря на тяжелые условия жизни, сохраняется картина мирной жизни, но ночью...

Ну а что творится ночью?

Бомбежка, перестрелки, вся ночь проходит в ужасе: думаешь, вот-вот попадет в тебя, в твой дом или в близких людей. А выйдя утром на улицу, обнаруживаешь во дворе свежие осколки от вчерашних обстрелов и перестрелок. Ни одна ночь не проходит без жертв, бывают иногда целые семьи, убитые ночью неизвестными военными в масках или без масок.

А сколько пропадает людей! Их ищут родственники годами и не могут найти. И бывают счастливы, даже если найдут труп пропавшего. Надпись «здесь живут люди», сделанная мелом и красками на искореженных воротах уцелевших среди руин редких домов, мелькает и сейчас чаще других в разрушенном и сожженном городе. Бывали, правда, и другие надписи: «Уносить нечего, все разграблено». Но точнее слов «Добро пожаловать в ад!» не найдешь. Эта надпись была сделана на стене госучреждения при въезде в город.

Вот в такой страшной обстановке люди старались выжить.

В нашем родном селе Самашки во время первого штурма 1995 года, в апреле, 7–8 числа, мирные люди вывешивали белые простыни на воротах, давая тем самым знать, что здесь — мирные люди. Но многие из них не пережили штурма.

Только в первую русско-чеченскую войну Самашки штурмовали дважды: 7–8 апреля 1995 года и в марте 1996 года¹. Многие жители села еще до начала военных действий покинули свои дома, бросили имущество, уходили в Ингушетию. Но были среди пожилых людей и те, кто верил в то, что мирных людей не тронут. Такие оставались сторожить имущество, дом. Их настигла горькая участь. По одной нашей Выгонной улице была вот такая страшная картина (нужно сказать, что ее пересекает центральная Грейдерная улица): в западной части улицы сожжены или разрушены бомбовыми ударами дома Товсултанова Умара, Мальсагова Вахи, Сугаипова Султана, Арснукаевой Асет, Баршигова Хамзата, Хархароевой Асмы, Хархароева Исраила, Салихова Умы, Паршоева Имрана, Паршоева Сайхана, Абаева Магамеда, Самбаевой Айшат, Амеева Зии, Исаева Султана, Исаевой Зулы, Сугаипова Али, Магомадовой Секимат, Тахаевой Хамсат, Ильясовых, Батырханова Магамеда, Амирова Зиявди, Товсултановой Зайбулы, Сугаипова Сулимана, Минаева Супьяна. Это только западная часть лишь одной улицы Выгонной.

Только из перечисленных дворов погибли: 1. Исупов Абдулла, 1921 г.р. — расстрелян; 2. Кабиров Захар, 1920 г.р. — сожжен; 3. Минаев Супьян, 1921 г.р. — сожжен; 4. Минаев Магамед, 1977 г.р. — расстрелян; 5. Солтаханов Ахмед, 1977 г.р. — расстрелян; 6. Сугаипов Али, 1941 г.р. — сожжен; 7. Тахаев Ризван, 1961 г.р. — расстрелян; 8. Тахаев Ширвани, 1959 г.р. — сожжен; 9. Хархароев Хамзат, 1944 г.р. — сожжен; 10. Хархароев Ахмед, 1975 г.р. — сожжен; 11. Сугаипов Ризван, 1967 г.р. — расстрелян; 12. Товсултанов Али, 1944 г.р. — сожжен; 13. Хажбикаров Хизир, 1959 г.р. — расстрелян.

Это все люди, которые никакого отношения к войне не имели, оставались дома сторожить свое имущество. Из них Кабиров Захар и Минаев Супьян были ветеранами Великой Отечественной войны. В тот роковой для них день они были в орденах и медалях.

Крики заживо горящих Расуева Маду и его жены Кесирт слышала Батыргалиева Зила, которая жила на следующей улице. «Они звали на помощь, — рассказывает Зила, — но я не могла выбраться из укрытия, меня ожидало то же самое». А в это время их сын Расуев Хасан был привязан к БТРу шнуром и проволокой. Вот как об этом рассказывает Хасан: «Я был привязан к БТРу... Они три дома проходят, поджигают. Покурят и дальше идут, отдыхают. Мы шли по улице Степной. На улице лежал убитый. В это время как раз одного русского вывели. Его солдаты спрашивать стали: „Русский? — говорят. — Ты что здесь делаешь?“ — „К другу приехал“. — „К чеченцу?“ — „К чеченцу, мы вместе служили“. — „А, так чечен твой друг?!“ — начали его бить. Побили, побили. Потом устали, отдохнули. Смеются: „Что ты приехал? Что ты здесь делаешь?“ — „Да вот, у меня документов нет. Мне жить где-то надо. Работать, помогать друг другу“. — „А, ты на чечена работаешь!“ Привязали его и еще двоих и погнали нас к станции, на

Надпись
«Здесь живут люди»
на воротах
частного дома.
Грозный, Чечня,
2004

У подъезда
многоэтажного
дома.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

переезд, тут нас отвязали. Меня в канаву положили. Командир их говорит: „Пристрелите их, ребята“, — сам пошел. Вернулся командир. „Что, — говорит, — не разделались с ними? Что вы, как женщины, не можете разделаться?!“ Потом приехала машина какая-то. „Некогда, — говорят, — грузите их“. Нас в машину загрузили, сзади БТР с пулеметом. Привезли в лагерь. Там на земле лежали пленные. Нас тоже положили. Всех собака обнюхала, нас четверых тоже. Собака кого-то укусила. Я старался посмотреть. Голову поднимешь — они прикладом били по голове, смотреть не давали.

Потом нас на машине повезли к вертолету. На машине мы лежали в четыре яруса. Мы, четверо, были в одежде. Остальные до пояса раздетые, некоторые в трусах. А мы последние, нам еще повезло, лежим сверху. Привезли к вертолету. Нас с машины выбрасывают. Если не успеешь побежать, собака укусит. Через строй к вертолету. Били и в вертолете при погрузке. В вертолет по трапу надо идти, сзади руки связаны. Как хочешь поднимайся. Бьют тебя, пока не поднимешься. Если ты упал, собака укусит. И в вертолет заходишь — там бьют, бьют и гоняют тебя, куда им надо.

То же самое повторилось, когда в Моздоке выгружали. В фильтрационном пункте самашкинцев всех пропустили „сквозь строй“, избивая дубинками и прикладами. Камеры были переполнены. Недолго меня держали, уже 10 апреля я был освобожден. Меня заставили подписать бумагу об отсутствии претензий».

Мы узнали потом, что Хасан своих родителей в живых не застал. От них остался лишь пепел. Потом в пепле была найдена сережка матери Хасана. Он не вынес смерти жены, ребенка, родителей. Через три года его не стало. Остались дети без отца, матери, без дедушки, бабушки, без дома.

Российские военнослужащие сознательно кидали гранаты в подвалы, предполагая, что там находятся люди. В результате взрыва гранат были убиты старики, женщины, дети: Шуипов Джунид, Оспанов Мовсар, Шуипов Рамзан, Ямерзаева Залуба, Базуев Насрудин, Масаева Раиса, последние двое были только ранены. Военные пришли на следующий день, несмотря на просьбы жены и дочери пощадить раненого, убили их обоих — отца Базуева Насрудина и дочь от первого брака Мусаеву Раису.

Оставшиеся в живых жители села в один голос утверждали, что после ухода военных чуть ли не в каждом доме они находили пузырьки от промедола и шприцы. Их здесь можно было собрать хоть ведрами. Это говорит о том, что военные не понимали, что они творят.

Итог этой одной операции в Самашках — 130 жизней мирных жителей² и сожженные целые улицы.

Но испытания самашкинцев еще не закончились. Их ожидало еще худшее. В марте 1996 года начинаются новые испытания. Если при первом штурме военные действовали бронетехникой и автоматами, то в марте 1996 года были

задействованы все виды оружия: самолеты, вертолеты, установки «Град» и т.д. И на этот раз Самашки сровняли с землей. Здесь не было ни одного целого дома. Отсюда вывезли четыре КамАЗа убитой скотины. Везде валялись остатки снарядов. Люди были заживо погребены в подвалах. За эту операцию в Самашках было убито 187 человек³. Это были мирные жители: дети, старики, женщины.

Что мы сегодня имеем? Прошлое, насыщенное тяжелыми воспоминаниями, неопределенное будущее?! Огромную надежду и веру в Аллаха... Этим мы живем.

Комментарии

¹ В с. Самашки вечером 7 апреля 1995 года произошло столкновение подразделения федеральных сил с немногочисленной группой боевиков, не успевших уйти из села, в результате погибли несколько военнослужащих. На следующий день в селе была проведена карательная операция, в ходе которой, по сведениям «Мемориала», были убиты 103 мирных жителя (подробнее см.: Блинушов А.Ю. и др. «Всеми имеющимися средствами...»: Операция МВД РФ в селе Самашки 7–8 апреля 1995 г. / Результат независимого расследования Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне. М.: Правозащитный центр «Мемориал», 1995).

² По информации «Мемориала», погибли 103 жителя села, см. выше.

³ Возможно, речь идет о суммировании потерь за два штурма села, см. выше.

Небо над Гудермесом

**Айна Керимова, Ростовская обл., станица Егорлыкская,
11-й класс**

Чечня мала по размерам, со всех сторон она окружена горами и лесами. Вся ее территория пронизана реками, большими и малыми. Воспетый поэтами Терек — река горная, с мутной водой и с очень быстрым течением. А в моем родном городе Гудермесе бежит река Гумс. Кажется, что она не имеет ни начала, ни конца. Гумс не очень широк и неглубок, встав на середине реки, можно увидеть мелкие камешки, рыбешек, случайно заплывших сюда и не умеющих противостоять сильному течению. А искупавшись в Гумсе в жаркий летний день, можно почувствовать в себе невероятную силу и желание жить, помогать слабым, работать на благо Родины.

Наша семья жила в городе Гудермесе по улице Кирова. Улицы с этим и другими названиями в станице Егорлыкской и других городах, где я была, мне напоминают улицы моего родного города. В Гудермесе много частных домов, но есть и многоэтажные. В городе много школ, но самая запомнившаяся и моя любимая — это школа № 1. Я училась здесь два года. В городе была детская школа искусств, куда я ходила на рисование. На две части город делила железная дорога. Через нее был построен высокий мост, по которому страшно было ходить. В центральную часть города можно было пройти, преодолев этот мост. Запомнилось мне высокое многоэтажное здание — педагогическое училище.

На окраине нашего города находилось небольшое поселение — аул. Там жили папины родственники. Мы часто ездили к ним в гости, играли с их детьми. Это поселение на три-четыре длинные улицы. Люди, живущие там, хорошо знали друг друга. На окраине аула находилась мечеть, за ней — кладбище, где похоронены многие мои предки. Небо над Гудермесом всегда казалось более голубым и чистым, нежели над другими городами и поселками.

Часто приезжая в Грозный к бабушке и дедушке, я замечала, что небо здесь не такое ясное, как в моем городе, оно здесь серо-голубое, очень гармонировало с величественными зданиями. В Грозном много заводов, нефтеперерабатывающих, химических, однако их наличие не портит красоту утопающего в зелени Грозного.

Но вот наступил 1991 год. Моя мама вспоминает: «Все чаще стали появляться объявления о продаже домов¹. Сердце защемило. Чувствуются какие-то перемены, уже нет ощущения радости жизни. Через три года в Чечне началась война. А в 1995 году, 14 декабря, в Гудермесе началась стрельба². На крышах домов появились снайперы. Я с детьми и соседка Марьям с двумя сыновьями просидели два дня в подвале нашего дома. Мы изредка выбирались наверх, чтобы принести воды и продукты.

Затем решили перебраться в бомбоубежище и стали осторожно, пригибаясь, переходить центральную улицу, которая постоянно обстреливалась. Мы слышали свист пуль, и было очень страшно, особенно за детей. В бомбоубежище провели ночь, а утром узнали, что город будут бомбить.

Женщины, старики, дети вышли на улицу и направились туда, где стояли автобусы с белыми флагами. На автобусах были прикреплены трафареты с названием населенных пунктов, куда отправляли людей из Гудермеса. Я решила ехать в Майртуп³, где жила приятельница, с которой мы работали на заводе. Доехав до места, быстро отыскали дом, в котором жила Лайза. Встретились с ней как две сестры: обнялись, всплакнули. Я помогала управляться по хозяйству и по дому. Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше, и мы вернулись в Гудермес».

Я, тогда еще маленькая девочка, вспоминаю, что на улицах города было много транспортеров, танков. В небе — вертолеты, самолеты. По улицам ходили мужчины в маскировочных костюмах. Всю ночь беспорядочная стрельба. Мы ложимся спать одетые на тот случай, если вдруг придется бежать. Жизнь в городе как будто остановилась, было жутко и страшно. Школы в городе не работали, и наша семья решила, что нужно уезжать. Вместе с нами ехала соседка, тетя Марина с детьми. Она тащила вещи на санках, мама несла сумку с вещами. Это был холодный январский день. Мы добрались до Хасавюрта, оттуда — в Кизляр, затем в Волгоград. Дальше наши дороги расходились. Тетя Марина уезжала в Самарскую область, а мы в Ростовскую. Присели, всплакнули и попрощались. Наша дорога лежала в станицу Егорлыкскую. Мы приехали к бабушке и дедушке, которые сами недавно перебрались сюда. Брату Юнусу дали место в детском саду «Ромашка», а я пошла учиться в школу № 11, которая стала для меня родной.

Прошла весна, наступил июнь. Мы узнали, что в Гудермесе затишье и возвращаемся с надеждой, что все наладится.

Город нельзя было узнать: библиотека при железнодорожном клубе разгромлена, в городе полно ваххабитов⁴. Дела вершит их суд. Жизнь идет черной полосой: в школах преподавать некому, водопровод не действует, вода привозная, свет отключен, так как повреждена станция, взрывы и стрельба постоянные, горят дома. Пожили мы в этом кошмаре и решили вернуться на постоянное место жительства в станицу Егорлыкскую. Купили флигель и начали «приходить в себя». Правда, мой маленький братишка, увидев в небе вертолет, бежал в дом с криком, что сейчас будут бомбить. Объясняем ему, что здесь другая, мирная жизнь. Спустя несколько лет он забыл о страхе и с удовольствием смотрит, как парит в небе эта «железная стрекоза».

Воспоминания мамы: «Прошли годы: дети подросли. Пришло время играть свадьбы. Гости едут отовсюду, хотя судьба разбросала нас по всей России. Собираясь вместе, мы поем те же песни, что пели в Гудермесе, и танцуем лезгинку. А когда исполняем гимн Грозного, то слезы непроизвольно появляются на глазах. Дети просят нас не плакать, им не понять, что значит покинуть родной край,

Мед на рынке
рядом с пунктом
компактного
размещения
беженцев «Яндаре».
Поселок Яндаре,
Ингушетия,
2002

Доставка воды
для многоэтажного
дома.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

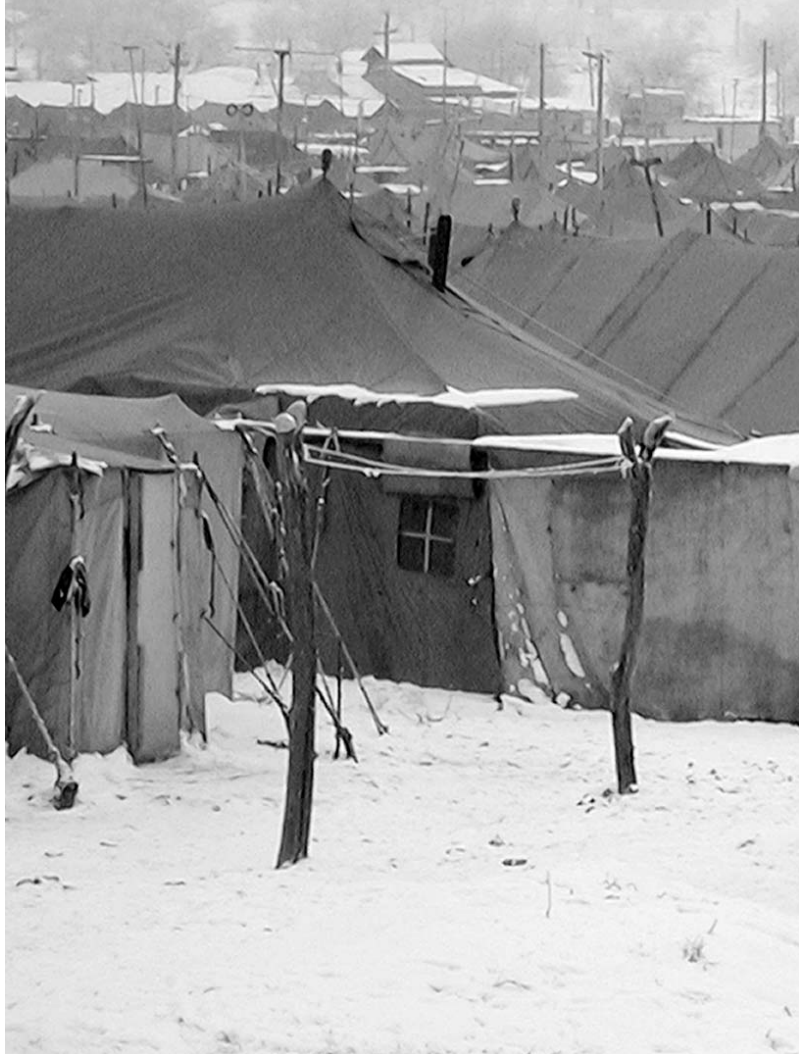
«Чеченский бензин».
Окраина Грозного,
Чечня,
2004

Пункт
компактного
размещения
беженцев
«Буратино»,
свастика
на стене.
Хасавюрт,
Дагестан,
2001

Лагерь беженцев
«Барт».
Карабулак,
Ингушетия,
2002

Блокпост
при выезде
из лагеря беженцев
«Сацита».
Станица
Орджоникидзевская,
Ингушетия,
2004

землю, где ты родился и вырос. Поэтому мы переключаемся на мысль о том, что хорошо там, где хорошо нашим детям. Сейчас в станице много семей, которые переехали из Грозного, Гудермеса. Все они вспоминают годы, прожитые в Чечне, но Егорлык — это наша новая родина, где мы пускаем свои корни: наше настоящее и будущее».

Теперь скромная станица Егорлыкская стала моей второй родиной. Хотя очень жаль было уезжать из родной республики, из родного города. Поначалу в Егорлыке каждую ночь мне снилась Чечня с ее быстрыми реками, горными хребтами, изменчивой погодой. Но со временем все забывается. Сейчас Чечня мне хоть и снится, но не так красочно, как тогда, семь лет назад. Во что превратила война мой маленький край, я могу только догадываться и судить из сообщений о Чечне. Но я уверена, что сколько бы ни жила, где бы ни жила, я никогда не забуду годы, прожитые в Чечне.

Комментарии

¹ С конца 1980-х начался отток невайнахского населения из Чечни, ставшего там основным объектом криминального давления.

² 14–17 декабря в Чечне прошли выборы, сопровождавшиеся многочисленными нарушениями и фальсификациями. При этом Веденский, Шатойский, Шалинский и Ножай-Юртовский районы, а также ряд населенных пунктов в других районах Чечни находились под контролем сепаратистов, и там не было возможности организовать выборы. 14 декабря с целью помешать проведению выборов отряды боевиков вошли в ряд крупных населенных пунктов Чечни. Вооруженные столкновения произошли в районе населенных пунктов Шатой, Новогрозненский, Ачхой-Мартан. Отряды Салмана Радуева, Хункерпаши Исапилова, Султана Гелисханова заняли второй по величине в Чечне город Гудермес. В течение последующих дней попытки российской стороны выбить их из города не удалось. В городе начались тяжелые бои. 19 декабря в Урус-Мартан был направлен отряд чеченской милиции, но столкновений удалось избежать. 19–20 декабря после массированных обстрелов, бомбардировок и тяжелых боев федеральные войска заняли Гудермес и приступили к «защите» города.

³ Село в Курчалоевском районе к югу от Гудермеса.

⁴ Скорее всего, речь идет о лете 1998 года. После нападения в декабре 1997 года на 136-ю мотострелковую бригаду в Буйнакске в Дагестане усилились преследования «ваххабистов», и большое число молодых последователей радикального ислама — свыше тысячи — бежало в Чечню. Здесь, не будучи ограничены родственными и иными связями, они стали существенной силой в руках лидеров религиозных экстремистов. Влияние последних резко возросло, росло и недовольство жителей Чечни «ваххабистами». 15 июля 1998 года в Гудермесе десятки человек были убиты и ранены в столкновениях между «ваххабистами» и силами, подконтрольными президенту Аслану Масхадову. Однако последний не проявил достаточной решимости, не воспользовался поддержкой населения Чечни, упустил возможность покончить с религиозными экстремистами — и далее те уже действовали без оглядки на законную власть. Это во многом предопределило вторжение в Дагестан летом 1999 года, начало второй чеченской войны, и переход тогда на сторону федеральных сил муфтия Чечни Ахмада Кадырова и полевых командиров братьев Ямадаевых, которые летом 1998 года противостояли «ваххабистам» в Гудермесе.

«где я соберу своих детей...»

«Бохча» моей бабушки

Милана Мальцагова, ст. Наурская, школа № 2, 10-й класс

У моей бабушки Марьям Мусаевой хранится очень драгоценная для нее вещь. Она представляет собой конверт, сшитый из бархатной ткани, с подкладкой. В нем она держит нитки, иголки, ножницы, лоскуты, все необходимое для рукоделия. «Конверт» сворачивается, затем перевязывается шнурком, пришитым к прикрывающемуся концу. Называется «бохча», а шит мой прабабушкой Залпой Мусаевой. Каждая уважающая себя женщина в чеченской семье имела такой предмет. Шили его из парчи, атласа, бархата, украшали всевозможными ювелирными украшениями, тесемками. «Бохча» являлась частью приданого девушки.

Рассказ, связанный с «бохча», я услышала, когда мы с бабушкой сидели в подвале в городе Грозном в 1995 году: тогда мне было немного лет, но до сих пор слышу гул самолетов, треск оконных стекол, крики женщин и детей. Я беру в руки «бохча», бережно разворачиваю, завязываю, а в голову приходит мысль: «Невзгоды, бегство, войны... всегда нас преследовали!» Задумываясь над тем, что происходит сегодня с моим народом, я слышу голос моей прабабушки.

В 1945 году она прибыла на станцию Предгорная Восточного Казахстана. Ее обнаружили в одном из вагонов с углем и выкинули на ходу. Она искала своих шестерых детей, вывезенных из Чечни в далекий холодный край. Ее отправили в Южный Казахстан, детей — в Восточный. Год и шесть месяцев, день и ночь, металась она от одной станции к другой — с большим трудом удавалось упротить проводников — подсаживалась в вагоны с углем, без теплой одежды и куска хлеба.

Вот что вспоминает ее дочь Залва: «От станции Предгорная до села Глубокое мама ночью прошла более 10 километров. Когда пришла в село, она услышала мелодию чеченской песни. Ее ноги сами понесли. Подошла к избушке, где мы остановились, заглянула в окно, у которого горела лампада, и узнала свою «бохча» и швейную машину «Зингер». Постучала и упала, дальше двигаться не было сил. К этому времени нас уже нашел отец, который приехал чуть раньше с фронта. Он услышал стук в окно, вышел — под окном лежит мама. Занесли в дом, ее невозможно было узнать: вся черная от угольной пыли».

Что же помешало моей прабабушке выехать вместе со своими детьми?

Февраль 1944 года. Чеченский народ обвинялся в пособничестве Гитлеру, даже самых маленьких детей рассматривали как потенциальных «бандитов». Мало кто думал, каково будет в дороге одним детям, без матери. Старший сын пра-

бабушки работал в городе Грозном, ему было 16 лет. Моя прабабушка поехала к нему за день до выселения. Прадедушка воевал.

Прабабушка Залпа рано осиротела. В 16 лет она вышла замуж за моего прадедушку Абусалмана. Они прожили вместе 55 лет, воспитали шестерых детей. Работали в Грозном на нефтяном промысле. Жили в корпусе барачного типа с другими семьями — русских, украинцев, армян, евреев. Одна из дочерей вспоминает: «Нас читать и писать научил учитель Торчинский. Он был очень умным и образованным человеком. Я дружила с его дочерью Тамарой. В двадцатых-тридцатых годах в русскую школу чеченских детей не брали: они должны были четыре года обучаться в чеченских классах на латинской основе, потом только принимали в первый класс. Дети в семье говорили на чеченском языке, общались на русском, армянском, украинском. Учитель Торчинский прекрасно владел чеченским языком».

Жили бедно. Прабабушка Залпа пряла, шила, вязала, обстирывала и готовила на шестерых детей. Работала оператором на промысле. Ей было трудно не только физически, но и психологически. В чеченских семьях традиционно роль женщины всегда признавалась значительной, но при этом она не должна была быть на людях. За это прабабушку осуждали родственники, знакомые.

Но изменения в обществе сказывались на повседневной жизни людей. За хорошую работу ее наградили пальто. В республике делалось все для привлечения женщин-горянок к советской власти. Газеты выходили под лозунгом «Женщину-горянку — в пальто!».

Дочь Залва вспоминает, что однажды прадедушка поехал на подводе в село Старые Атаги в гости к родственникам. Была зима. Прабабушка Залпа отказывалась надеть пальто, муж настоял. Доехали до села, остановились у дома родственников. Посыпался град камней в сторону прабабушки Залпы. Пальто воспринималось как символ измены национальным традициям и обычаям. До промышленной революции не было надобности одеваться в теплую одежду. В основном накидывали теплый большой шерстяной платок. С привлечением женщин в производственный процесс стало необходимо одеваться в удобную одежду. В селах все новое воспринималось как нарушение устоев, посягательство на свободу.

Но постепенно жизнь в семье прадедушки и прабабушки налаживалась: воспитывали детей, строили отдельный дом, думали к осени переселиться.

Но вот началась Великая Отечественная война. Мой прадедушка — к этому времени он работал военным комиссаром в Старых Атагах — ушел в 1941 году добровольцем на фронт. Прабабушка Залпа работала на военном заводе в городе Грозном, выпускала снаряды для «катюш» на токарном станке. Их старший сын Мовлади тоже работал на военном заводе. Мать и сын сутками не приходили домой. С детьми дома оставалась четырнадцатилетняя дочь Залва. Она вспоминает: «В 1943 году Грозный бомбили. Резервуары с нефтью загорелись. Все ушли

тушить пожар. У меня до сих пор в ушах крики жертв, перед глазами — обожженные люди, они просили помощи, искали воду. С соседкой Халимат и детьми: у нее — трое, со мной — четверо, самой маленькой было восемь месяцев, — пешком отправились через реку Аргун в село Старые Атаги. Нас приютили очень добрые люди, они хорошо знали нашего отца. Жили, надеясь, что скоро кончится война».

ВЫСЕЛЕНИЕ

Но в 1944 году чеченцы пережили поголовную депортацию в Среднюю Азию и Казахстан. И не только чеченцы, но и ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки.

Болью в сердце отзывается это событие в воспоминаниях Залвы: «В Старых Атагах объявили, что чеченцев по приказу Сталина выселяют. Всех собрали, начали увозить из села. К нам пришли трое военных и спросили, есть ли взрослые. Я сказала, что жду маму и брата, они работают в Грозном на военном заводе. Военные сказали, что их не стоит ждать, они не придут, и начали мне помогать собирать кое-что, предложили взять с собой продукты, теплые вещи. Из продуктов оказалась кукурузная мука, из теплых вещей — мамино пальто и старая отцовская фуфайка. Я настояла и взяла швейную машину „Зингер“. Она дала возможность выжить в Казахстане.

Приехали на подводе в Грозный. Я так надеялась здесь встретить своих — маму, брата. По 10–15 семей сажали в товарный вагон, а в каждой чеченской семье было по 6–7 детей. Целый месяц следовали к месту назначения. На станциях не останавливались, только на открытой местности — для того чтобы выдать умерших, где их хоронили, мы не знаем. Если и останавливались, то в тупиках, стояли сутками. Кормили кашей: одно ведро на всех.

С нами в вагоне ехал дедушка, ему было 95 лет. Он очень опекал нас, детей, пытался успокоить, рассказывал, что нас ждет благодатный край, где растет кукуруза выше человеческого роста, коровы дают молока больше ведра. Старик не выдержал, умер по дороге. Открылась дверь вагона, поднялся молодой солдат, он весь дрожал от холода, его глаза были полны слез. Мне стало его так жалко, что я предложила ему отцовскую фуфайку. Дальше по пути, на остановках, солдат приносил вместе с ведром каши и буханку хлеба, спрятав ее за пазуху».

Дорога была ужасной: голод, холод, болезни, но даже в этих условиях были люди, которые пострадали, сочувствовали, сердцем понимали несправедливость.

ЖИЗНЬ НА НОВОМ МЕСТЕ

11 марта 1944 года старшая дочь моей прабабушки Залва прибыла вместе с сестрами (самой маленькой было 9 месяцев) и маленьким братом (4 года) в Восточный Казахстан. В этот день ей исполнилось 16 лет. Они никогда не видели столько снега — полтора метра. На санях их привезли в районный центр Предгорный. Она вспоминает: «Стали спрашивать, кто мы, откуда, кто взрослые, кто родите-

ли. Я хорошо владела русским языком, рассказала, что мать и брат работали на военном заводе, отец на фронте. Показала последнее письмо, которое он прислал с фронта. Они задали нам и себе вопрос: „За что вас выселили?“ Многие люди недоумевали. Логика жизни не укладывалась в выдумку о „чеченцах-бандитах“.

Пригласили уборщицу конторы. Затопили баню, искупали нас. Столько было вшей! Накормили молоком и хлебом. Утром вызвали председателя колхоза, нас устроили в колхозный детский сад».

Залве предлагали учебу в типографии, она не могла, так как не с кем было оставить детей, за ними нужен был уход. Обуть и одеть нечего было. Иногда к Иртышу приходилось бегать за водой по снегу босиком. Она написала письмо отцу на фронт. От него не было ответа. Он был ранен и лежал в госпитале в Киеве. Встреча с отцом произошла неожиданно. Его дочь вспоминает: «В 1945 году кончилась война. В воскресный день я с детьми вышла на прогулку. Смотрю — солдат в окружении русских женщин. Мне стало интересно, что он рассказывает. Я подошла и узнала отца. Закричала: „Это мой отец!“ Бросилась к нему с плачем. Он обнял нас всех, спросил, голодные ли мы.

Отец стал работать заместителем председателя колхоза „Предгорное“. Начались поиски матери и брата Мовлады. Они искали нас. Нашла нас мама. Она сердцем чувствовала, где искать. Маму и брата мы долго лечили».

Моя прабабушка нашла в себе силы не пасть духом. Устроилась на работу звеньевой в колхозной бригаде овощеводов. Прадедущка Абусалман работал директором фабрики. Он много помогал людям. У него работали «враги народа». Он знал, какие страдания они пережили, знал, что они ни в чем не виноваты. Помогал, чем мог.

Люди отказывались строить жилье, сажать огороды, надеясь, что через неделю, месяц, год вернутся на кавказскую землю, что справедливость будет вот-вот восстановлена. Пришлось 13 лет жить на чужбине. Прадедущка знал, что главный виновник этого зла — сталинизм, пока жив «отец народов», изменений быть не может. А как выжить?

Начал строить дом, посадил сад. Люди приходили, любовались, удивлялись. Такой положительный пример помог многим выжить в суровых условиях. Выращенные овощи и фрукты он раздавал больным и престарелым. Те, кто не хотел строить и сажать, приходили за семенами и саженцами, просто за советом... Цветущий уголок рядом с жильем напоминал изобильную кавказскую землю.

А что же происходило на Родине, в Чечне? Об этом пишет в своей повести «Ночевала тучка золотая...» Анатолий Приставкин. Он рассказывает, как жутко было детдомовцам, прибывшим на Кавказ. Зреющие яблоки, колоссящиеся поля, благоухающие цветы — и никого! Ни одного человека!словно страшный смерч унес людей, оставив в целостности и невредимости возвращенное и выпестованное их руками.

Оказывается, станица Березовская, рядом с которой живут колонисты, вовсе не Березовская, а Дай-Чурт, что в переводе с чеченского означает «Могила отцов», и жили в ней совсем недавно чеченцы. Это их Родина, их дом, могилы их отцов, с которых солдаты снимают надгробные плиты и мостят ими дорогу в горы, где укрылись «остатки мятежников». Дорогу, как уточняет писатель, в пропасть.

В чеченские селения были направлены и студенты. Один из них вспоминает: «Задача студентов заключалась в том, чтобы до прибытия переселенцев из Курской и Орловской областей держать хозяйство в порядке. Мы должны были собирать скот, кормить, принять зерно, инвентарь и т.д. В горных аулах эту акцию провели иначе. Отсюда был эвакуирован весь скот, и тогда сожгли аулы, чтобы лишить „бандитов“ базы для существования. Днями можно было наблюдать в горах горящие аулы».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

XX съезд КПСС вслед за реабилитацией репрессированных при Сталине партийных и государственных деятелей осудил политику депортации целых народов. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена 9 января 1957 года.

Мои родные эту весть восприняли с большой радостью, не ставился вопрос: вернуться или остаться? Но они оказались в трудных условиях. На родине не было ни дома, ни имущества, ни работы. В 1957 году мою бабушку Марьям пригласили в Алма-Ату, где ей предложили работу в Грозном. Она с братом приехала на Родину с одним чемоданом. Жизнь пришлось начинать заново: опять строили дом, сажали сад. К концу 1957 года вся семья собралась вместе, воссоединилась. «К тому времени, — вспоминает бабушка Марьям, — старший брат и две сестры имели свои семьи. Моим родителям пришлось им помогать, так как они были без угла, имущества, работы».

Худо-бедно жизнь налаживалась. Подросли внуки, правнуки. Их фотографии появились в альбоме прадедушки и прабабушки.

Для моей бабушки жизнь навсегда изменилась после смерти родителей. В 2000 году, после известных событий в Чечне, в нашей семье появилась брешь — невосполнимая утрата: в городе Грозном на противотанковой mine подорвался брат бабушки, а в первую чеченскую войну погиб племянник.

Мы остались без дома, имущества, я до сих пор в беженцах, живу с бабушкой по матери. Она говорит, что боль очищает душу, а правда предостерегает людей. В истории одной ветви семьи отразилась схожая история десятков, сотен чеченских семей.

Я из тейпа «терло»

Зелимхан Ирбагиев, г. Грозный, школа № 34, 9-й класс

Я происхожу из тейпа «терло», что буквально означает «верхний снег» («тер» — «верх», «ло» — «снег»). Такое название объясняется местом, откуда произошел мой род. Место это находится высоко в горах, в Игум-Калинском районе Чечни, на границе с Грузией. Селение терлоевцев состояло из башенных комплексов, располагавшихся на скалистых обрывах. Башни служили не только жильем, они являлись неприступной крепостью для врагов. Их остатки до сих пор сохранились.

В чеченском фольклоре есть миф о терлоевцах, в котором моим предкам воздается за честь и доблесть. В этом мифе упоминается о торговом пути, который проходил через земли моих предков. Терлоевцы умело использовали это преимущество и взимали дань с купцов, провозивших там товары.

Мой прямой прапрадед Ибрагим, основатель нашего рода и фамилии Ирбагиев. Кстати, фамилия наша пишется неправильно из-за ошибки, случайно допущенной человеком, впервые проводившим паспортизацию¹ в нашем селе.

Этот прапрадед Ибрагим отличался предприимчивостью и трудолюбием. Вот что мне известно о нем из рассказов старших. Это был сильный, умный молодой человек. Он из рассказов проезжавших купцов черпал информацию о плоскостных землях. Так как в горах земли было мало, он решил попытать счастья на равнине. Он поселился в селении Катыр-Юрт², где нашел нескольких одотейповцев. Благодаря своей работоспособности он быстро там освоился: построил дом, завел хозяйство, занялся торговлей. К тому времени, когда подросли его дети, у него уже были свои магазины, мельница, лесопилка. Передав все это повзрослевшим семерым сыновьям, Ибрагим решил исполнить долг мусульманина и совершил хадж в Мекку. Мы не знаем, что заставило его идти пешком тысячи километров по горам и пустыням, но в памяти жителей села Катыр-Юрт навсегда остался благочестивый Ибрагим-хаджи, трижды совершивший хадж.

Люди очень уважали его и считали для себя честью породниться с ним. Все сыновья Ибрагима были людьми достойными, но жизнь их сложилась не легче, чем у отца. Своим благочестием они поддерживали авторитет отца, праведным трудом продолжали его дело. Целая сеть магазинов, мельниц, лесопилок, принадлежавших им, обеспечивала работой жителей соседних сел.

Все в семье было хорошо. Но Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила их жизнь. Трезво оценив обстановку, мой прадед решил добровольно отдать новой власти все, что было нажито нелегким трудом. Детям он объяснил, что «главное — сохранить семью и Родину, а богатство — дело наживное».

В его домах разместились школа, больница, аптека, сельсовет, почта. В магазинах, на мельнице и лесопилках оставили работать сыновей Ибрагима-хаджи, так как не нашлось других специалистов. Вскоре после смерти Ибрагима началось раскулачивание всех зажиточных селян. Только тогда дети по-настоящему оценили дальновидность и благоразумность решения отца. Многие их друзья были лишены всего имущества, сосланы в Сибирь, а то и вовсе пропали без вести. Мой прадед Сулейман, его братья Дауд, Мухадин и другие выжили. Как и отцу, им пришлось начинать все сначала. Но они трудились. Строили дома, растили детей и привыкали к новой жизни, в которой их врожденная предприимчивость не находила применения.

Пришла новая беда: Великая Отечественная. Но в 1944 году пришла беда страшнее: депортация чечено-ингушского народа. Морозные февральские дни; повозки и грузовики с выселяемыми с родных мест чеченцами потянулись к железнодорожным станциям. Более двух недель везли их в товарных вагонах в неизвестность. В их числе только из моей фамилии было 65 человек. Начались болезни из-за голода, антисанитарных условий и, конечно, холода. Без содрогания не могу слушать рассказы очевидца, моего двоюродного дяди Абдулы Ирбагиева:

«...Поезд останавливался на несколько минут. За этот промежуток люди должны были справить нужду и вынести помой. Соблюдая чеченский этикет, люди стеснялись делать это на открытой местности и отходили подальше, за что конвоиры расстреливали их на месте. В вагоне каждый день умирали по несколько человек, особенно старики и дети. Хоронить их не разрешали. Но мы старались присыпать их землей, а то и снегом. Иногда конвоиры просто вышвыривали трупы на обочину.

Дорога от Грозного до Казахстана устлана костями чеченцев и ингушей. Мы тоже многих не доездили. И они лежат, не преданные земле...»

Всем трудно вспоминать эти годы депортации. Это самая черная страница нашей истории. Гибли лучшие, уступавшие близким пищу и постель, из последних сил копавшие могилы в мерзлой казахстанской земле, не щадя сил работавшие на самой грязной работе, чтобы прокормить детей. Здесь, на чужбине, чеченцы и ингуши были лишены всего: Родины, чести, воли. Они были спецпоселенцами.

«Вначале к нам даже боялись подходить местные люди, — вспоминал мой дед Шадид. — Позднее они рассказывали, что до того, как нас привезли, им сообщили, что в товарных вагонах везут людоедов, поэтому они так были насторожены. Поселили нас в холодных бараках неподалеку от станции Кушмурун Семизозерного района Северо-Казахстанской области. Регулярно ходили отмечаться к коменданту, без ведома которого не могли выйти за пределы села.

Однажды мой двоюродный брат Мухадин ушел в соседнее село подзаработать. В течение дня закончить работу он не успел. За свое опоздание он дорого запла-

тился и был присужден к каторжным работам на много лет, и дальнейшая его судьба нам неизвестна».

Те, кому посчастливилось пережить первую зиму депортации, запомнили ее навсегда. Она осталась в их памяти горами трупов, сложенных штабелями, так как некому было хоронить умерших. Она оставила след на каждом из них не только преждевременной сединой, но и хроническими болезнями. Она кровоточит в их сердцах болью за преждевременно ушедших из жизни, не обретших даже могилы на родной земле.

Освоившись на новом месте, чеченцы работали, дети учились. Жизнь постепенно налаживалась. Мой дед Шаид построил дом, женился. Подружился с соседями. Только ностальгия по родной земле не давала жить спокойно. Когда в 1957 году вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации жертв политических репрессий³, дедушка Шаид был счастлив, как никогда.

Только тринадцать из шестидесяти пяти вернулись на Родину. Из огромных земельных участков, принадлежавших в Катыр-Юрте Ирбагиевым, на пять возвратившихся домой семей теперь досталось только восемь наделов. Было тесно. И молодежь потянулась в город. Прожив несколько лет на станции, они получили железнодорожные специальности, поэтому в городе им сразу нашлась работа. Дальше — больше. Днем — работа, вечером — учеба, в выходные дни — строительство жилья для своих семей. Среди нас много железнодорожников, есть врачи, инженеры, юристы, экономисты, предприниматели. Они живут в разных концах нашей страны. Их было бы больше, если бы не новая беда. Самая невосполнимая утрата — наши близкие, которых унесла война, начавшаяся в 1994 году.

Все Ирбагиевы — патриоты. Никто не хотел уезжать из республики. Но и никто не хотел идти с оружием проливать кровь невинных. Слишком многое связывало наших близких с Россией: учеба, армия, работа, родственные и дружеские узы. Каждый прошел через армию, поэтому знали, что солдат — человек подневольный, он выполняет приказ. По примеру своих знакомых десятки молодых людей из наших семей могли взяться за оружие, но старейшины на семейном совете решили: каждый, кто возьмет в руки оружие, будет изгнан из семьи. Молодые подчинились. Возможно, это решение спасло жизни многим русским солдатам, но не спасло наших близких. Как говорится, пуля не выбирает. Некоторые мои родственники погибли во время артиллерийских обстрелов и бомбовых ударов, других настигли случайные пули. Самая страшная участь настигла четверых моих родственников.

Это было в конце ноября 1999 года. Дядя Хас-Магомед вез с родственниками труп убитого племянника Аслана для захоронения в родном селе. Не доезжая Катыр-Юрта, на повороте Янди, их обстрелял танк. Выскочив из машины с белым платком, дядя с поднятыми руками направился к военным, выкрикивая: «Не стреляйте! Здесь женщины и дети!» До последнего часа мой дядя оставался законопослушным человеком и верил наивно, что невинную голову меч не сечет.

Выстрелы продолжались. Дядя был изрешечен. Тогда тяжело раненная жена Аслана (покойника) чудом сумела вытащить из машины малолетних детей, тоже раненых, и отползти на безопасное расстояние. Машина взорвалась. Если бы не случайная свидетельница, это страшное преступление осталось бы неизвестным, а трупы родственников — неопознанными: подошедшие к горящей машине солдаты бросили в огонь расстрелянного ими дядю Хас-Магомеда⁴. Этой трагедии не перенес мой дедушка Шахид: его сердце стучало всего лишь несколько дней, пока шли люди с болезнями. В эти дни все подъезды к Катыр-Юрту были перекрыты. И мой отец, как и остальные его братья, не смог проводить своего отца в последний путь. Мой дядя Хасан, которому был двадцать один год, попытался проехать в село, но был смертельно ранен. Их могилы находятся рядом...

Сейчас нас не бомбят. Но люди продолжают гибнуть. Неизвестно, когда закончится эта война. А пока мы, вернувшись на пепелище, пытаемся выжить.

Если мне это удастся, то я тоже выучусь, стану трудиться. Конечно, в первую очередь построю заново дом.

Комментарии

¹ При паспортизации записывали со слов человека имя, отчество — по имени отца, а так как фамилий или родовых прозвищ многих чеченцев не было, часто производили фамилию от имени деда (от имени Ваха — Вахаев, Виса — Висаев и т. п.). В данном случае вместо «Ибрагимов» записали «Ирбагиев».

² Катыр-Юрт — село на равнине в западном Ачхой-Мартановском районе Чечни.

³ Указ 1957 года восстанавливал Чечено-Ингушскую АССР. Закон о реабилитации жертв политических репрессий был издан значительно позднее, в 1991 году.

⁴ Были и другие свидетели, кроме выжившей женщины. Поскольку ответвление дороги на село Янди (Орехово) находится на самой окраине Катыр-Юрта, это преступление видели жители села. Вот показания одного из них: «14 ноября 1999 года при установке блокпоста между Катыр-Юртом и райцентром Ачхой-Мартан на западной окраине села российские военные убили и сожгли четырех человек, везших для захоронения труп умершего в Ингушетии родственника. Случилось это на том самом месте, где оборудовался блокпост. Военные без предупреждения открыли огонь по приближающейся „Газели“. Находившиеся в ней отец и сын *Хас-Магомед* и *Аслан Астамировы*, брат *Хас-Магомеда*, *Абдурахман Астамиров* и еще один человек, чье имя мне не известно, сразу же погибли. Из остановившейся машины со своим 5-летним сыном на руках выскочила *Асет*, жена *Аслана*, и легла на обочину дороги. Они оба были ранены. Женщина плакала и просила подошедших военных: „Ради Аллаха, оставьте нас в живых“... Ее погрузили в БТР и доставили в Ингушетию, в Слепцовск (ст. Орджоникидзевская). Убитых людей военные сожгли вместе с их машиной. Там же сгорел и труп человека, который перевозился для захоронения на кладбище нашего села». В несовпадении фамилий (Ирбагиевы и Астамировы) нет ничего необычного: Зелимхан называет погибшего *Хас-Магомеда* «дядей», но это мог быть дядя по матери, или (при чеченских традициях поддержания связей с дальними родственниками в «больших семьях») двоюродный, или троюродный дядя, фамилии же дальних родственников, очевидно, могут отличаться. Житель села говорит про блокпост, а Зелимхан (очевидно, со слов выжившей *Асет*) пишет про «танк». Но чеченка, очевидно, не разбиралась в военной технике и могла так назвать любую бронированную машину. Оборудование блокпоста в тот день лишь начиналось, никакие капитальные сооружения, очевидно, возведены не были, и пост, действительно, мог представлять лишь стоящую на обочине боевую машину.

ОПЯТЬ ВОЙНА

Милана Такаева, Шалинский район, с. Мескер-Юрт,
9-й класс

Я хочу рассказать о моей семье. Она начинается с истории моих прабабушки и прадедушки. Моя прабабушка — 1885 года рождения, она умерла в 1972 году. Прадед — 1880 года рождения, он очень хорошо знал арабский язык и Коран.

В сталинский период, в 1937 году, его упрятали в тюрьму, и он пропал без вести. Мой дедушка искал его по всем инстанциям, писал письма, и ответы на них по сей день хранятся у нас. В 1958 году прадед мой был реабилитирован. По рассказам прабабушки мы знали, что она долго носила ему передачи, которые ему не передавали. Тогда тюрьма находилась напротив бывшего кинотеатра «Космос» на берегу реки Сунжа. По рассказам стариков, бывших заключенных этой тюрьмы, известно, что их там жестоко били и издевались над ними.

Мой прадед — Берсанов Товсолт — был делегатом на II Всероссийском съезде горских народов, который состоялся в Москве.

Проходит время, наступает 1944 год. Моих дедушку и бабушку выселяют вместе с другими чеченцами в Среднюю Азию. Вот рассказ моей бабушки Марет:

«Рано утром в селе Мескер-Юрт в день высылки собрали всех мужчин в мечеть. На некоторых дворах солдаты находили спрятавшихся мужчин. И разъяренные солдаты не обращали внимание на женщин и на детей, „есть приказ, и выполнять его надо“. И вот всех, как скотину, загружают на машины.

Меня не пускали в дом к детям, я плакала, умоляла, потом схватила двух малышей, подошла к третьему, который находился в люльке. В доме у нас был запас продуктов и кое-что из дорогих вещей. Я хотела взять все это, но мне не разрешили. И один из солдат заступился за меня, я что-то из вещей я сунула за пазуху. Военная женщина, стоявшая у двери, отняла их у меня, как будто они были ворованные. Подняли детей и люльку с малышом на машину, и я попросила, чтобы разрешили взять один мешок кукурузной муки.

И нас доставили в Киргизию. Этот мешок кукурузной муки у меня забрали. Моя семья осталась без еды. Мы с мужем оказались на чужой земле с нашими детьми — Мухади, 1938 года рождения, Хавой, 1941 года рождения, Бауди, 1943 года рождения. И там мы прожили 13 лет. Я обменяла шаль свою на полмешка муки, и киргизская женщина вдобавок дала мясо, хотя они тоже жили в тяжелых условиях. Эта женщина смотрела на нас и плакала. Мы стали сеять кукурузу, строить дома из саманных кирпичей, черепичного покрытия не было. Чтобы дождь не протекал в дом, приходилось подниматься на крышу и замазывать глиной.

Через некоторое время мы переехали к своим родственникам. Там муж устроился на работу учителем, ведь до высылки он работал директором Мескер-Юртовской школы.

Однажды я пошла за водой, и следом за мной пошла моя дочь Хава, и я ее не пустила с собой. Сказала, чтобы она пошла обратно домой. Дорогу домой она не нашла и потерялась. Искали ее трое суток и наконец нашли в семье киргизов, которые приютили ее. Оказывается, она одну серьгу обменяла на дыню.

На земле Киргизии я похоронила семерых детей. На моих плечах и на плечах моего мужа осталась еще одна семья. Семья моего брата и моя мать. Мой брат умер от туберкулеза, и второго брата я похоронила через два года, после этого дети остались круглыми сиротами.

Старушка-мать не могла работать, чтобы прокормить себя и своих внуков, а внуки были совсем маленькими. Днем я работала у себя на огороде, а ночью, при лунном свете, на огороде матери. Так тянулись все эти годы.

Тем временем наши дети подросли, и нам дали разрешение вернуться домой.

В 1957 году мы приехали домой, на свою исконную землю. Старшего сына забрали в армию на три года. В 1966 году, в 16-летнем возрасте, умерла моя дочь — Табарак, 1949 года рождения. И вот я похоронила самых своих близких и родных мне людей».

Так кончается рассказ моей бабушки. И я продолжаю писать историю своей семьи и пишу о своих переживаниях.

В 1994 году начинается война, наступают самые тяжелые дни для чеченского народа, в десятки раз тяжелее, чем высылка из Чечни. Кругом разруха, болезни, смерть невинных людей. В 1996 году наступила передышка, когда было объявлено перемирие; приехал генерал Лебедь и заключили Хасавюртовский договор. Люди плакали от радости.

Наступает 1999 год. Опять война. Это был ад: страшные удары, самолеты бросают бомбы на мирные села, города. Люди живут в ожидании смерти. С тех пор моя бабушка потеряла здоровье, зрение у нее совсем ухудшилось.

То, что пережито в 2002 году, — бесчисленные зачистки¹ — это все заставило забыть пережитые две войны, высылку в Киргизию, оставило отпечаток на всю оставшуюся жизнь. И вот я пишу, думая: неужели нам придется пережить еще что-то худшее? И молю Аллаха, чтобы это не повторилось.

Вот такую роль сыграла моя семья в истории моего народа. Я не хочу, чтобы эта история повторилась, не хочу терять своих родных и близких людей. Не хочу видеть униженным и оскорбленным своего брата Якуба, не хочу видеть слезы на глазах моих сестер Хадижат и Мадины.

Комментарии

¹ Мескер-Юрт — село на равнине к юго-востоку от Грозного; жители возделывают огороды, выращивают овощи. Вплоть до 2002 года здесь, действительно, неоднократно проходили «зачистки», наиболее жестокая из которых проводилась группировкой федеральных сил с 21 мая по 11 июня 2002 года. В ходе той «зачистки» также были задержаны и «исчезли» 21 человек.

Я чеченка, дочь чеченцев

**Малика Магомадова, Курчалоевский район, с. Гелдаган,
школа № 1, 10-й класс**

Мне скоро пятнадцать лет. Много это или мало? Не так уж и много, если сосчитать количество прожитых лет. Но очень много, если сосчитать то, что пришлось увидеть и услышать за последние годы. Я, чеченка, дочь чеченцев, гордящихся своим происхождением и принадлежностью к этому народу. Я — седьмое поколение семьи Гемы из рода Тумсой. Его сын Ола, сын Олы-Газимахма, а затем Магомед-Али и, наконец, мой отец Салам — мои предки.

На каждое поколение моих предков приходилась война. Геме досталась часть истории моего народа, относящаяся к шейху Мансуру. Его сын Ола жил в период Кавказской войны и погиб в 1860 году. Сын Олы-Газимахма видел действия карателей в 1877–1878 годах. Мой прадед, сын Газимахмы — Магомед Газимагомаев — вкусил «прелести» войны на полную катушку. Он вступил добровольцем в Чеченский полк Туземной дивизии, названной в России «Дикой», и сражался с немецкими войсками в Первой мировой войне.

По рассказам бабушки, Али Магомадова, у прадеда было много наград за проявленные храбрость и героизм. Магомед участвовал в разгроме вайнахскими полками Железной дивизии немцев. В архиве моей семьи хранится копия телеграммы Верховного главнокомандующего русской армии — царя Николая II — от 25 августа 1916 года, направленная генерал-губернатору Терской области господину Флеймеру. В ней говорится следующее: «Как горная лавина обрушился чеченский полк на Германскую железную дивизию. Он немедленно поддержан ингушским полком. В истории русского Отечества, в том числе и нашего Преображенского полка, не было случая атаки конницей вражеской части вооруженной тяжелой артиллерии — 4,5 тысячи убитыми, 3,5 тысячи взяты в плен, 2,5 тысячи раненых. Менее чем за 1,5 часа перестала существовать „железная дивизия“, с которой соприкасаться боялись лучшие воинские части наших союзников, в том числе и русской армии. Передайте от моего имени, от имени царского двора и от имени русской армии братский сердечный привет отцам, матерям, братьям, сестрам и невестам этих храбрых орлов Кавказа, положивших своим бессмертным подвигом начало концу германских орд. Никогда не забудет этого подвига Россия. Честь им и хвала. С братским приветом, Николай II».

Возможно, что царь Николай II и не забыл бы подвиги моего прадедушки Магомеда, от которого и идет моя фамилия — Магомадова.

Но началась революция, а за ней и Гражданская война в России. Бойцы Чеченского полка не пожелали участвовать в убийствах русских рабочих в Петрограде и вернулись домой, в Чечню.

Однако пожар революции горел и здесь. Мой прадед поверил обещаниям большевиков и принял участие в борьбе с контрреволюцией вместе с Асланбеком Шериповым, Николаем Гикало и их соратниками¹.

Но и окончание Гражданской войны не принесло покоя. Действовали банды маордеров и грабителей, с которыми пришлось сражаться и Магомеду Газимагомаеву.

По рассказам дедушки и моего отца, Магомед был в числе первых чеченцев, представленных к ордену Боевого Красного Знамени. Он работал затем директором санатория и на других должностях.

Но грянула беда в конце 30-х годов. Его арестовали, объявив «врагом народа», и он бесследно исчез. Лишь в 1961 году комиссия Верховного Совета СССР проверила его дело, полностью реабилитировала и сообщила, что Газимагомаев Магомед скончался в марте 1941 года в лагере, на острове Новая Земля².

А что же с дедушкой? Он не подлежал призыву в армию, и когда началась Великая Отечественная война, его, учителя, в армию не взяли. Однако после нескольких его заявлений его наконец призвали в армию осенью 1943 года. Там он вместе с другими товарищами прошел военную подготовку и ждал отправки на фронт. Однако в первые дни февраля 1944 года их часть построили и объявили, что армии нужны хлеб, другое продовольствие, поэтому нужно срочно засеять поля. Для этого всех чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев временно отправляют домой, и их вернут в армию после посевных работ.

Это оказалось подготовкой к выселению. 23 февраля 1944 года семья Магомадовых, как и все чеченцы, была выслана в Казахстан. Трудно описать, что творилось с людьми в пути и в первые годы на месте прибытия. Об этом много сказано.

В 1957 году семьи моих родителей вернулись в Чечню. Им казалось, что теперь все испытания позади.

И в моей семье вроде бы все было благополучно. Родители работали в школе. Сестры учились в университете и пединституте, братья — в школе. Я же в 1994 году училась в первом классе. И тут грянула страшная беда — началась война.

По телевидению показывали картины разрушений, гибели людей. И вот война подошла к нашему району. Я с братьями — учениками седьмого и четвертого классов, матерью и престарелой бабушкой, эвакуированной из Грозного, стала беженкой.

Мы отправились в село Хиди-Хутор Ножай-Юртовского района, наивно думая, что раз там нет войск Дудаева, то и стрелять туда не будут. Но мы ошиблись. Уже на второй день после нашего прибытия начались бомбежки и артобстрелы. На подходе к селу разбомбили колонну с беженцами, и десятки ни в чем не повинных людей были убиты и ранены.

Через несколько дней к нам пробился папа и вывез нас назад, в село Гелдагана. Там мы прожили всю первую чеченскую войну, прячась во время обстрелов и налетов авиации в подвалах.

Хорошо, что хоть бабушке не пришлось видеть весь этот ужас. Он скончался еще в 1990 году.

Закончилась эта война, и мы вздохнули с облегчением. Но в 1999 году вновь началась война.

Снова престарелая бабушка бежала из Грозного с моим братом Ахмедом, студентом университета, к нам, в Гелдагана. Находясь на окраине села, мы провели несколько месяцев в подвале, поставив там железную печь. Папа чуть не погиб, когда поехал в Грозный забрать хотя бы одежду бабушки. Ее дом был серьезно разрушен от попадания бомбы. Не стало крыши, окон, дверей, и лишь частично потом их дом удалось восстановить, чтобы можно было переночевать. Мы сделали это из-за постоянных просьб и жалоб 80-летней бабушки, просящей дать ей возможность хотя бы иногда ночевать в доме, где она жила десятки лет.

Бедная бабушка! Она проработала 40 лет, никаких богатств не накопила, и ее дом был единственным ее достоянием. Чем же она провинилась? Она всю жизнь работала вместе с русскими и татарами. Ни у нее, ни у других членов нашей семьи не было неприязни к людям другой национальности.

Мой племянник Ваха так боялся налетов авиации и обстрелов, что сестре пришлось увезти его в Тюмень. Там она скиталась два года и вынуждена была вернуться домой. Но Ваха, которому 5 лет, при звуках выстрелов бежит в дом и прячется за спину своего деда — моего отца. И он стал у нас инвалидом из-за болезни сердца. В чем же его вина?!!

У папы погибли за эти годы дядя, двоюродные братья, сестры, свояченица. Были полностью разрушены дома у пяти его дядей, двух двоюродных братьев. И ни один из них не был боевиком. Все они зарабатывали на жизнь своим трудом.

А ведь такую же картину можно увидеть во многих и чеченских, и русских семьях нашей республики. Вся их вина в том, что они оказались жителями Чеченской Республики.

Я не хочу говорить о всех приключениях семьи, связанных с проверками, зачистками, потому что надеюсь, что они позади. Иначе зачем проводились референдум и выборы президента?! Я надеюсь, что рано или поздно все те преступники, чьи действия привели к гибели тысяч ни в чем не повинных людей, понесут наказание.

Говоря о судьбе своей семьи, я понимаю, что это часть судьбы моего народа. Мои родители делают все возможное, чтобы мы, пятеро их детей, получили образо-

вание. Папа считает, что народу нужно прежде всего поднять образование, чтобы его никто не мог дурить, и я с ним согласна.

Два моих брата и старшая сестра закончили школу с медалями. Старшая сестра работает в больнице после техникума. Она училась в университете, но из-за войны оставила учебу. Вторая сестра окончила пединститут и работает в школе. Братья учатся в Чеченском государственном университете и в Нефтяном институте³. Мне предстоит закончить школу, а затем и я постараюсь закончить вуз, чтобы принести больше пользы.

Ведь и мой отец с отличием закончил наш университет, стал заслуженным учителем ЧР. И низкий поклон моей матери, которая из-за нас, своих детей, не смогла продолжить учебу после школы.

Пусть же все отцы и матери и их дети будут счастливы и не увидят больше того, что пришлось видеть и пережить моей семье и мне!

Комментарии

¹ Асланбек Шерипов (1897–1917), чеченец, и Николай Федорович Гикало (1897–1938), украинец, — участники борьбы за советскую власть на Кавказе; вместе с еще одним комиссаром — ингушом Гапуром Ахриевым (1890–1920) увековечены в скульптурной композиции «Дружба народов» на одноименной площади в Грозном.

² Скорее всего, сообщение о смерти М. Газимагомаева на Новой Земле в 1941 году не соответствует действительности. Лагерь там не было — вопреки бытующим легендам: официальных документов на этот счет, несмотря на целенаправленные поиски, обнаружить не удалось, а существуют мемуарные свидетельства лишь «второго порядка» — пересказы с чьих-то слов, — не выдерживающие проверки. Вероятно, Газимагомаев был расстрелян в конце тридцатых, а родственникам, в соответствии с действовавшей инструкцией, сообщили не только фальшивую дату и причину смерти, но даже (редкий случай) вымышленное место — лагерь на Новой Земле.

³ Работа университета, нефтяного и педагогического институтов, прерванная осенью 1999 года, была возобновлена уже в сентябре 2000 года.

Где я соберу своих детей?

Карина Юсупова, Наурский район, ст. Мекенская, школа, 10-й класс

Осень. Дождь... Я сижу, укутавшись, на диване. В доме никого... Где-то раздался взрыв... Почему-то вспомнилась моя бабушка Азимат. Она жила у нас. Мы, ее внуки, любили с ней сидеть, слушать ее. Ее жизнь — это трудная повесть, вернее, история нашего народа, нашей Родины...

Ноябрь, 1999 год. Чечня.

Небольшое равнинное село в Сунженском районе. Жители попрятались в подвалы и погреба. Они в ужасе не знали, что делать, как быть. Снаряды, как дождь, падали на село. Они сотрясали все окрестности. В маленькой гаражной яме сидели дети из нескольких семей, взрослые притаились по углам гаража. Казалось, вот-вот рухнет крыша и погребет их всех.

Они не успели выехать раньше. Не верилось в эту бесчеловечность, и в очередной раз надеялись на гуманность сильных. А теперь перекрыли дорогу и поливают снарядами жителей, не успевших выехать за пределы Чечни.

Азимат сидела, укутавшись, в холодном углу гаража. «А разве кончалась эта война когда-нибудь?» — задавала она себе вопрос. «Они лишили меня отца за то, что он ходил молиться в мечеть. У меня был самый добрый и лучший отец на свете», — говорила она своим детям. Его арестовали в 1942 году прямо в мечети, при обеденной молитве, за «антисоветскую пропаганду», хотя он был простым крестьянином. Он так и не вернулся. Никто даже не знал, куда, в каком направлении его увезли.

А мама? Сколько страданий и мук она вынесла! Однажды, еще до выселения, рано утром во двор вошли люди в военной форме, среди них был и односельчанин. Они потребовали сена на корм колхозному скоту. Мама запротестовала, выступив вперед. Она сказала односельчанину: «Я не для колхозного скота трудилась все лето с малолетними детьми, без мужа. Только через мой труп забереете сено».

Военный со злостью выхватил кинжал. Азимат с ужасом закричала. Она испугалась, что он сейчас убьет малыша, которого ждала мама. Но, убедившись, что от этой женщины ничего не добьются, они ушли.

Она вспомнила, как в 1940 году, ночью, украдкой ото всех, хоронили дедушку — отца матери, который был выслан в Сибирь как кулак и, тяжело больной, тайно привезен домой, где через несколько дней умер.

В этот же день был ни за что арестован единственный брат матери, который из-за этого не смог похоронить своего отца. Так в один день она потеряла и отца, и брата...

Воспоминания прервал гул самолетов. От напряжения пересохло в горле... — пронзительный свист и мощный взрыв. И множество взрывов. Азимат думала не о себе, а о внуках, которые, сжавшись в комочки, сидели в холодной яме и ждали, когда опять наступит тишина. Ее беспокоила старшая внучка, которая не спускалась в яму, а сидела рядом и твердила: «Там — как в могиле, я лучше наверху погибну». Азимат вновь вернулась в мир своего далекого детства, глядя сверху на внуков, которые сидели на корточках, потому что лечь места не было.

Вот такими маленькими они были у мамы, когда их погрузили в вагон и отправили далеко-далеко.

Чужая сторона, другой народ, ни дома — ничего у них не осталось. В голодном краю, без мужа, отца, брата, мама похоронила одного за другим маленьких дочь и сына. Жить было негде, нечего было есть. Мама сама выкопала погреб для жилья. Холод и голод явились причиной смерти ее детей.

Здесь, в Казахстане, местные жители сами жили впроголодь, все отсылали на фронт, чтобы приблизить день Победы.

Однажды, в первое лето высылки, Азимат вместе с другими детьми заскочила на колхозное пшеничное поле, чтобы оборвать несколько колосков. Они на ходу жевали и глотали. «То, что в животе, никто не увидит, не заберет», — рассуждали они. Увидев детей, охранник погнался за ними. Большие смогли убежать, а маленькая Азимат была избита плетью и еле приползла домой.

И опять вспомнилась мать. Физически здоровая, она помогала везде и всем. Она стала «атаманом» женщин во всей округе. С ней считались и приходили к ней за советом мужчины. Ее любили, уважали и даже боялись. Боялись совершить плохие поступки. Если это случалось, посыльный собирал всех подростков, и сначала в кругу, потом отдельно проводилась беседа. Она была и отцом, и матерью для послевоенных детей.

Эта женщина, которая осмелилась бросить платок перед советским судом, осуждавшим невинного человека. Человека, который имел несчастье потерять часть колхозного стада во время пурги (была очень холодная, снежная зима). Она доказывала, что материально, с помощью других, можно это возместить, просила не калечить жизнь человека. Суд был глух и даже просто не понял ее поступка. Но для нее это был прекрасный кавказский обычай — использовать платок мира для примирения враждующих. А осужденный не вернулся, умер в тюрьме.

Азимат вспоминала, как приехала на Кавказ после первой войны в надежде, что обрела свою историческую Родину. Возвращаясь домой в поезде с внуками и детьми, в очередной раз чувствовала себя униженной, оскорбленной. Девять

человек, среди которых было шестеро детей, регистрировали на каждой станции только потому, что они чеченской национальности. Азимат хотела пристыдить милиционера: «В семилетнем возрасте вы увезли меня, как бандита, и в шестидесятилетнем я возвращаюсь, как бандит. Скажи, какое преступление совершили эти маленькие дети и я?»

Может быть, не стоило возвращаться, покупать здесь дом, привозить детей? Ведь мучительно тяжело принималось решение о возвращении. Люди, с которыми она прожила годы высылки, отговаривали ехать в Чечню, где все еще было нестабильно. Но ее дети жили там, на той многострадальной земле. И не только тревога за них, давняя мечта обрести Родину сыграли свою роль.

В годы возвращения, в шестидесятых, им не разрешили жить в своем родовом селении. А те семьи, которые ухитрились приехать и жить в таких селах, были вновь высланы на равнинную часть Чечни в 1964 году, а их жилища разрушены¹. Поэтому был отложен отъезд, который растянулся на долгие годы.

Она тревожилась за дочь и сына, которые остались в Грозном. Сердце ныло, в голову лезли разные мысли. Город Грозный — останки первой войны — добывали сейчас, словно пытаясь сровнять с землей. А там, в этом аду, — ее дети, которые остались дома — в блокаде, под бомбардировками, обстрелами. Война раскидала всех ее детей.

Азимат также думала о другой своей дочери, которая жила в пригороде Грозного со своей семьей и, как выяснилось потом, вынесла ужасы войны, потеряв там отца своих детей. «Когда и где я соберу своих детей? Неужели нет места нам на земле своих отцов?»

При штурме Грозного она потеряла своего младшего, семнадцатилетнего сына. Пешком прошла всю горную часть Чечни и на своем пути повстречала целую армию таких же женщин, ищущих своих детей. Серые, «пропитанные войной» женщины, не обращая внимания ни на обстрелы, ни на горящие и превратившиеся в пепел руины сел, ни на чьи-либо угрозы, искали среди тысяч погибших тела своих дочерей, сыновей.

Через восемь месяцев нашла сына — теперь уже повзрослевшего, не по годам сурового мужчину. Это было просто везением.

Азимат встречала матерей, возвращавшихся после поисков без детей. Они их нашли, но уже не живых, а мертвых, похоронили их. Были такие матери, которые сразу похоронили двоих, троих детей. С ужасом она вспоминала женщину, которая лишилась сразу четверых сыновей. Не дай Бог никакой матери пережить такую трагедию!

Азимат, мечтавшая жить на Родине, увидев здесь жестокость и насилие, теперь хотела собрать детей и бежать подальше от этого произвола. «Это хуже, чем 1944 год», — думала она.

В 2000 году Азимат уезжает в Казахстан. Теперь второй раз ехала она в те края, как ссыльная. Как сотни тысяч ее соотечественников, она сама бежала, выданная со своей Родины. Но тревога за тех детей и внуков, которые остались в Чечне, не покидает Азимат ни на минуту.

И я, пятнадцатилетняя чеченка, внучка Азимат, думаю: «Гонениям подвергались мои прадеды, деды. Был убит мой отец в 1999 году. Случайная, страшная по своей нелепости смерть: стоял на остановке, в это время начали бомбить село, и осколок попал прямо в сердце. Сколько пришлось пережить, выстрадать моей маме! А что мы, ее дети, видели доброго? Сначала одна война, потом другая. Переезжали с места на место, не имея представления, куда судьба занесет завтра. Четыре поколения моих родственников не могли жить спокойно. Неужели мы все — бандиты? Кто мне ответит на этот вопрос?»

Комментарии

¹ Сселение горцев на равнины в СССР обычно объяснялось улучшением их жизни и быта, но в Чечне тому была еще одна причина. Возвращение чеченцев в горные районы после 1957 года было не только затруднено — села, дороги, уголья пришли за 13 лет в запустение, — но и не приветствовалось. Во время депортации 1944 года значительное число чеченцев и ингушей ушли в горы и начали сопротивление. Размах партизанского движения и контрпартизанских действий войск НКВД–МГБ был в конце сороковых в Чечне сравним с тем, что происходило в Литве и на Западной Украине. К моменту возвращения депортированных народов сопротивление было в целом подавлено, но оставались отдельные абреки (последнего, Хасуху Магомадова, убили только в 1976 году).

Мой прадед — Салам-молла

Аминат Саламова, г. Грозный, школа № 7, 10-й класс

Каждый человек имеет свою фамилию и историю ее происхождения. Я — чеченка, и фамилия моя — Саламова. Возможно, для всероссийского конкурса не совсем удачная национальность. Фамилия моя происходит от имени человека, чья трагическая судьба известна во всей Чечне. Полное имя этого человека — Абдул Салам, но в народе и в религиозной среде, а также и представителям советской власти он был известен как Салам-молла из Варанды.

Он был очень известным религиозным и общественным деятелем первой половины XX столетия. Его судьба, по существу, схожа с судьбой миллионов представителей разных народов бывшего СССР. Но особенность в том, что трагедия Салам-моллы — это отражение не менее трагической жизни его прямых внуков, правнуков и целого чеченского народа начала XXI века.

До сих пор многие религиозные лидеры цитируют мудрые высказывания Салам-моллы. Немало примеров, когда некоторые гости нашего дома в беседах на темы религии, морали ссылались на высказывания Салам-моллы, порой не ведая, что мой отец Овта приходится ему прямым внуком.

В чем же заслуги Салам-моллы перед Чечней? Почему современники занесли его имя в список шейхов и алимов Чечено-Ингушетии?

Я хочу, чтобы мои сверстники знали о моем прадедушке не только как об одном из ведущих религиозных деятелей Чечено-Ингушетии, но и как о носителе высокой культуры и нравственности чеченского народа.

Когда он родился? В каких условиях жил?

В 1840 году карательная экспедиция российских войск в очередной раз сожгла село, его сады, посевы, расстреляла не успевших сбежать стариков, женщин и детей. После такой кровавой экспедиции она направилась в сторону Гойты, Урус-Мартана и других населенных пунктов. Сожженное село называлось Чахкер-Юрт и считалось центром предгорной территории чеченского тейпа Варандой. Земля тейпа Варандой — это огромная территория, которая на севере граничит с нынешним Чечен-аулом и простирается по правобережью Аргуна, на юге — с селом Борзой и селом Вашендарой, на юго-западе — с селом Харсеной, на западе — с Урус-Мартановским районом. На месте уничтоженного села Чахкер-Юрт была выстроена крепость Воздвиженская¹, которая просуществовала до 1919 года. В 1919 году чеченская Красная Армия во главе с Асламбеком Шариповым разгромила эту крепость.

Салам-молла родился приблизительно в 1867–1870 годах в селе Варанды, в семье, происходившей из Чахкер-Юрта. Он был третьим сыном в семье, а его полное имя было Абдул-Салам. («Салам» в переводе с арабского на русский язык означает «мир», «миролюбивый».) Рос он в очень религиозной семье, и, как принято у мусульман, начал совершать намаз в 5–6 лет. Его отец Астамир еще мальчишкой отдал его учиться в религиозную школу-медресе, которая находилась в Урус-Мартане. Учителем будущего шейха был арабист Хаки. Абдул-Салам был очень способным учеником, проучился он у него 26 лет, а богословие, философию ислама изучал всю жизнь.

Юношей Абдул-Салам мог спокойно писать и разговаривать на арабском языке², в совершенстве знал Коран. Арабский язык было необходимо учить для того, чтобы читать и переводить Коран (тогда не было теперешних многочисленных переводов Корана). Хаки был очень доволен Саламом и после окончания его учебы однажды сказал: «Не могу похвастаться усердием к знаниям некоторых моих учеников, но мой ученик Салам увез истинные знания».

В начале XX века Салам-молла вернулся домой и написал жейн (что можно было сравнить тогда с диссертацией), открыл свою школу — хужар-медресе. К нему учиться приехали молодые люди из многих горных сел и предгорных районов (Шатойского, Итум-Калинского, Шаро-Аргунского, Галанчожского, Урус-Мартановского, Атагинского районов и сел). Салам-молла более 30 лет учил молодежь богословию и философии ислама, выпустил около 500 учеников. Многие из них стали известными лидерами, авторитетами и богословами.

Салам-молла был крупнейшим религиозным деятелем. Его влияние распространялось в Шатойском, Итум-Калинском, Урус-Мартановском, Галанчожском и Чеберлоевском³ районах, ну а потом и по всей Чечено-Ингушетии. Сначала его невзлюбили царские власти, а потом и советские. И по одной и той же причине — боялись его влияния. После распада монархии в 1917 году советские власти вообще пропагандировали уничтожение религий. Но Салам продолжал свою религиозную и общественную деятельность. Его до сих пор помнят старики Галашкинского района⁴, Насыр-Корта⁵ и других районов республики Ингушетия.

В 20-х — начале 30-х годов XX века в Чечено-Ингушетии, как и в других районах СССР, из-за голода и репрессий начались волнения, восстали целые села и районы, появилось абречество. Убедительно и веско говорил Салам восставшим, что вооруженным путем невозможно добиться решения проблемы. Таким образом, он спас сотням людей жизнь, спас горные села от уничтожения. Он отрицательно относился к стукачеству, двуличию, лжи. Он мирил кровников, враждующие села и тейпы. Еще в 7-м классе, когда я интересовалась историей своего рода, двоюродный дедушка Абдурахман-молла привел мне два примера из многих случаев деятельности Салама-моллы.

В 20-х годах два тейпа села Махкеты⁶ враждовали из-за земли. Враждующие стороны позвали Салама на помощь. Салам-молла познакомился с местностью,

потом выделил хребет и по хребту разделил землю между сторонами. Этот хребет был назван его именем — Салам-Дукъ.

В начале 30-х годов в горных селах Галанчожского и Ачхой-Мартановского районов произошли крупные волнения, а в одном селе почти все население вооружилось и ушло в горы. Причины? Репрессии и голод. Власти они не подчинялись, началось жестокое кровопролитие. К ним поехал Салам-молла, и после долгой и трудной беседы люди возвратились к своим очагам. Была предотвращена трагедия.

В 1931 году, летом, в селе Махкеты один человек совершил гнусный поступок и не собирался признать свою вину и тем более отвечать за нее. Был убит человек, подозрение пало на невинного, которого собирались наказать. Чтобы разъяснить ситуацию и уладить дело, туда был приглашен Салам-молла. Пробираться к этому селению нужно было через горы. Салам-молла вместе с сопровождающими отправился в путь, и уже спускался с горы, когда тот абрек — виновник происшествия — увидел и узнал Салама-моллу. Он догадался, почему его пригласили, и, не дожидаясь, пока тот подойдет к селу, пошел к кровникам и сознался в содеянном, а также согласился ответить за свое преступление. Такое уважение вселял Салам-молла людям. Там, где была бессильна власть, его призывали для умиротворения враждующих сторон.

Кровная месть между семьями длились порой десятилетиями, и помирить их считалось очень трудным делом, так как она вспыхивала снова, но те, которых помирил Салам-молла, потом не имели друг к другу претензий и жили мирно.

У Салама было три жены и 13 детей, из которых двое в данное время живы. Это его дочка Маймунат и сын муллы Абдурахман, которые приходятся мне двоюродными дедушкой и бабушкой.

Из воспоминаний сына Абдурахмана: «Мне было около 15 лет, когда он пропал, но я все помню очень смутно. Запомнил одно — наш дом всегда был полон гостей, которые приходили за советом и помощью. Жили мы скромно, так как наш отец не любил роскошь, но, несмотря на это, уют и чувство защищенности у нас во время его жизни присутствовали всегда!»

У Салама-моллы была огромная библиотека, книги были привезены из разных стран Ближнего Востока. Он бережно хранил их. У него также была и рукопись с историей нашего рода с XII века. Эту рукопись передавали из поколения в поколение, и таким образом она попала в руки Салам-моллы. Он бережно хранил ее и сам также (как и все его предшественники) вписывал туда все важные события тейпа. Это рукопись, которая называлась «тептар», также исчезла, как и вся библиотека с редчайшими старинными изданиями религиозно-философской тематики, после депортации чечено-ингушского населения в 1944 году.

После возвращения в 1957 году из ссылки из Казахстана его дети неоднократно пытались хоть что-то найти из этой библиотеки, но все безрезультатно. Через

некоторое время после возвращения на Родину к дяде моего отца, то есть к Салам-молле Абдурахману, приехали из Дагестана религиозные деятели и передали два небольших ящика с жайнами и Кораном из библиотеки Салам-моллы. Выяснилось, что часть библиотеки из нашего дома в селе Варанды⁷ была вывезена дагестанцами (то есть была спасена), а большая часть оказалась, по их словам, в подвалах НКВД и исчезла безвозвратно.

Дагестанцы стали хранителями истинной мусульманской и кавказской культуры⁸. Спасибо им! Моя мечта — если закончится война и я останусь жива — найти семьи этих благородных людей.

У имама Салама-моллы была своя печать, которой он отметил свою библиотеку и свои рукописи. Эту печать и еще Коран, принадлежавший старшему сыну Саламову Абдул-Азиму, Абдурахман передал моему отцу — Овте. Но они, к сожалению, исчезли во время первой чеченской войны вместе с другими вещами и нашей библиотекой.

Ни тайно, ни открыто Салам-молла не призывал к свержению советской власти. Он говорил, что отдельными подвигами не поможешь.

Во время революции и Гражданской войны русские социалисты всеми силами пытались склонить горцев на свою сторону, они обещали Чечне хорошую жизнь, свободу вероисповедания и др., чтобы горцы стали на сторону большевиков. Они добились своего. Чеченцы и ингуши, в крови которых сохранилась ненависть к царским чиновникам из-за вековой кавказской войны, с удовольствием помогли им, ведь это была возможность отомстить за те беды, которые принес царизм народам Кавказа. 11 августа 1918 года начались стодневные бои в Грозном. 29 августа 1918 года в телеграмме Ленину Г. К. Орджоникидзе сообщал: «Под Грозным идут бои. В город введена Красная Армия из чеченцев».

Но в 30-е годы начался «кровавый карнавал» и для Кавказа, и для всего СССР. Власти всеми усилиями пытались уничтожить религиозных деятелей Чечено-Ингушетии.

Салам-молла знал об угрозе, но уезжать из республики, несмотря на уговоры родственников, не пожелал. Он не хотел покидать родные места, где жил, рос. В 30-х годах его все время куда-то вызывали, допрашивали и т.д., но в тюрьму не сажали. Одно время руководителем ГПУ был некто Саламов — по национальности осетин. Он был хорошо знаком с моим прадедушкой и говорил ему, что пока тот живет в Чечено-Ингушетии и его не переведут в другое место, прадедушку в тюрьму не посадят, но стоит ему уехать, арест последует незамедлительно.

Один раз его арестовали и повели в грозненскую тюрьму. (Саламова уже не было.) Напротив него сел чекист и спросил его: «Вы узнаете меня?» Когда последовал отрицательный ответ, чекист напомнил ему: «А вас хорошо запомнил. Еще тогда, во время Гражданской войны, я в одном из боев был сильно ранен и умирал, а вы спасли мне жизнь. Я никогда не забуду, как вы ухаживали за мной».

и лечили. Я обязан вам жизнью!» И со словами благодарности он отпустил его обратно домой. Таким образом, Салам избежал ареста. Но только на время...

Однажды к нему пришли представители ингушского духовенства, Устазом⁹ которых тоже был шейх Кунта-Хаджи¹⁰. Они предупредили его об опасности, а также предложили место для убежища и свою руку помощи. Но Салам-молла сказал им: «Если спрячусь я, то они замучают моих родственников и знакомых. Я не хочу, чтобы они пострадали из-за меня!»

30 июня 1937 года к Салам-молле пришел работник НКВД Шатойского района и сообщил, что его попросил заехать к себе представитель НКВД республики в городе Грозном, якобы тот хочет о чем-то посоветоваться. Салам знал, с какой целью его вызвали, знал, что оттуда больше не вернется, но все равно поехал...

Почему его не арестовали открыто? Потому что боялись, боялись. Боялись, что люди помешают увезти имама Салама-моллу, поэтому пошли на хитрость. Хотя какая тут хитрость? Не хитрость, а бесчеловечность! По одним данным, его расстреляли в 1937 году в грозненской тюрьме, по другим данным, он еще 8 лет пребывал на каторге в ГУЛАГе и в 1945 году там умер...¹¹ Ему тогда было 77 лет. Родные так и не смогли выпросить разрешения похоронить его по мусульманским обычаям...

Неизвестно, где сейчас находится его могила...

Вернувшись с учебы в 1905 году, Салам-молла построил мечеть. Эту мечеть разгромили во время депортации и на ее месте построили коровник. В 1991 году она была восстановлена жителями села Варанды. Во время первой чеченской войны в 1994 году она опять была разрушена, а в 1996 году снова восстановлена. В 1999 году мечеть снова пострадала, и жители села Варанды ждут окончания войны, чтобы восстановить мечеть тейпа Варандой.

Последователем Салама стал его сын Абдурахман. Сейчас он является имамом тейпа Варандой и весьма почитаемым религиозным лидером. Он продолжает религиозную деятельность отца. Абдурахман-молла несколько раз бывал в Кремле (на собраниях, где обсуждались чеченские вопросы), лично два раза разговаривал с Президентом России В.В. Путиным.

В каждой семье есть документы, вещи, когда-то принадлежавшие ее предкам. Все с удовольствием показывают их и рассказывают их истории. Я же могу похвастаться одной-единственной фотографией моего прадедушки и снимками его печати, оставшихся Коранов. Все остальное было сожжено во время войны. Кинжал Салама-моллы был украден из-за красивой рукоятки...

И напоследок я скажу: чеченцы — не бандиты и террористы.

Чечня — колыбель шейхов. Они предсказали нам мирную, счастливую жизнь. Народ верит в это.

Комментарии

¹ Крепость Воздвиженская — создана в 1844 году в предгорье, соседствовала с аулом Большие Атаги (2 км), примерно в 20 км от крепости Грозная (ныне город Грозный). Построена у входа в Аргунское ущелье.

² Распространенное в России мнение о поголовной неграмотности кавказских горцев до установления советской власти основано на том, что мало кто умел читать и писать по-русски: грамотность была арабская. Введение чеченского письменного языка, основанного на латинском алфавите, а затем — замена его на кириллицу практически уничтожили культурную преемственность поколений.

³ То есть практически на весь юг Чечни. Аминат называет старые (до 1944 года) названия районов. После депортации все эти горные районы заселены не были, административно-территориальное деление изменилось. Шатой переименовали в Советское, и к Советскому району присоединили большую часть горных территорий, часть отошла к Дагестану и Грузии. Земли эти были возвращены после восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 году, но заселены практически не были — напротив, вернувшихся горцев подчас селяли «на плоскость». Итум-Калинский и Чеберловский районы были восстановлены к концу XX века, Галанчожский же район (где находилось, в частности, село Хайбах) так и не был заселен и восстановлен — его земли входят ныне в Урус-Мартановский район. Земли «плоскостного» Атагинского района разделены теперь между Шалинским, Урус-Мартановским и Грозненским (сельским) районами.

⁴ Ныне входит в состав Сунженского района Ингушетии.

⁵ Ныне входит в черту г. Назрань.

⁶ В горном Веденском районе.

⁷ Село (вернее, несколько сел) в горном Шатойском районе на западном склоне Аргунского ущелья.

⁸ Вероятнее всего, это были лакцы (невайнахский народ), которых после 1944 года принудительно селили из горного Дагестана на место высланных вайнахов в Чечню, Ингушетию, в Хасавюртовский и Новолакский районы Дагестана.

⁹ Устаз — вероучитель.

¹⁰ Кунта-Хаджи Кишиев — вероучитель, принесший в Чечню в середине XIX века кадирийский тарикат (бувальню — «путь») суфийского ислама, ныне широко распространенный.

¹¹ В справках о смерти, выдававшихся в 50–60-х годах родственникам расстрелянных в годы «большого террора», даты смерти фальсифицировались.

Чеченская семья: связь времен и поколений

Турпал Юсупов, г. Гудермес, Колледж права и народного хозяйства, 2-й курс

Я хочу рассказать историю одной семьи. Мне эту историю рассказал отец, журналист Руслан Юсупов.

Дедушку своего мне не пришлось узнать — он умер по болезни, когда Руслану было всего 5 лет. Факты из его биографии свидетельствуют о том, что он был незаурядным человеком, яркой личностью. Два образования (строительное и педагогическое) в его пору, наверное, имели всего несколько человек в народе. В 17 лет, в 1942 году, он был назначен директором Гудермесской средней школы № 2. А следующая запись в его сохранившейся трудовой книжке гласит: «24 февраля 1944 года уволен в связи с выселением».

Получив специальность инженера-геолога, дедушка Хамид Юсупов на Казахской земле несколько лет осваивал степи. По возвращении на малую родину он умер. В самом расцвете сил — в 37 лет. При его потенциале он мог бы принести столько добра людям, обществу.

Расскажу о судьбе еще одного члена этой семьи, моего прадедушки — Магомеда Юсупова. С ним связана очень занимательная история, которая должна была прозвучать на всю страну в передаче «Жди меня». Но все по порядку.

Сохранился личный листок по учету кадров Магомеда Юсупова, где за записями также проглядывается история. Он был участником боев против Деникина в Гражданскую войну, членом Чрезвычайной комиссии по сбору средств фронту в Великую Отечественную войну.

Историю же, в которой он был главным героем, в нашей семье могли так и не узнать, поскольку не осталось в живых никого из близких родственников-очевидцев. Но помогло стечение обстоятельств. Несколько лет назад жизнь свела под одной крышей (редакции гудермесской газеты «Гумс») моего отца и пожилого человека, которого у нас называют «русским чеченцем» и «человеком-легендой». Это Юрий Евгеньевич Коптев. Ветеран Великой Отечественной войны. Участник Сталинградской битвы. Прошел всю Европу и следом же на Дальневосточном фронте воевал против японцев. 12 медалей и 4 ордена красноречиво говорят о том, как он прошел боевой путь. Послевоенная жизнь Ю. Коптева в основном связана с гудермесской газетой, где и познакомились Юрий Евгеньевич и мой отец — редактор отдела политики.

В Гудермесе у нас много однофамильцев, поэтому Ю. Коптеву не сразу пришло в голову, что Руслан может иметь отношение к тем Юсуповым, с которыми его

связывают очень добрые воспоминания. Когда он узнал про нашу семью, обнял Руслана и расплакался.

Начало истории, о которой поведал Юрий Евгеньевич, уходит в далекое прошлое. В 20-х годах прошлого столетия в Гудермес из разных городов России пришло много специалистов с семьями для строительства железнодорожных объектов и жилья. А поскольку размещать их было негде, то они рассеялись в гостеприимных чеченских семьях. Так семью Коптевых, Евгения Алексеевича и Валентину Петровну с детьми приютил железнодорожник, житель аула (восточная часть города, где живут коренные гудермесцы) Магомед Юсупов — дедушка Руслана и мой прадед. Одна из двух саклей была отдана пришельцам. Здесь в 1922 году появился на свет Юрий Евгеньевич.

Передо мной — ряд публикаций из различных газет, появившихся в последние годы. Вот «Аргументы и факты» № 50 за декабрь 2002 года. В статье «Человек-легенда» есть высказывания Ю. Коптева: «Я родился под голос имама мечети (двор Юсуповых примыкал к аульской мечети. — *Авт.*), зывающего к богобоязненности и благочестию, в семье добропорядочного и сердобольного человека Магомеда Юсупова».

Как рассказывает Юрий Евгеньевич, жили они как одна семья, делились всем, что имели. «Никогда не забуду вкус кукурузного чурека, который искусно пекла Айшат, жена Магомеда, — вспоминает он. — С этим чуреком я впитал в себя доброту этих людей, их душевную щедрость, простоту и мудрость».

Когда Юрию Коптеву было лет десять, произошло следующее. В ясный солнечный день во двор, где они играли со сверстниками, забрел незнакомый мальчик. Увидев на земле опавшие с дерева груши, он с жадностью стал их поедать, не обращая ни на кого внимания. Дети позвали Айшат. Она стала его расспрашивать, кто он, откуда. Но мальчик, как потом выяснилось, не понимал чеченского языка. Появившийся Магомед повторил те же вопросы на русском. Выяснилось, что мальчик с матерью и сестрой приехали в эти края из Поволжья, спасаясь от голода, и что мама, остановившись на окраине аула, послала его к людям за пищей. Магомед велел Айшат накормить мальчика, а сам отправился на поиски его семьи; дети, в том числе и Юрий Евгеньевич, пошли вместе с ним.

Вскоре они застали страшную картину: на земле лежало бездыханное тело женщины, а над ней рыдала маленькая девочка. Было похоже, что женщина умерла от истощения. Потрясенный увиденным, Магомед взял девочку на руки, и все вернулись в аул. Собрались люди, председатель сельсовета, участковый милиционер. Организовали подводу с лошадьми, на которой труп женщины отвезли на русское кладбище и похоронили. Когда же собрались снова, чтобы решить судьбу осиротевших детей, то Магомед настоял на том, чтобы они остались в его семье, что было всеми одобрено. Мальчика звали Алексеем, девочку — Оксаной. Они быстро освоились в новой среде, ощущая искреннюю заботу о себе, как о родных детях. Овладели чеченским языком. Приняли фамилию Юсуповых.

Коптевым вскоре выдали ордер на квартиру, и они покинули аул, хотя связь с Юсуповыми поддерживали постоянно. По окончании школы, в 1940 году, Юрий Евгеньевич поступает в Орджоникидзевское общеобразовательное училище, а Алексей Юсупов, как отличник учебы, был зачислен в Ейское военное летное училище. На этом их пути разошлись.

Свой военный путь Ю. Коптев закончил в звании капитана на Дальнем Востоке, освобождая Манчжурию. Юрий Евгеньевич имел множество ранений. Один раз его, раненого, с поля боя, рискуя своей жизнью, вынес сослуживец-чеченец. На Дальнем Востоке ему сделали четыре сложнейшие операции по извлечению осколков после черепно-мозгового ранения, и оттуда в сопровождении медсестры в течение 18 суток он ехал домой — в Гудермес. То, что ему сообщили на Родине, едва не добило его. Оказалось, что пятеро его родных братьев погибли на фронте, а чеченский народ оказался выселенным на чужбину.

Немного оправившись, Ю. Коптев поспешил в аул, где родился и вырос, где дом чеченца стал его родным домом. Навстречу ему вышла пожилая русская женщина. Она объяснила, что оказалась здесь не по своей воле, что их с Орловщины вынудили поселиться в этих краях.

И рассказала следующее. Некоторое время назад, до него, сюда приходил такой же военный в орденах и медалях, в звании капитана, и так же взволнованно расспрашивал о семье Юсуповых, называя ее своей родной семьей. Сокрушаясь, не скрывая слез, капитан (а это был не кто иной, как Алексей Юсупов) преклонил колени, набрал в платочек горсть земли, положил за пазуху и ушел. Пройдя сквозь ужасы войны, он, вероятно, рассчитывал увидеть родных ему людей, чтобы с ними окунуться в мирную жизнь, но столкнулся с великой несправедливостью.

К сожалению, никаких сведений о дальнейшей судьбе Алексея и Оксаны ни у Ю. Коптева, ни у моего отца нет. Массовые репрессии 1944 года поломали тысячи и тысячи судеб, навсегда оторвав друг от друга близких людей.

Юрий Евгеньевич и Руслан Юсупов продолжают вместе работать в ставшей для них родной газете «Гумс». В прошлом году в Гудермесе был широко отмечен 80-летний юбилей Ю. Коптева. Он — почетный гражданин двух городов: Сталинграда и Гудермеса.

Но на этом история не завершается. Когда о ней после статьи Юрия Коптева в республиканской газете узнал широкий круг людей, родилась идея: послать эту статью в Москву, в редакцию передачи «Жди меня». Была надежда на то, что, услышав эту историю, либо Алексей, либо кто-то из его детей мог бы откликнуться и сообщить о себе.

Идея была реализована. Редактор передачи Татьяна Байдаева сообщила по телефону, что они очень заинтересовались и приглашают для съемок в Останкино Коптева и моего отца. Съемки состоялись. В этой передаче было три сюжета,

три истории. Спустя месяц два сюжета были показаны по телевидению, где на экране мелькали и сидящие за столом герои «чеченской» истории. Но их выступления страна так и не услышала.

Участие в такой передаче давало возможность на всю страну показать истинное лицо чеченского народа, оболганное рядом центральных СМИ. Поездка выливалась в своеобразную миссию, о чем сообщили тогда местные газеты и телевидение. Можно сказать, что вся республика ждала появления в любимой всеми передаче своих посланцев. Но не дождалась.

Руслан периодически связывался с редактором передачи, в ответ звучали обещания: у нас, мол, свой график, свои подходы, ждите... И наконец была сказана правда. Все та же Татьяна Байдаева виновато сообщила о том, что в выступлениях посланцев Чечни оказалось больше политики, чем можно было позволить, и кассета с этой записью передана в архив.

Естественно, это вызвало большую досаду и негодование здесь, в Чечне. Уж в такой передаче, казалось, не должно было проявиться негативное отношение к чеченцам. Но, как говорят, «умом Россию не понять».

Вот так в Москве закончилась история нашей семьи, начавшаяся в Гудермесе. А ведь именно в Москве она могла получить не менее интересное продолжение с появлением новых людей и новых судеб. Может, где-то на российских просторах живет сейчас Алексей Юсупов и не знает, что снова мог бы стать членом нашей семьи? Видит Бог, наши сердца для этого открыты.

Мой прадедущка Абдул-Кадир Каимов Заурбек Каимов, г. Грозный, школа № 57, 10-й класс

Тейп, или род Каимовых, был самым многочисленным в маленьком селе Рогун-Кажа¹. Это село находится в нескольких километрах от районного центра, села Ножай-Юрт. Костяк рода Каимовых составляли три брата. Я хочу рассказать о моем прадедущке по отцовской линии.

Абдул-Кадир Каимов был настоящим человеком в истории.

Революция 1917 года застала его в своем родном ауле. Вести о свершившемся перевороте достигли и далекого горного аула, далекого от политики. Всю свою жизнь мой прадед говорил, что в его жизни самыми безмятежными и счастливыми были только 1918–1924 годы. Это объяснялось тем, что в это время он был юн и молод. В это время вайнахи жили свободно. Основными законами были адаты, которые и регулировали жизнь внутри аула, и решали внутритейповые вопросы. Были налажены отношения между горцами и терскими казаками. Вайнахи занимались хозяйством, образ жизни их устраивал.

Но грянуло новое время: время перемен. Шло новое покорение Кавказа. Основными декретами, принятыми на I Всероссийском съезде советов, были Декреты о мире и о земле. Мира хотели все, а земли требовали те, у кого ее никогда не было. У горцев мало земли, поэтому у них к ней такое трепетное отношение. Каждый чеченец знал, что другой земли нет и нигде не будет. Закон гор гласил, что нельзя отдавать свой клочок земли, но и нельзя зариться на соседский участок. Играя на этих человеческих чувствах, большевики сеяли хаос в обществе.

Миссионеры Советской России быстро находили «своих» людей, которые не работали и не хотели трудиться, праздно шатались в нищете. Эти люди были основой советов, которые продвигались в горах Чечни.

Мой прадедущка вспоминал, что Рогун-Кажа было утопающее в зелени горное село, земля родила все, что в нее было посеяно. В далекие 20-е годы он понимал, что к власти пришли люди, у которых нет Бога, им нечего было терять, даже совесть и честь.

Но жизнь в селе шла своим чередом. Мой прадедущка учился арабской грамоте. В те времена знание языка почиталось, чтение Корана являлось признаком грамотности.

После завершения осенне-полевых работ на широко раскинувшейся поляне Рогун-Кажии-ари, рядом с незамерзающей речкой Ямансу, устраивали ловзар². Основные события развивались в центре поляны. Мужчины, женщины и девушки образовывали огромный круг: с одной стороны — мужчины, с другой — женщины и девушки. В первом ряду у мужчин сидели старейшины, гости, за ними стояла молодежь. У женщин все наоборот — в первом ряду сидели молодые девушки. На одном из таких гуляний мой прадедущка познакомился со своей будущей женой — голубоглазой блондинкой Маржан.

Они поженились в 1926 году, Абдул-Кадиру было 14 лет, а Маржан — 14 лет и 2 месяца. Это была любовь на всю жизнь. Моя мама рассказывала про эпизод, увиденный ею в 1995 году.

Она вспоминает: в первую антитеррористическую кампанию³ наша семья, жившая в Грозном, переехала в Рогун-Кажа. В небольшой комнате в постели лежала тяжелобольная Маржан. В морозный вечер приехал на один день Абдул-Кадир (он жил у другого сына, в селе Бильтой-Юрт⁴). Все собрались вокруг прадедущки, спрашивая о его житье-бытье. И вдруг, не встававшая месяцами, моя прабабушка, держась за кровать, переползла к дедушке на нары. Все были удивлены, смутился мой прадедущка, а Маржан улыбалась. Надо было видеть ее глаза, полные счастья и восторга.

Вот такой короткий миг счастья.

1920–1930-е годы вошли в историю Чечни как годы усмирения. В 1925 году были осуществлены воздушные бомбардировки 16 населенных пунктов и более 100 подвергнуто артобстрелу. Сжигались и конфисковывались дома «бандитов», «кулаков» и духовенства.

В годы коллективизации государство приняло план сдачи сельхозпродукции. Цифры были нереальными. Кроме того, каждая семья облагалась денежным дворовым налогом. По мере создания государства Советов все сконцентрировалось в руках ревкомов. Приклеивались ярлыки: кулак, враг, бандит, вредитель, спекулянт. Ситуация ухудшалась с каждым днем. Обобществлялось все, даже домашняя птица. Этот период пережили не только чеченцы, но и все народы бывшего СССР. Создавалось равенство в бедности. Кулаками становились те, кто от ранней зари до вечера трудился на своих наделах, кому «богатство» доставалось через пот и кровь. Сносились мечети. Весной 1929 года в Чечню, как и в Россию, пришли нищета, болезни, голод.

Абдул-Кадир был обвинен и посажен в Грозненскую тюрьму под Сунжей. Имущество и скот были конфискованы. Против произвола властей в Чечне в 1929 году произошло восстание. Всего зимой 1929/30 года было арестовано не менее 35 тысяч человек. В подавлении восстания участвовало пять дивизий, сводные отряды Владикавказского пехотного и Краснодарского кавалерийского училищ, три артиллерийских дивизиона, два полка горных

стрелков, три эскадрона войск ГПУ. Восстание было подавлено. Власть Советов укрепилась.

Начало Отечественной войны 1941 года мой прадедущка встретил в родном селе. В 1941 году был призван в армию единственный брат Маржан, жены моего прадедущки, Мохмад. С фронта приходили письма, весточки... Мохмад пропал без вести. До самой смерти сёстры ждали своего единственного брата с фронта, хоть какой-нибудь весточки от него. К сожалению, не сохранились его письма к родным.

Чечню ожидали годы депортации.

В декабре 1943 года в Рогун-Кажа прибыли войска — целая рота. Жили они в домах сельчан. Каждый день ходили они по селу, делая какие-то отметки. Эти маневры проходили не только в одном селе, но и вокруг каждого населенного пункта. На каждых трех чеченцев и ингушей приходился один вооруженный до зубов военный.

По выселению жителей села Рогун-Кажа была проведена спецоперация. Операция началась по всей республике. С шести часов утра 27 февраля 1944 года входы и выходы в село были перекрыты. Каждая семья имела право взять любую одежду и один-два мешка муки. Семью Каимовых выгрузили в селе Ильичевка Узденского района Ошской области Киргизии.

Все долгие годы депортации наш народ жил с надеждой о возвращении на Родину.

В марте 1953 года умер Сталин. Вся страна была в трауре, но спецпереселенцы радовались этому событию. После смерти Сталина жизнь спецпереселенцев улучшилась. С лета 1953 года чеченцам и ингушам разрешили поступать в средние и высшие учебные заведения. В 1957 году началось возвращение в родные места.

В результате репрессий численность чеченцев и ингушей сильно сократилась. Так же пострадали и другие репрессированные народы СССР: балкарцы, греки, карачаевцы, калмыки, корейцы, крымские татары, немцы. Но все народы страдали — и русские в том числе.

Приехав в свое родное горное село, прадедущка учительствовал, работал в райкоме партии. Занимался подсобным хозяйством, воспитывал детей.

Пройдя через все тяготы и невзгоды, мой прадедущка не сник, а был полон жизни. Первая военная кампания 1994 года застала его глубоким стариком. Он ушел из жизни гордо и тихо, завещав нам, его внукам и правнукам, любовь к Даймох⁵, уважение к старшим, почитание традиций и обычаев чеченского народа.

Комментарии

- ¹ Горное село в Ножай-Юртовском районе.
- ² Сельский праздник, в данном случае — праздник урожая, приуроченный к окончанию осенних полевых работ.
- ³ Официально вторая чеченская война называлась «контртеррористической операцией».
- ⁴ Село в Гудермесском районе, «на плоскости».
- ⁵ К Родине, буквально — к «Стране отцов», к Отчизне.

Наша судьба

**Диана Сангариева, Урус-Мартановский район,
с. Комсомольское, 8-й класс**

Было это давно — сто с лишним лет назад. Шел 1898 год. В России царствовал Николай II. А в далеком горном чеченском селе Гухой² родился мальчик. Не долго думая, дали мальчику имя — Хусейн.

Хусейн родился на свет седьмым мальчиком в семье на радость и гордость отцу Озни. И цифра «семь», наверное, сыграла большую роль в его судьбе.

Хусейн был младшим и всеобщим любимцем большого семейства. Благодаря настойчивости, трудолюбию, желанию познавать новое, обучился грамоте, хотя в семье грамотных не было. Мальчик сам достал откуда-то потрепанную книжонку и начал учиться. Отец его Озни очень хотел, чтобы Хусейн стал богословом, толкователем ислама. Но жизнь решила по-другому: в первые годы советской власти, когда в Чечне началась борьба с неграмотностью, когда в каждом селе и ауле открывались ликбезы и школы, когда катастрофически стало не хватать учителей, Хусейн Озниева, имея семь классов образования, отправился в город Грозный на педагогические курсы. И вернулся в родное село учителем начальных классов. И с этих пор он всю жизнь посвятил делу образования людей.

С 1933 года началась трудовая жизнь моего героя. Молодой, энергичный учитель не сетовал на трудности. Нашел свое счастье, когда встретил свою будущую жену Рахимат. Казалось, все есть. Что еще нужно человеку? Есть семья, работа, дом, друзья... Но счастье недолго длилось.

Так уж случалось в истории чеченского народа, что переселения, выселения, депортации стали неотъемлемой частью жизни почти каждого поколения чеченцев за последние два столетия. Народ терял в результате этих потрясений до половины своего населения, но всегда удивительным образом находил в себе силы вновь собраться, возродиться, пройдя с достоинством эти «круги ада». Разделил горькую судьбу своего народа и Хусейн.

1944 год. Берия отдал приказ НКВД очистить Кавказский регион от репрессированных народов. К границам Чечено-Ингушетии стали подтягивать воинские подразделения. Вблизи селения, где проживал Хусейн, солдаты стали рыть окопы. На вопросы любопытных, зачем это делается, отвечали, что это просто военные учения. Мир действительно не без добрых людей — среди солдат оказались люди сердечные. Они-то и рассказали Хусейну о том, что затевается с его народом. И посоветовали взять теплую одежду и провизию для детишек. Помогли донести маленького сына, так как жена Рахимат, ожидавшая появления на свет третьего ребенка, не справлялась с двумя малолетними детьми.

Кинотеатр
«Юбилейный».
Заводской район,
Грозный, Чечня,
2004

Надпись «Прокат
видеокассет»
на доме
в лагере беженцев
«Сацита».
Станица
Орджоникидзевская,
Ингушетия,
2004

Школы в палатках
лагеря беженцев
«Барт».
Карабулак,
Ингушетия,
2002

Палаточный магазин
лагеря беженцев
«Сацита».
Станица
Орджоникидзевская,
Ингушетия,
2004

У жилой фермы
пункта компактного
размещения
беженцев
«Яндаре».
Поселок Яндаре,
Ингушетия,
2002

«В труднодоступные горные села грузовики не заезжали. Из таких мест людей, как стадо, выводили под конвоем, — вспоминает Хусейн. — И когда я спускался по крутым горным дорогам, вдруг мне пришла в голову мысль броситься вместе с семьей, женой и двумя детьми, с обрыва в бурлящий поток Аргуна. Но какая-то сила меня удержала от этого рокового шага».

Дорога, которую люди называли «дорогой смерти», привела семью из пяти человек, пополнившуюся еще одним членом семьи (по дороге родился третий сын) в Кустанайскую область. И здесь, не падая духом, Хусейн продолжил свою работу в школе. Его учениками были дети-переселенцы из Веденского района и местные детишки.

Кончина Сталина, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», арест Л. Берии, которого чеченцы считали основным виновником их выселения, вселяли надежду в души людей на восстановление справедливости. И действительно, в течение 1954–1955 годов вышло несколько Указов Президиума Верховного Совета СССР, в которых значительно смягчился режим пребывания спецпереселенцев. Им даже начали выдавать паспорта и призывать на действительную воинскую службу. 16 июля 1956 года вышел Указ «О снятии ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей».

В 1956 году, когда после 13 долгих лет люди потянулись обратно на Родину, Хусейн был в числе первых, кто покидал чужбину². Новую жизнь он начал в селении Комсомольское, где и проживает по сей день.

Село лежит у подножия гор — немых свидетелей всех событий. Снова Хусейн «свил гнездо», устроился на работу и посвятил себя благому делу — делу воспитания детей. Воспитывал и своих, и чужих. Как и у его отца Озни, у Хусейна тоже родились семеро мальчиков и одна девочка. Выжили из них только пятеро. Все они получили образование и стали полезными людьми.

А по стопам отца пошла дочь — Зулай. В 1977 году закончила Грозненское педагогическое училище и с того года по настоящее время работает в Комсомольской средней школе учительницей начальных классов. Наверное, целое село отучилось у Хусейна. Его бывшие ученики тоже поселились, постарели, но об учителе помнят все. «Каждого учащегося — а нас было много — знал по имени, знал о наших оценках и шалостях. Никогда ни на одного не повышал голоса, не говорил резким тоном, поэтому его любили и уважали», — вспоминают бывшие ученики.

Шло время. Старики, рассказывая внукам о суровых днях своей жизни, не подозревали, что их детям и внукам суждено увидеть войну, превосходящую по ужасу все войны в истории Чечни.

Очередной трагедией, постигшей многострадальный чеченский народ, явились войны 1994–1996 годов и 1999 года. Конца второй войне до сих пор не видно.

Мало кто в Чечне даже в период серьезного обострения отношений с Россией верил в возможность широкомасштабной войны. Никто не думал, что могут бомбить и расстреливать мирных граждан. Да и трудно поверить в то, что люди, к которым у тебя нет никаких враждебных чувств, могут убивать тебя только за то, что ты оказался на этом маленьком клочке земли, вдруг ставшем «яблоком раздора». Я не могла себе и в мыслях представить, что российские самолеты будут методично уничтожать целые села, жилые кварталы, детские сады, школы, институты, библиотеки, музеи.

Первые дни марта 2000 года. Два дня в селе Комсомольское идут так называемые зачистки³. В домах все переворачивается вверх дном в поисках оружия, патронов и тому подобного. На третий день все это повторяется, но без хозяев домов — они, спасаясь от бомбежки, выбежали за село на близлежащее небольшое поле. И все это происходило, кстати, 8 марта. Все женщины мира получали цветы и подарки, а чеченские женщины — бомбы, снаряды и все, что останется после огня.

Горит село синим огнем, а люди оглядываются. Все ли вышли? И тут услышали горький плач бедной Зулай. Оказывается, она с трудом вывезла на тележке больную мать, а Хусейн остался в доме, ожидая прихода за ним Зулай. Когда бомбежка началась, ее не пустили к нему, а самому ему ни за что было не выбраться. Что делать? Да и кто полезет под бомбы?! Оставалось уповать на одного Бога. Он и помог.

Солдаты, оккупировавшие село, присмотрели за стариком. Разные попадались, рассказывал потом Хусейн, были хорошие, были плохие. Хорошие приносили ему воды, делились тушенкой, а плохие — забирали все, что давали первые. Восемнадцать дней он провел среди развалин в одиночестве, голодный и замерзший, каждую минуту ожидая своего конца.

Думал ли Хусейн Озниевиич, который всю свою жизнь тихо и самоотверженно трудился, который научил читать и писать большую половину граждан села, думал ли он, что в конце своего жизненного пути ему придется подвергнуть сомнению то, чему учил детей? Ведь всю свою жизнь он утверждал, что главное — это доброта, уважение, любовь к Родине. Как осмыслить, что пришло время других ценностей, что Родина теперь там, где живется легче и где платят больше? Чему учить детей? Как убедить их в том, что есть вещи, над которыми не властны ни время, ни политика?

В каждой стране, республике или области есть главный город — столица. Столица моей Родины — город Грозный. К сожалению, сейчас это только развалины, пепел и мусор. А когда-то это был красивейший город на Кавказе. Но я его таким не видела, потому что десять лет назад в результате военных действий он был разрушен. И с тех пор мы, чеченские дети, не знаем, что такое цирк, кукольный театр, карусели, зоопарк и новогодняя елка.

Мы жили в вечном страхе и под угрозой войны, жили в чужих домах, которые чудом уцелели после военных действий, не учились в школах и не справляли ни-

каких праздников. Я не имела представления о елке, о Деде Морозе и Снегурочке. Точно так же не знали об этом мои ровесники.

Наши родители рассказывали нам обо всех праздниках, и мы завидовали им, представляя, какое у них было счастливое детство. Эта война вошла в каждый дом, принесла в каждую семью горе. В этой войне я и мой папа стали инвалидами, умерла от сердечного приступа бабушка, полностью разрушен наш дом.

В поисках лучшей жизни мы всей семьей поехали в Оренбургскую область. В начале мы долго не могли привыкнуть к тишине и отсутствию комендантского часа, удивлялись, что не отключают электричество и воду.

Я боялась русских. Но нас там приняли очень хорошо. Я нашла новых друзей. Я познакомилась с русскими обычаями и праздниками, узнала много новых праздников. Когда нас повезли в театр и в цирк, мне захотелось плакать, потому что вспомнила детей, которые живут в Чечне.

В августе 2003 года мы приехали домой, в Чечню. Вернулись в сожженное некогда село Комсомольское. Построили кое-какое жилье. Продолжаем учиться, работать и жить.

Я надеюсь, что добро одержит победу над злыми силами. Я мечтаю о том дне, когда я увижу свою Родину такой, какой она была до начала военных действий.

Комментарии

¹ На юге Чечни, неподалеку от Итум-Кале.

² Указ от 16 июля 1956 года снимал с чеченцев и ингушей «ограничения по спецпоселению», но еще не предусматривал восстановление Чечено-Ингушетии и возвращение депортированных на Кавказ, которое началось стихийно.

³ В конце зимы 2000 года блокированные федеральными войсками в Аргунском ущелье боевики предприняли попытки спуститься «на плоскость». В конце февраля прорыв на восток отрядов Хаттаба через порядки 6-й роты псковских десантников оказался успешен. В ночь на 5 марта боевики Руслана Гелаева стали выходить в западном направлении через с.Комсомольское. Началась перестрелка со стоявшими в окрестностях федеральными войсками, жители покинули село. Войска вошли в Комсомольское, практически не встретив сопротивления (боевики из села, видимо, ушли), и провели «зачистку». Вечером военные велели жителям возвращаться в село. Однако ночью в село вновь зашли боевики. Утром 6 марта начался обстрел Комсомольского, бежавшим из села жителям — примерно тысяче человек — войска, оцепившие окрестности, не дали уйти в соседние населенные пункты. Трое суток их держали под открытым небом между расположением войск и селом, как «живой щит». Над их головами в село летели снаряды и ракеты. За это время в поле умерли два пожилых человека, три женщины родили.

«я люблю рассматривать
фотографии...»

Рахимат и бабушка Оля

**Милана Межидова, Грозненский район,
с. Ильинское, 10-й класс**

Из биографий отдельных людей состоит история народа в целом. То, какой она будет — трагической, счастливой, серой, — зависит от каждого человека. И если в этом народе много людей с дурными помыслами и грязной биографией, они запачкают историю всего народа. Если бы у всех людей жизнь была такой, как у моей героини, светлой и ясной была бы биография человечества, не было бы в ней пятен — ни белых, ни черных.

О Рахимат можно многое рассказать. Она из обычной чеченской семьи. Все тяготы жизни мужественно перенесла — сама воспитала дочь, работала во время войны, осталась дома, в Чечне, попала под обстрел. Пальто, продырявленное в нескольких местах осколками, носит до сих пор, на другое денег нет. Но это ее не беспокоит — слава Богу, что жива! Ведь один осколок остался в ней!

Во время первой войны у нее пропал брат. Искала, где только могла. А нашла — так и не знала, радоваться, или огорчаться — брат никого не узнавал после пыток. Пришлось устроить его в лечебницу.

Много всего она перенесла, но не ожесточилась, не замкнулась на своем горе, не озлобилась против людей другой национальности. Более того, она, с трудом сводя концы с концами, умудрялась помогать не только дочери и внучке, но и опекала русскую старушку-инвалида, живущую по соседству.

Ольга Козлова (бабушка Оля), участница Великой Отечественной войны, выйдя на пенсию, стала подрабатывать, согласившись стать нянькой маленькой Малики, дочери Рахимат. Рахимат в это время работала портнихой на Новогрозненской¹ швейной фабрике. Дочку свою воспитывала сама, без мужа. Время пролетело быстро. Малика повзрослела и очень рано вышла замуж, и бабушка Оля стала нянчить «внучку» Марху, которую она называла «Тучка» (в переводе с чеченского имя «Марха» означает «туча»).

Началась война². Бабушка Оля и Рахимат часто ночи проводили вместе. Каждый раз во время обстрела две женщины спускались в погреб и ждали наступления тишины. Однажды обманутые тишиной женщины решили выйти из погреба, но неожиданный взрыв снаряда рядом с домом сбросил их вниз по лестнице. Бабушка Оля при падении получила перелом бедра. Восемь месяцев она была в гипсе. Рахимат переехала к ней жить, потому что федералы часто перекрывали улицы и в нужный момент она не могла оказаться рядом с бабушкой.

Дочь Рахимат — Малика и ее муж часто посещали и снабжали необходимым двумя затворниц.

Когда сняли гипс, а военные действия в Гудермесском районе немного стихли, бабушка Оля решила, что ей лучше уехать к родной сестре на Украину. Денег на дорогу не было, продавать было нечего. Год не было пенсии. Но Рахимат собрала ей деньги на дорогу и багаж такого веса, чтобы она могла поднять. Бабушка очень переживала за иконы. Их пришлось оставить на земле, где шла безжалостная война. Взять с собой такой груз не было физических сил.

На машине зятя поехали в Хасавюрт и поездом отправили бабушку в Минеральные Воды. Женщины обменялись адресами родственников, живущих в России, — на случай, если потеряют связь. В 2001 году Рахимат через своих родственников, живущих под Пятигорском, узнала, что бабушка Оля находится в доме престарелых города Пятигорска. Пока у бабушки Оли были деньги, сестра ее терпела, а потом стала выживать. Так она попала в дом престарелых.

Рахимат, недолго думая, собрала бабушкины иконы (их было около десяти), пенсию за восемь месяцев и опять на машине зятя отправилась в путь, захватив с собою внучку. Рахимат сначала заехала к родственникам, живущим под Пятигорском, наготовила в большой кастрюле хингалш (пирог с тыквой), чепалгаш (пирог с творогом). Бабушка Оля обожала эти вайнахские блюда. И только после такой подготовки отправилась в гости к бабушке.

Рахимат рассказывала позже, что самое страшное было тогда, когда она не могла совладеть с руками, чтобы открыть дверь этого большого пятиэтажного здания, выйти и спросить у администратора: «У вас живет Козлова Ольга Николаевна?» Она боялась ответа, что ее больше нет. Администратор почувствовал волнение посетительницы и быстро ответил: «Я проведу вас к ней. Она на первом этаже. А кем вы ей доводитеесь?» Посетительница не отвечала, у нее дрожал подбородок. Администратор заметил, что женщина очень волнуется, и не стал ждать ответа на свой вопрос. Он вызвался сам проводить гостей в нужную комнату.

Когда Мархе объяснили, что это дом бабушки Оли, она стала в коридоре громко звать: «Бабушта! Бабушта!» (Марха не произносила букву «к»). За дверями комнаты раздавался радостный крик: «Боже мой! Это же Тучка!»

Трое суток были они вместе. Администрация выделила для них комнату. Бабушка Оля, заказав по телефону такси, два дня возила гостей по городу, показывая достопримечательности Пятигорска, фотографировались на память.

Удивлялись в доме престарелых посетительнице-чеченке и тому, что она привезла иконы (очень дорогие) и пенсию.

День расставания не был грустным, потому что Рахимат обещала, что часто теперь будет навещать Ольгу Николаевну. Все три дня бабушка Оля благодарила

Рахимат и ее зятя за то, что они привезли ее иконы, потому что все это время совесть мучила ее за то, что она бросила их, спасая свою жизнь.

Дом престарелых был благоустроенным, в комнате был телефон, телевизор и по две койки. Чистота, уют и очень чуткий обслуживающий персонал. Рахимат призналась, что если бы почувствовала, что Ольге Николаевне плохо на новом месте, забрала бы к себе недолго думая.

Ольга Николаевна не взяла у Рахимат привезенную из Чечни пенсию. Она сказала: «Вы уезжаете туда, где еще идет война, где нет работы и будет нескоро. Эти деньги вам нужнее. А за меня не беспокойтесь. У меня все есть. Пенсию систематически выдают, медицинское обслуживание бесплатное. После вашего приезда я считаю себя самым богатым человеком — я не одинока! До вашего приезда никто не верил моим рассказам, что за 70 лет жизни в Чечне меня ни разу никто не обидел и не оскорбил. Я буду молиться Богу, чтобы он сохранил вас, чтобы война не принесла горя в ваш дом, а вы помолитесь Аллаху — пусть он даст возможность хотя бы еще раз увидеться».

Рахимат готовится и в этом году посетить Ольгу Николаевну. «Сошью ей легкое летнее платье и теплый халат, — говорит она, показывая ткани. — Только надо дожидаться каникул, ведь Тучка в этом году пошла в первый класс».

Ольга Николаевна живет в Пятигорске, в интернате для престарелых, а Рахимат — в селе Новогрозное Гудермесского района. Герои моего рассказа — обычные люди. Но именно их биографии составляют светлую часть истории моего народа. Они не делят беды на чужие и свои, религию не делят на верную и неверную.

Комментарии

¹ Поселок Новогрозненский (жители нередко называют его селом, чеченское название — Ойсхар) расположен «на плоскости», в Гудермесском районе на востоке Чечни.

² Боевые действия в Новогрозненском велелись в первую войну в середине декабря 1995 года, а особенно жестокий штурм и «зачистка» проходили 17–20 декабря 1996 года.

Чеченский Есенин

Элина Батиева, Надтеречный район, с. Калаус, 11-й класс

За буйный нрав, талант и даже внешность
его называли чеченским Есениным.
Александр Галич

В далеком 1958 году трагически погиб Арби Мамакаев — признанный классик чеченской литературы.

Мы, школьники, много раз бывали в доме, в котором он родился и вырос (его восстановил сын — сам ныне известный поэт — Э. Мамакаев), — сейчас в нем работает музей. Сидели за его рабочим столом, слушали его любимые пластинки на старинном проигрывателе. Перелистывали книги, которые он читал, просматривали альбомы с фотографиями, изучали рукописи — автографы его произведений.

Нам много рассказывал о нем его сын. Я прочла о нем множество статей, воспоминаний, посвящений.

Да, написано об А. Мамакаеве много, но нет правдивого рассказа о его трагическом жизненном пути, не сказано почти ничего о творчестве поэта, о причине необычайной популярности в 40-е годы XX столетия, актуальности его произведений и сегодня, хотя десятилетия отделяют нас от времени их создания. И пролить свет на эти преданные забвению страницы жизни А. Мамакаева помогли нам его сын Эдуард Мамакаев, журналист А. Кусоль, О.А. Джамбеков и многие другие.

Родился Арби Мамакаев 2 декабря 1918 года в селе Лаха Нерве¹, в семье учителя Шамсудина и старшей дочери знаменитого Кана-шейха — Жюхирты.

В 1924 году мальчика отдали в Серноводский детский учебный городок, где он закончил неполную среднюю школу. В 1936 году А. Мамакаев заканчивает Грозненский рабочий факультет (рабфак), в 1938 году — Высшие курсы драматургии. В 1935 году, совмещая работу с учебной, начинает трудовую деятельность: вначале — корреспондентом газеты «Ленинский путь», затем — диктором Чечено-Ингушского радиокомитета.

А стал он диктором так. В радиокомитете был объявлен конкурс дикторов. Прецендентов было много, но победил именно Арби — вероятно, из-за звонкого и красивого голоса (с детства любил декламировать стихи) и из-за своей эрудиции. Но вот незадача: ему не было восемнадцати. Арби посоветовали достать документ, что он на год старше. И по его просьбе дядя, работавший председателем Надтеречного сельсовета, выправил ему справку, что он родился в 1917 году. Поэтому до начала 90-х годов XX века и гуляла эта ложная дата по биографиям поэта.

Дикторская работа принесла А. Мамакаеву популярность, потому что он читал не только официальные информации и сообщения, но и свои новые стихи и переводы. Это оказало ему медвежью услугу: на него посыпались доносы. В одном из них, написанном в 1940 году, было сказано: «Арби Мамакаев становится подозрительно популярным в последнее время и лидером молодежи. Не внушает доверия и его политическая ориентация: он замечен в связях с некоторыми антисоветчиками типа врагов народа Хасана Исраилова, Майрбека Шерипова и других. Тревожит и то, что имя А. Мамакаева произносится по радио в течение дня в два-три раза чаще, чем имя великого вождя И.В. Сталина».

И все было правильно в доносе. О широкой популярности Арби Мамакаева говорил и Александр Галич, который в 40–50-е годы XX века жил и работал в Грозном (журналистом-режиссером), дружил с поэтом. В своих воспоминаниях, изданных во Франции после эмиграции из СССР, он писал: «В годы, предшествующие Великой Отечественной войне (и в ее первые дни) А. Мамакаев был до того популярен и любим молодежью, что многие молодые люди старались походить на него не только внутренне, но и внешне: одевались, как он, делали его прически, на концерте и в театре выбирали места так, чтобы А. Мамакаев оказывался в центре. Все это учитывалось, фиксировалось и делались соответствующие выводы».

Наконец тучи сгустились настолько, что Арби Мамакаева в 1941 году арестовали, уже после начала войны, хотя он всем своим творчеством демонстрировал преданность советской власти: написал немало военно-патриотических стихов, в театрах ставились его пьесы «Гнев», «Разведка» и «Матрос Мойербек», воспевающие доблесть Красной армии на фронтах. Шесть месяцев провел он в тюрьме, но вина — контрреволюционная деятельность — не была доказана. В освобождении Мамакаева большую роль сыграл и его односельчанин, прекрасный юрист Абдурахман Авторханов, который и сам был к тому времени дважды арестован, но каждый раз доказывал свою невиновность на суде. «Усугубляю» вину Арби Мамакаева и то, что он якобы уклонялся от службы в Красной армии (хотя на самом деле он добровольцем просился на фронт, но его не брали: дикторы имели брешь).

После освобождения из тюрьмы Арби работал старшим консультантом Союза писателей Чечено-Ингушетии. Но и здесь он не изменил своим принципам — открыто высказывал свое мнение, боролся с ложью и несправедливостью. Над ним снова сгустились тучи и снова разразилась трагедией: фронт приближался к границам Чечено-Ингушетии, поэтому в недрах Государственного комитета обороны (ГКО), НКВД и Политбюро ЦК ВКП(б) уже зрел план возможного выселения некоторых народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей. Называлось это «претворением в жизнь стратегических планов гениального вождя народов — великого Сталина».

Для обсуждения² этого «гениального плана» секретно прибыли в Чечено-Ингушетию печально известный заведующий отделом Политбюро ЦК ВКП(б) Шкирятов и ряд высших чиновников из Москвы. Они вместе с руководством респуб-

лики собрали строго секретное совещание партийно-хозяйственного актива — в актовом зале обкома ВКП(б) на улице Красных Фронтвиков (позже, до 90-х годов XX века в нем размещался республиканский Дом народного творчества, сейчас на месте этого дома — пустырь. — *Авт.*). Вход на совещание был только по специальным пропускам. Был на этом совещании и А. Мамакаев — как представитель Союза писателей ЧИАССР. И вот, после организованного обсуждения вопроса о предстоящем выселении и голосовании по нему, председательствовавший Шкирятов обратился к присутствующим — приказным тоном, как было принято в те времена:

— Кто за решение великого Сталина — поднять руки!

Все в едином порыве подняли руки, кроме Арби.

Все сразу же заметили это.

— Вы что, против решения великого Сталина? — спросил Шкирятов, возмущенный этой невиданной дерзостью.

— Нет, я не против решения великого Сталина, если это действительно решил он, — ответил спокойно Арби. — Но я против выселения безвинного народа!

В конце концов Мамакаев был арестован. Обвинений было много. Допрашивали его в Ростовской тюрьме. Но А. Мамакаев выдержал все — не признал своей вины, не оклеветал никого.

Тем не менее его судили на закрытом совещании военного трибунала, в решении которого было сказано, что «до ареста А. Мамакаев находился на нелегальном положении, проводил антисоветскую пропаганду» и что «суд постановил: Мамакаева Арби Шамсуддиновича за участие в антисоветской повстанческой организации и уклонение от службы в Красной армии заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет».

И началась гулаговская эпопея поэта: пересыльные тюрьмы Красноводска, Читы, Хабаровска и, наконец, рудники печально известного Магаданского края. От мучительной смерти доходяги — участи миллионов узников ГУЛАГа — А. Мамакаева спасло то, что его назначили лагерным писарем. Это давало ему возможность не только самому выжить, но и спасти земляков и товарищей. А такое случалось не раз.

Четырнадцать долгих лет провел А. Мамакаев в Магадане. В письме из Магадана А. Мамакаев писал в 1952 году: «Жить нужно везде, если даже жизнь становится невозможной. За прошедшие десять лет пришлось мне поменять много профессий: фельдшера, горного мастера, строителя, снабженца и т.д. Но никогда и нигде не опускал голову и не приспособливался к жизни. Истинно мужественное сердце должно встречать и победу, и поражение равно со спокойным чувством души».

В годы гулаговской эпопеи А. Мамакаев познакомился и подружился со многими известными людьми: народным артистом СССР Г. Жженовым, писателем А. Солженицыным (рукописи его рассказов, подаренные им поэту, до сих пор хранятся в музее А. Мамакаева), замечательной певицей Л. Руслановой (в музее хранятся пластинки с записями ее песен, подаренные ею Арби) и другими³. Все это и давало ему силы жить.

Вернулся А. Мамакаев из Магадана в 1956 году в Казахстан, где жила семья. Он стал работать в редакции газеты «Знамя труда». Затем последовало долгожданное возвращение на родную землю — в 1957 году. Его реабилитировали, восстановили в партии и в должности старшего консультанта в Союзе писателей. Однако он категорически отказался получать партбилет, сколько его ни уговаривали друзья, товарищи и работники обкома партии. Беспартийному занимать пост в Союзе писателей было невозможно, и Арби остался без работы: перебивался временными заработками в редакциях газет.

Положение А. Мамакаева снова осложнилось в 1957 году, когда он сдал в издательство для переиздания повесть «В родной аул», в первый раз опубликованную еще в 1940 году. В ней рассказывалось о событиях еще дореволюционных времен и периода Гражданской войны, происходивших с главным героем повести Айдармаром, который возвращается после тринадцатилетней царской ссылки. Произошло роковое совпадение: и чеченцы возвращались именно после тринадцатилетнего изгнания. Сразу же возникла мысль, что автор пишет о депортации, — тема же эта была запретной. Этим не преминули воспользоваться недоброжелатели, поспешившие донести в обком КПСС о том, что четырнадцать лет каторги ничему не научили Арби, что он снова взялся за старое — дискредитирует советскую власть. Это было серьезное обвинение, а единственный номер альманаха, где в 1940 году была опубликована повесть, странным образом потерялся в издательстве. А. Мамакаев был помещен в психиатрическую больницу.

Казалось, ничто не могло спасти А. Мамакаева, но и тут пришли на помощь верные друзья. Одним из них был уроженец Грозного, известный журналист Сергей Воронин, с которым Арби дружил еще с 40-х годов XX века. Он, узнав о беде друга, рискуя быть обвиненным в пособничестве антисоветчику, вылетел в Москву — в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина, куда с 20-х годов поступали обязательные экземпляры всего, что издавалось на территории СССР. Там он нашел книжку альманаха, с трудом уговорил руководство библиотеки выдать ему ее на несколько дней — для работы над публикацией — и, возвратившись в Грозный, показал альманах первому секретарю обкома КПСС, доказав тем самым, что никакой связи данной повести со сталинской депортацией чеченцев нет, и сказал: «А писатель заточен в психбольницу невинно. Не достаточно ли ему четырнадцати лет, проведенных в Магадане?» Первый секретарь обкома партии Яковлев вынужден был отпустить Арби на волю.

Но жить оставалось поэту уже недолго. Все пережитое сказалось на его здоровье, не выдержало сердце этого мужественного человека, талантливого, разносторонне одаренного писателя, достойного сына чеченского народа.

Комментарии

¹ В теперешнем Надтеречном районе.

² Если такое собрание с участием Шкирятова было, то речь шла не об «обсуждении» плана депортации, а об инструктаже партийного и административного руководства Чечено-Ингушетии.

³ Непонятно, идет ли речь об общении непосредственно в ГУЛАГе или о знакомстве в последующие годы.

Вера, надежда, любовь Лидии Яндиевой

Лейла Яндиева, Ингушетия, г. Назрань, гимназия № 1, 11-й класс

В основе моей работы — воспоминания моих родственников, знакомых, учителей о Лидии Яндиевой, известном для старшего поколения дикторе телевидения.

Что меня заставило взяться за эту работу? Прежде всего то, что мы с Лидией Яндиевой имеем одинаковую фамилию. Второе — это фотографии Лидии, которые произвели на меня большое впечатление. Я очень люблю рассматривать фотографии, особенно старые. С фотографии 60–70-х годов на меня смотрела красивая женщина, с жизнерадостным взглядом, с загадочной улыбкой. Я подумала, что описание жизни этой женщины уложится в одну страничку: родилась, училась, закончила, работала, вышла замуж, родила, вырастила, уехала в Турцию, и все хорошо. Но чем больше связанных с ней людей я узнавала, чем больше материала я собирала, тем яснее для меня становилось, что Лидия — женщина, о которой стоит написать работу для такого конкурса, как «Человек в истории. Россия — XX век». Что касается попавшего ко мне в руки дневника Лидии Яндиевой, он никого равнодушным не оставляет и не оставит.

Я хотела в своей работе показать, что в XX веке, когда шла постоянная борьба между злом и добром, когда люди вынуждены были постоянно совершать выбор, только вера, надежда и любовь могли спасти человека.

ДЕТСТВО

Лида Яндиева родилась 15 апреля 1938 года в селе Дачное Северной Осетии в ингушской семье. Отец девочки, Исмаил Тохович, был известным арабистом, а мама, Асет, домохозяйкой, любящей матерью 5 детей. В семье росли три мальчика и две девочки, Лида была младшей. Ей было 3 недели, когда неизвестные люди на черной машине подъехали к дому, забрали и увезли ее отца. Позже, когда ей было 3 месяца, его расстреляли. Так маленькой девочке не удалось познать отцовской ласки и заботы. Может быть, именно поэтому мама Лиды больше других детей жалела ее.

Слово «война» все чаще и чаще раздавалось вокруг трехлетней девочки. Мама каждый день молилась и просила вернуть живыми и здоровыми ее родственников, ушедших на войну с Гитлером.

Наступил февраль 1944 года. Лиде было 6 лет, она уже была маленькой помощницей матери. Ничего не предвещало беды. Но, как и во все ингушские семьи, к ним постучали в дверь солдаты и велели быстро собираться, брать с собой можно было только самое необходимое. За то время, которое было дано на сборы,

трудно собрать для пятерых детей даже необходимое. Но кое-как они собрались. Окруженные автоматчиками, испуганные дети и мать дошли до Назрановского вокзала. Здесь вместе с другими людьми их погрузили в товарные вагоны. Только тогда, когда поезд тронулся, люди поняли, что уезжают со своей Родины. Из всех вагонов слышался плач женщин и детей, молитва стариков. Людей в вагонах вначале было много, негде было лечь, поэтому все сидели и спали на узелках домашней утвари, питались тем, что успели собрать во время ухода из домов. Но еда заканчивалась, и многие, не вынося этих страданий, умирали. Мертвых забирали солдаты и выкидывали из вагонов на насыпи. Маленькая, шестилетняя Лида долго будет помнить заснеженные насыпи угля и трупы мертвых своих сородичей, выброшенных из вагонов. Это все, что рассказывала моей маме Лида Яндиева. Сколько дней и ночей они ехали, девочка не помнит, но, когда вагоны остановились и им приказали выйти из них, Лида не могла сама идти, ее качало из стороны в сторону.

Местное население встретило их настороженно. Ведь им сообщили, что к ним везут врагов народа. Но тем не менее добрые люди принимали в свои семьи ингушей, а те, кого никто не приютил, просто рыли землянки и поселялись в них.

Лиду с мамой и братьями приютила семья казахов. К тому времени семья Яндиевых потеряла бабушку и сестру. Смерть сестры Лида перенесла тяжело, она постоянно плакала и звала ее. Но заботы заставили ее на время забыть о горе. Постепенно узнав трудолюбивую, порядочную семью, казахи стали хорошо к ним относиться, они полюбили их, помогали, чем могли.

Семья Яндиевых не стала отчаиваться, они открыли мастерскую по пошиву обуви. Магомед, брат Лиды, стал изготавливать туфли, ботинки, сапоги, а Лида и ее мама подшивали их. Вначале никто не хотел покупать у них обувь, так как считали, что они не знают толк в этой работе. Но со временем мастерская Магомеда стала самой известной, и у него было много клиентов, так как все он изготавливал прочно, по низким ценам. Девочка тоже помогала семье, в свои 8 лет она вязала из шерсти береты, шапки, шарфы, кофточки на продажу.

Так шли дни за днями, но вся семья хотела домой, назад в Ингушетию, и жила надеждами. Мама часто говорила Лиде, что она должна быть сильной, стойкой, что Бог посылает в жизни много испытаний, чтобы укрепить дух человека.

Однажды зимой, в 1948 году, Магомед и мама Лиды заболели. Чувствуя себя очень плохо, Магомед все равно ходил на работу, так как нельзя было оставлять мастерскую. День ото дня матери становилось хуже, Лида не отходила от нее. В одно утро мама попросила сына Магомеда остаться дома, и через пять минут ее не стало.

После смерти матери вся забота о братьях легла на десятилетнюю девочку. Соседи удивлялись ее мужеству, она все успевала, ни на что не жаловалась. Многие, жалея осиротевших детей, помогали им. Только иногда, спрятавшись от всех, Лида тихо плакала. Но вспомнив слова матери, что она должна быть сильной,

девочка успокаивалась и приступала к обычным будничным делам. Местные власти, зная, что дети остались без опекунов, хотели распределить их в разные места. Так, старшего брата Хамида взяли в ФЗУ, Лида осталась с Магомедом. Конечно, очень скучали по Хамиду, он писал им письма о своей учебе. Лида думала, что их наконец-таки оставили в покое, но не тут-то было. Однажды к ним пришла какая-то женщина и велела собирать вещи, так как они без родителей и должны отправиться в детский дом. Они и хотели туда, и боялись. Хотели, потому что знали, что за ними там будут смотреть, кормить, одевать, а не хотели, потому что знали, что как дома им там не будет. Детский дом был в очень убогом состоянии. Среди детей было много больных, немых, глухих, но конечно же среди них были и нормальные. Лиду и Магомеда приняли тепло. Относились к ним очень хорошо, все их полюбили. Лида была очень общительной девочкой, у нее было много друзей, а воспитатели в ней души не чаяли. Лида со всеми находила общий язык, несмотря на то что многие дети были из других мест. Она всегда завидовала тем детям, о которых вспомнили, что они есть на белом свете, за которыми приезжали родственники. Лида с братом очень долго ждали, что за ними приедут тоже, но никто не приезжал. Шли годы. И вот, наконец, исполнилась ее заветная, долгожданная мечта, за ними тоже приехали родственники. Конечно, Лиде было тяжело прощаться с детьми и воспитателями, но детство окончилось, впереди взрослая жизнь...

НА РОДИНЕ

После возвращения на Кавказ Лида жила со своими родственниками в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). В 1956 году она вышла замуж. Но жизнь в браке не сложилась. В 1958 году она с годовалым сыном Баширом переезжает в Грозный.

Где найти работу, как прокормить себя и сына? Она устроилась на работу в универмаг. Однажды, читая газету «Грозненский рабочий», Лида увидела объявление о конкурсе на диктора-ингушку, который проводился на Чечено-Ингушском телевидении. Претендентов было много, но Лида Яндиева сумела показать себя с лучшей стороны. Одержав победу над своими соперницами, она становится первым диктором-ингушкой Чечено-Ингушетии.

Лида вела передачи на ингушском языке. Зрители очень любили ее. Во-первых, за ее внешнее обаяние, а во-вторых, за ее прекрасные передачи. Ингуши очень гордились ею, ведь она была самая первая диктор-ингушка. Все было хорошо, сын окончил школу, затем институт, женился, росли внуки. Лидия Исмаиловна чувствовала себя счастливой женщиной. Но...

Наступил 1991 год. Новый год встречали в кругу семьи, Лида радовалась вместе с внуками, надеялась на лучшую жизнь в новом году, желала счастья сыну, снохе, внукам. Жили они в центре Грозного и очень любили после 12 часов ночи выйти на улицу и почувствовать радость, переполняющую людей оттого, что наступил очередной Новый год. Грозный в Новый год всегда бывал красивым городом: он сиял сотнями разноцветных огней, с витрин магазинов посылали улыбку прохожим Дед Мороз и Снегурочка, персонажи различных сказок, на

главной площади красовалась самая высокая и красивая елка. Смех, шутки, пляски, игры, фотографии предлагали запечатлеть на долгие годы момент радости. Таким новогодний Грозный остался в их памяти и останется в памяти многих живых горожан навсегда.

Приход к власти Д. Дудаева изменил жизнь и семьи Яндиевых. В 1991 году радио и телепередачи на ингушском языке были прекращены, Лида ушла на пенсию и стала работать на радио режиссером, но в 1992 году ее сократили. В очередной раз она оказалась лишней, она не сдалась и, как всегда, нашла выход из сложившейся трудной ситуации.

Лида сдала свою квартиру на первом этаже под офис для туристической фирмы, а сама в ней начала работать. Но она чувствовала, что события, которые происходили в республике, не приведут ни к чему хорошему.

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

26 ноября 1994 года. Все в доме проснулись от какого-то непонятного грохота и выстрелов. Лида, как и все в городе, включила телевизор, по всем каналам передают, что в Грозном в центре города идут бои оппозиции с дудаевцами. Вечером по местному каналу показали пленных солдат. И тут стало ясно, что добром все это не кончится.

Декабрь 1994 года. По телевизору передали о том, что танки идут к городу. На фирме, где работала Лида, люди были встревожены.

15–16 декабря вереница машин с перепуганными женщинами, детьми, стариками потянулась из города. Лида тоже предлагала сыну и снохе выехать из города. Но ее сноха, Лариса Кузмина, отказалась выезжать из Грозного, так как не хотела оставлять родителей. Родители Ларисы были уверены в том, что серьезных военных действий не будет и Грачев, как обещал, в течение 24 часов освободит город от Д. Дудаева и его сторонников.

Так они остались в Грозном. 31 декабря 1995 года встречали под грохот танков. Со всех сторон слышались выстрелы, взрывы, все вокруг горело. Не понимая всей опасности происходящего, первые дни они оставались в доме и не спускались в подвалы. Когда послышался гул самолетов и начались сильные бомбежки, соседи постучали в квартиру и предложили спуститься в подвал, только тогда все быстро собрались и сбежали вниз. В подвале было уже много людей.

Лида и не предполагала, что здесь придется провести не один день, а несколько тяжелых, мучительных для всех месяцев. Постоянно, в минуты затишья, приходилось бегать в квартиры за едой, которой не хватало. Без еды еще можно было какое-то время обойтись, но отсутствие воды перенести было тяжело. Ребята пытались найти воду, иногда им это удавалось.

В один из январских дней сын Лиды, Башир, вместе со своим другом детства Сергеем ушли за водой и не вернулись. Тревожное чувство не покидало мать целый день. До вечера каждую секунду, каждую минуту она ждала прихода сына, пить уже не хотелось, вода уже была не нужна, нужен был только ее сын. Ночью она уже не могла уснуть, думы не покидали ее, перебирала в уме все ситуации, в которых мог оказаться сын и его друг. Под утро успокоила себя, и надежда вновь появилась в сердце матери: сын ее жив, он вынужден в другом подвале ожидать окончания бомбежки. Город бомбили каждый день. В своем дневнике Лидия описывает весь ужас того, что происходило. Она пишет: «Кругом война, двор весь завален снарядами, деревья опаленные, здания разрушенные обгоревшие. Люди встревожены и обеспокоены тем, что не видно конца этому кошмару». За три месяца, что провели они в подвале, только один раз прорвались к ним представители Международного Красного Креста, тяжелобольных удалось с ними отправить. А остальные люди были рады продуктам и воде, так как чистую воду они уже давно не пили. Они еще два месяца находились в подвале. В перерывах между обстрелами они по очереди бегали в дома и приносили оттуда все необходимое. К концу февраля продукты стали иссякать. Каждый день не покидала вера в то, что сегодня последний день они находятся в подвале, что сын ее, Башир, ждет их где-то, так как не может к ним прийти.

В марте 1995 года война вроде бы закончилась, потихоньку люди стали выходить из подвалов. Картина, которая предстала перед глазами людей, страшная: все они грязные, черные от копоти, исхудали так, что можно узнать друг друга только по голосу. В городе стали появляться международные гуманитарные организации, и с их помощью семья Яндиевых, без сына Башира выехала в станцию Знаменское Надтеречного района. Здесь Лида устроилась на работу на радио.

Каждый день она искала сына, передавая его фамилию среди других, таких же безвестно канувших в пучину войны¹. Она ездила в Моздок, летала на военном вертолете в Ростов-на-Дону, обращалась к военным, властям, ездила на массовые захоронения. Она хотела найти сына живым или мертвым, но каждый раз, оказываясь у братских могил, сердце ее замирало в ожидании: она не хотела видеть тело сына среди мертвых. Не найдя здесь его в очередной раз, она с надеждой начинала искать его среди живых. Так, в поисках сына, прошел еще один год. В городе днем шла обычная жизнь, ночью начиналась перестрелка.

В январе-феврале стали распространяться слухи, что весной боевики войдут в город. Никто не верил. Как через множество постов федералов могут войти вооруженные люди и начать в городе военные действия? Но к женскому дню 8 Марта боевики вошли в город, несколько дней шли бои, а затем к 14 марта все завершилось, и остатки города начали свою обычную жизнь².

Лето подходило к концу. Лида работала в правительстве, оно находилось прямо в том дворе, где она жила, — в Доме правительства. Опять распространялись по городу слухи, что боевики теперь уже в августе войдут в город, но никто не хотел в очередной раз в это верить.

Наступило 6 августа 1996 года, вот как описывает этот день в своем дневнике Лида Яндиева:

Грозный, 6 августа³.

Утро, 7 часов. Включаю телевизор. Слышу тревожное сообщение: «В Грозный с трех сторон продвигаются боевики. Идут бои в районах Старопромывского, Чернореченского и Аргунского шоссе. Группа боевиков из 45–50 человек продвигается к железнодорожному вокзалу». Приглушив громкость телевизора, вслушиваюсь: действительно, доносятся выстрелы и автоматные очереди. Решилась все-таки одеться и пойти на работу, но не решаюсь выйти, так как боевые действия проходят совсем рядом. Дом, в котором я живу, находится напротив правительственного здания. Прежде чем выйти из дома, решила позвонить. Звоню на телевидение — молчание. Звоню по отделам. Никто не берет трубку. Время уже 11 часов. Смело выхожу из дома. Вокруг никого, но выстрелы раздаются из разрушенных зданий. Обстреливают Дом правительства. Вокруг Дома правительства нет никаких солдат и БТРов, которые до сих пор присутствовали в достаточном количестве.

Захожу в Дом правительства. Здесь находятся несколько молодых ребят, ранее дежуривших на проходной. В руках у них автоматы, и, бегая от окна к окну, они отстреливаются. Окна в коридоре уже разбиты. Ребята возмущаются: зачем я пришла? В здании правительства оказались Хасимикова, Амин Осмаев, Руслан, секретарь по безопасности. Обстановка удручающая. Обстреливают Дом правительства интенсивно. Мне говорят: спуститесь в подвал или уходите куда-нибудь. К трем часам я, крадучись по стенкам, пришла домой. Обстрелы гранатометами слышались непрерывно. Начали применять ракетно-бомбовые удары. В комнате невозможно находиться, содрогается дом, буквально рядом рвутся снаряды. Всю ночь находилась в коридоре, сидя в кресле.

7 августа, 1996 г.

Еще горит свет, работает телефон и телеграф, есть газ. Военные действия усиливаются, так как стороны — федералы и боевики — находятся совсем рядом, боевики расположились во всех разрушенных и неразрушенных домах. Слышны крики «Аллах Акбар». На эти крики федералы бьют сильнее и чаще.

Из микрорайона позвонила Рая. По телефону она услышала тот страшный грохот военной техники и ужаснулась, что я сижу в таком аду. Но куда и как выбраться? Нет никакой возможности, так как дом находится в самом эпицентре боевых действий. В 11 часу утра отключается свет, нет газа и воды. Уши заложила ватой и сижу в коридоре. Наступают уже сумерки, а обстрелы только усиливаются. Неужели эти воюющие дикари XX века не устают, им не хочется отдохнуть, спать?

В половине 12-го ночи соседи выбегают на площадку, паника: в дом на 4 этаже надо мной попал снаряд, и квартира загорелась. Все собираются уходить, то-

ропят и меня. Внизу горит газопровод, пламя уже ласкает перила моей площадки. Ничего не соображая, забегаю назад в квартиру, хватаю сумку и опять выбегаю. На площадке нет уже никого, огонь горит неистово, глотая все предметы. Не сообразив даже закрыть двери, я выбегаю в темноте на улицу во двор, идет сильная перестрелка, пускают осветительные ракеты. Бегом перебегаю улицу, добежав до арки, остановилась и стою, не соображая, что делать дальше. Переждав, пока осветительные ракеты угаснут, пробегаю во двор горно, слышу мужской разговор — это сидят в домах боевики, тихонько, бесшумно добегаю до дома, где находятся мои внуки и Лариса. Поднимаюсь в квартиру. Они также находятся в коридоре. Но обстрелы были настолько сильные и частые, что нам пришлось спуститься в грязный, темный и полный комарами подвал. В эту ночь все дремали сидя, так как никто не успел что-либо спустить в подвал. Да и дремать-то особенно не пришлось: бьют со всех сторон, зная, что в этом квартале находятся боевики.

8 августа.

В подвалах народу много. У нас 18 человек, рядом — 28. Дети, женщины, мужчины. Боевые действия продолжаются ожесточенно. Нет возможности подняться в квартиру для нужды или взять что-нибудь из постели. Но все-таки урывками поднимались, а там уже квартиры без стекол, попадают снаряды и осколки. Кольцо вокруг Правительственного дома сжимается, боевики подошли вплотную, вокруг все дымится и горит. Федералы обстреливают со всех сторон. Вышла во двор между паузами, не музыкальными, разумеется. Напротив нашего дома, во дворе, кучка людей, подхожу к ним, чтобы посоветоваться: можно ли по их стороне пройти и посмотреть, не догорел ли наш дом. Они не решились поддержать мое стремление, и спустя несколько секунд меня осенила мысль: вдруг сейчас обстреляют, и я направилась тут же в свой подъезд. Не успела я войти в подъезд, как раздался мощный взрыв стоявшего рядом автобуса. Снаряд попал прямо в автобус, и он тут же загорелся большим, красным, всепоглощающим пламенем. В считанные минуты сгорел автобус, двух мужчин убило из тех, что стояли рядом со мной 30 секунд назад. В этот день сгорело три машины и гаражи, вот так чуть не угодила на тот свет.

9 августа⁴.

В подвале душно, сыро и темно. Много комаров. Проснулась рано, не спится. Каждый день встаешь и ложишься с надеждой: вот-вот все кончится, но конца нет. Кругом война, двор весь завален снарядами, деревья стоят оголенные, здания раненые и обгоревшие.

Загорелось очень красивое, старинное здание по пр. Революции, 4, горит Дом политпросвещения. Центр все время обстреливают. Загорелось здание Дома правительства.

Приходится все это созерцать под сильными бомбежками. Наш дом содрогается от каждого взрыва. Попадают прямые снаряды.

На лестнице, ведущей в подвал, смастерили печку и один раз в день варили супы. Этим занимаются мои внуки Мишустик и Зелим. Они мастера рубить дрова. Установили приемник и слушаем новости, но они все еще нерадостные.

Боевые действия продолжаются, подчеркивают, самые ожесточенные. Это мы ощущаем и на себе.

10 августа⁵.

Никаких перемен. Идет ожесточенная война. Снаряды попадают прямо во двор, разрушен одноэтажный дом. Нет воды, газа и света, нет уже с 7 августа.

Люди встревожены и обеспокоены тем, что не видно конца этому кошмару. Наш дом содрогается от рвущихся рядом снарядов. Так мы просидели день за днем до 18-го августа. Подключился Лебедь. Ожидается перемирие.

18 августа⁶.

Впервые смело выхожу из подвала и направляюсь к своему дому. Во второй раз вижу, как дотла сгорели мои жилища. На этот раз не осталось ничего: не успела спасти три альбома с фотографиями и даже документы. День солнечный, теплый. Направляюсь через разбитый до основания город к Первомайскому. Хочу увидеться с Фатимой Цолоевой. Из окон разбитых домов боевики интересуются: куда это я иду на прогулку? Советуют быть осторожной, а то эти федералы стреляют всех подряд.

Так оно и было. Расстреливали всех, кто попадался. В этом убедилась сама. Слава Богу, добралась до Фатимы благополучно. Обнявшись, наплакались, попили чай. Потом я испугалась и вернулась в свой подвал. Внуки с Ларисой были встревожены, что ушла, не сказав им ничего.

19 августа⁷.

В последних известиях сообщили, что дают 48 часов, чтобы покинуть город. Все уходят из подвалов. Город пустеет. В первые сутки не решились.

Кругом встревоженные и перепуганные люди. Все куда-то бегут. Бомбежка и обстрелы продолжаются.

Мы тоже решили выбраться. Перебежками добежали до ул. Титова. Здесь мы разделились: Мишустик с Ларисой пошли к ее родственникам, а мы с Бусеком пошли на Карпинку к моим родственникам. Под бомбежкой переночевали здесь у чужих людей в домашнем подвале, а наутро вместе с другими беженцами на грузовике выехали обходными дорогами к 36-му участку. Наш грузовик обгонял колонны идущих пешком людей. Под палящим солнцем и сильным ветром доехали с трудом до перекрестка. Здесь мы с Зелимкой долго останавливали попутки и опять же с трудом доехали до Слепцовска. Уставшие, измож-

денные подвальной жизнью, стоим и опять голосуем. Водители берут дорого, пользуются случаем.

С большим трудом им удалось добраться до парламента Республики Ингушетия, который находился в Назрани. Было так много людей, что, казалось, придется ночевать здесь же, на площади. Но после кошмарных дней, проведенных в подвале, любые условия для ночлега, даже площадь, хороши... Устроились в отеле «Асса», Зелим от радости такой радуется, прыгает. Еще бы: здесь вода холодная и горячая, свет и телевизор. После жизни с комарами в подвале, испытывая все боевые действия со всеми их последствиями, мы оказались в раю. Первые дни отлеживались. Нас даже кормили в ресторане. Через несколько дней пошли на прием к Президенту Аушеву. Встретил хорошо. Дал распоряжение подыскать жилье, конечно, временно, так как беженцев в республике много.

В «раю» мы прожили до 2 сентября. Зелим уехал с Халимой и Гиреем в Грозный. Мне подыскали жилье, и сейчас, когда я пишу эти строки, сижу здесь во дворе МП «Красный Молот». Очень помог в этом хозяин этого предприятия Тангиев Али.

13 сентября.

Утром съездила в Миграционную службу. Выписали мне кое-какие необходимые вещички и продукты. В эти дни сильно заболела Халима. Бедная моя девочка! Сегодня снова посетила ее. Слава Богу, уже улыбается, но встать еще не может. Слабость. Дала аьнна дале тоалургья, ерзаргья (Даст Бог поправится, выздоровеет. — *Авт.*).

Если бы не эта проклятая болезнь, мы сидели бы сейчас вместе. И мне было бы не так тоскливо и одиноко. Лейла тоже очень далеко от нас и не знает, как мы здесь в роли беженцев себя чувствуем. В моих мыслях рой воспоминаний, связанных с совместным нашим проживанием в Грозном. Они помогают не ощущать настоящее, а оно ужасное! Ночь, нет радио, телевизора, даже часов, чтобы знать, сколько времени. Эти две комнаты, где я поселилась, находятся во дворе. Здесь, кроме меня, находится еще семья Тангиевых из Грозного. Муж, жена и трое детей школьного возраста. Они живут на 2-м этаже. Обстановка моих комнат: железная кровать без подушки, одеяло, обшарпанный стол и стулья. В углу стоит спортивная сумка, и то не моя, с оставшимися моими пожитками.

Вот с таким богатством я осталась после пережитых двух войн. Черт с ним, с богатством, Боже, верни мне моего сына Башира, возьми мою жизнь взамен. С такими мыслями ложусь спать.

14 сентября.

Доброе утро! Это я сама себе желаю. Пусть оно и все последующие будут добрыми и счастливыми днями. Молила на ночь Бога, чтоб приснился мне

Жилой чердак дома,
венский стул.
Район «7-й школы»,
Грозный, Чечня,
2004

Заграждение
блокпоста
на Черменском круге.
Граница
между Ингушетией
и Северной Осетией,
2002

сыночка, но тщетно. Почему-то он мне не снится. А сегодня день солнечный, во дворе тарахтят машины, приходят работники предприятия, а я собираюсь за «милостыней» от могущественного государства России. Как никогда, проклинаю ее за содеянное над нами. Сколько нас, потерявших близких, оставшихся без крова и здоровья? Пусть им, виновным, Бог воздаст должное. Желая от израненного материнского сердца и человеческой души... Обещанной вчера к 9 часам машины не оказалось. Что же делать? Зав. складами посоветовал приехать с утра пораньше за гуманитарной помощью. Выхожу на дорогу, чтобы остановить какую-нибудь машину и доехать до складов, а там — что будет.

Спрашиваю: в какую сторону мне надо ехать до бывших районских складов. Перехожу дорогу и голосую.

Останавливаю «жигуленка» после долгого голосования. Здесь это в порядке вещей: все спешат, и нет никому до тебя дела. Им ведь неизвестно, что у меня разрывается сердце, глаза полны слез. Я еще полностью не осознала: зачем я здесь? Почему я, убитая и без того горем, оказалась нищей и получаю эту самую гуманитарную помощь. Спрашиваю водителя: как мне проехать до таких-то складов.

— Мы едем в другую сторону (в машине сидела еще и женщина), — сказал он, — но я довезу вас до круга, а там спросите.

Ехать вперед всегда лучше, чем стоять на пыльной дороге, и я села. Сидящая в машине женщина, заметив мой удивленно-вопросительный взгляд на лежащую рядом с ней посылку, ответила:

— Сыну посылку хотим отправить, он служит в армии, в Мурманске.

— Дай Аллах, чтоб он вернулся живым и здоровым, — пожелала я, а у самой стоит комок в горле, еле сдерживаю слезы. Вспомнилось, как всего-то 16 лет назад и я отправляла своему Баширику, единственному сыну, посылки с пряниками. Он их очень любит... Слава Богу, подъехали к кругу, благодарю это семейство за оказанную услугу, еле сдерживаю нахлынувшие слезы, выхожу из машины и потом уже даю им волю, пока никто не видит.

— Успокойся! Нельзя! Это не место для таких сентиментальностей, — говорю себе. Утираю слезы и иду дальше. Надо же еще раз голосовать.

Останавливаю маленький автобус. Посадил, едем. Заодно спрашиваю: не сможет ли он подождать и вернуться назад с небольшим гуманитарным грузом: одеяло, несколько банок тушенки и сгущенного молока и риса?

Он внимательно посмотрел на меня и добавил:

— Конечно, смогу, но только за плату.

— Я знаю, — ответила я, — сейчас, по-моему, бесплатно перестали и здороваться даже.

Когда мы подъехали к складам, увидев их закрытыми, я обрадовалась, так как водитель меня предупредил, что он ждать не будет. Это было вызвано тем, что в моем кошельке находилось всего 25 тыс., а сколько он запросит, я не знала.

Высадив меня, он уехал, а я осталась ждать... Здесь еще получали гуманитарную помощь «чернобыльцы», и они меня подвезли со всем моим грузом.

Я уже успела пообедать: подогрев тушенку с картошкой. Ну и то дело, на худой конец. Теперь мыслю поехать в Грозный. Если бы Халима не заболела! Как бы нам было хорошо вдвоем. Помещение свободное, есть пища и вода, и даже газ. День продолжается. Что еще он мне принесет?

Ожидания не оказались напрасными. Тут же я собралась и поехала в ДК, где проходил съезд ингушского народа. Успела к перерыву, при выходе делегатов встретилась со знакомыми, но их было очень мало, так как люди моего поколения давно уже находятся на заслуженном отдыхе, а я вот мечусь из угла в угол в поиске средств к существованию.

Встретила здесь корреспондента газеты «Россия» Османа Гадаборшева, сидели рядом и слушали взволнованные речи выступающих. Осман тоже из Грозного, поэтому мы понимаем друг друга. При выходе из зала встретились с Русланом Аушевым. Со мной была Тамара Гантимирова, сейчас она работает ни ингушском телевидении главным режиссером.

Руслан поинтересовался: работаю я или нет. Спросил: куда бы я хотела пойти, а когда я сделала паузу, то предложил сам. Пойдешь в замы Госкомиздата. Я дала согласие.

Вот так закончилась суббота, 14 сентября 1996 г., которая началась со слезами на глазах. Завтра воскресенье. Хочу поехать в с. Знаменское, где я провела три месяца, будучи беженкой войны 1995 г.

Я полагаю, а Аллах располагает. Так что будет Дала аьнна... (что Бог решил. — *Авт.*.)

15 сентября, воскресенье, 9 часов вечера.

Утром, к 10 часам, поехала в Кантышево. Халима чувствует чуть-чуть лучше. Здесь я узнала, что должны приехать Лейла и Хава, а поэтому я отложила свою поездку в Грозный или Знаменское. Мы с Гиреем поехали в Слещцовское с тем, чтобы взять Фатиму и поехать в Алхасты к Макшарипу — предсказателю.

В первую очередь спросили о Башире. Сказал, что вернется обязательно. Дала бакъдолда из (Боже, пусть это будет правдой! — *Авт.*.)

Вернулись оттуда и уже застали приехавших Лейлу и Хаву. Халима улыбалась и радовалась, но чувствуется, сильно больна. Дала моаршал лолда цунна! (Дай Бог ей здоровья! — *Авт.*). И вот я опять «дома», уставшая, собираюсь спать. Прошел ливневый дождь с грозой.

Пять месяцев она скиталась по разным углам. Хотя ее положение было не из лучших, она металась от одних знакомых к другим, пытаюсь помочь, чем может, делалась последним. Ничего не просила, но с благодарностью принимала помощь от других. «Ни на одну минуту она не забывала о сыне. Четыре года она искала его, ждала, что он вернется. Мать никогда не устает ждать. Но это была уже не та Лида — жизнерадостная, веселая, всегда улыбчивая. Война и потеря единственного сына наложили свой отпечаток на нее. А тут еще бездарные чиновники, с которыми она сталкивалась, их хамство и бездушные ранили и без того обугленное сердце», — говорит Марем Ялхароева.

Марем Ялхароева — заведующая отделом культуры общенациональной газеты «Сердало» — была знакома с Лидией Яндиевой с 1991 года. Марем приехала на радио по делам, там она и встретила ее. Ис тех пор они часто встречались, общались, помогали, чем могли, друг другу. Марем сыграла в изменении жизни Лиды главную роль. Она уговорила поехать ее в Турцию, познакомила с Хасаном Бояном. Лида произвела на Хасана большое впечатление. Он сделал ей предложение, но Лида отказала. Хасан не принял отказа, попросил подумать, сказал, что будет ждать ее возвращения в Турцию. Тяжело, наверное, изменить свою жизнь, а уехать в другую страну, где основной массе населения ты чужая, еще тяжелее.

Недавно у нас в школе проходил концерт известного чеченского певца Расаева, он тоже вынужден жить за пределами Чеченской Республики. Расаев исполнял песню о Грозном. В ней звучали такие слова: «Мой город Грозный, я по тебе скучаю». Наши учителя, вынужденные уехать из него, не стеснясь нас, учеников, плакали.

«Сегодня уже 9-е октября. За это время съездила в Грозный, повидалась с внуком и Ларисой. Бусек ходит уже в школу, а Лариса болела, но тоже собирается выйти на работу. Не могу окончательно решить: как быть? Что делать? Боже, дай силы все это вынести. Что же с нами произошло? Отчего все это так случилось? Нет, нет не буду думать об этом. Все уже прошло, и нет возврата! Держись!»

Это последние строчки в дневнике.

В конечном счете она решила навсегда покинуть Родину. Она поехала в Турцию. «Спасение Лида нашла в Хасане Бояне (Тимурзиеве), сыне ингуша-мухаджира, эмигрировавшего в Турцию в конце XIX века, — говорит Марем Ялхароева. — За два с половиной года, прожитых в Турции, ее там полюбили как свою землячку. Многие в Турции удивлялись ее красоте в 60 лет и не могли поверить, что она пережила большое горе. С Хасаном Тимурзиевым (Бояне) Лидия жила хорошо. Он помогал семье ее сына, жившей в Грозном».

Она получила все, что ей так не хватало в жизни: внимание, сочувствие, заботу, ласку, нежность, любовь. В письме Геляевой она пишет, что «Хасан — Божья награда за то, что имела и потеряла». Но она, подобно цветку, увезенному на чужбину, тихо и незаметно увяла. 6 октября 1999 года она умерла. Не найдя покоя на Родине, она обрела его в Турции. Ее могила находится недалеко от дома, где она жила. Хасан Бояне часто навещает ее и, по словам Марем Ялхароевой, благодарит судьбу за то, что послала ему такую женщину. Пусть совместная жизнь их была недолгой, но эти два года, проведенных с Лидой, многое дали Хасану. В газете «Кабардино-Балкарская правда» за 30 октября 2002 года член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры КБР Е. Геляева написала: «Последнее письмо пришло от Хасана. В каждой строчке он оплакивал мою подругу (Лиду Яндиеву), с которой был счастлив всего два года. Писал, что из-за переживаний за семью сына она не смогла поправиться после операции, да и сноха с внуками не спешила выезжать из Грозного».

В книгах я часто читала, что эмигранты пожилого возраста долго не живут. На первый взгляд они кажутся счастливыми, но воспоминания о Родине, грусть, тоска не покидают их. Наверное, в минуты отчаяния написала Лида в дневнике следующие строки: «...Грозный, Грозный, что ты наделал? Неужели тебя проклял Ермолов, когда основал в 1818 году? Скольких сыновей и дочерей ты сделал несчастными, разбросав по всему белому свету? А от скольких ты избавился? Это почти невозможно сосчитать. Зачем так жестоко и бесчеловечно?»

Это только судьба одной женщины, но как она схожа с судьбами тысяч, тысяч ингушей, многих тысяч россиян.

Комментарии

¹ В августе 1995 года в списках пропавших без вести гражданских лиц, составленных по заявлениям родственников, насчитывалось около 1300 человек. Примерно 800 из них были найдены и опознаны в последующие месяцы при эксгумации братских могил, но списки пополнялись, и после первой чеченской войны более полутора тысяч жителей Чечни числились пропавшими без вести. Большинство из них — как раз жители Грозного, погибшие в декабре 1994 — январе 1995 года. Всего же в Грозном той зимой погибли от 25 тысяч до 29 тысяч гражданских лиц.

² 6 марта 1996 года отряды боевиков под командованием Руслана Гелаева вошли в Грозный, и значительная часть города оказалась под их контролем. Федеральные войска понесли большие потери. Против боевиков было использовано тяжелое оружие и вертолеты, которые вели неизбежный огонь по жилым кварталам. 8 марта боевики покинули город, уведя с собой более 100 захваченных гражданских лиц. Тем не менее обстрелы южных кварталов города федеральной стороной продолжались еще несколько дней. Всего в ходе событий погибло около 500 гражданских лиц.

³ 6 августа 1996 года в Грозный вошли боевики. Подготовка штурма города не была тайной ни для жителей (слух о нем за несколько дней циркулировал на рынке), ни для военных (ими тревожные сигналы трактовались как попытки «отвлечь силы федеральных войск от операции в южных предгорьях»). Накануне из Грозного для проведения операций в сельской местности был выведен полк чеченской милиции.

В первые же часы боев федеральные силы понесли большие потери. Силы МВД, призванные контролировать Грозный, оказались блокированы на блокпостах, в комендатурах и в комплексе адми-

нистративных зданий в центре города. Грозный практически перешел под контроль боевиков. Ситуация требовала решительных действий, но масштаб катастрофы, видимо, не был осознан ни федеральным командованием, ни московскими чиновниками — и те, и другие более всего стремились не омрачить дурными известиями предстоящую инаугурацию Б.Н. Ельцина. Три дня продолжались уличные бои, которые привели к установлению позиционного противостояния. Чеченские милиционеры, оказавшие сопротивление боевикам, отошли из города на российские военные базы. В центре города в районе Дома правительства, ФСБ и МВД бои были особенно ожесточенными. Вместе с осажденными оказались заблокированы 12 журналистов. Попытки вывести в город колонны войск Министерства обороны РФ со стороны военных баз в Ханкале и в аэропорту «Северный», чтобы пробиться к окруженным на помощь, не были успешны и привели к большим потерям, как это было и в ходе новогоднего штурма Грозного в 1994/95 году. Как и тогда, федеральное командование ежедневно рапортовало об установлении контроля над центром города. Журналисты, изредка выходя на связь, опровергали эти сообщения. Федеральная сторона обстреливала город из тяжелых артиллерийских орудий, низкая облачность ограничивала применение авиации. От обстрелов, как и в январе 1995-го и марте 1996-го, страдало в первую очередь гражданское население.

⁴ 9 августа в Кремле состоялась церемония вступления Б.Н. Ельцина в должность Президента России, и только после этого официальные лица «заметили» происходящее в Грозном. Председатель Правительства России Черномырдин дал поручение министру обороны Родионову и министру внутренних дел Куликову разрешить ситуацию, сложившуюся в Грозном. Однако к тому моменту положение в городе практически вышло из-под контроля федеральной стороны.

⁵ 10 августа Б.Н. Ельцин объявил днем траура в связи с событиями в Грозном, в этот же день он назначил секретаря Совета безопасности А.И. Лебеда своим полномочным представителем в Чеченской Республике. Лебедь вылетел в Дагестан, откуда переехал в Чечню и ночью в районе села Старые Атаги встретился с Асланом Масхадовым. Они договорились, что в течение 7 дней будут решены вопросы, связанные с прекращением военных действий в Чечне и началом вывода федеральных войск из республики. 12 августа Ельцин одобрил предложения Лебеда по урегулированию ситуации в Чечне. 13 августа состоялась встреча генералов Масхадова и Пуликовского, было согласовано прекращение огня 14 августа с 12:00. 14 августа Ельцин встретился с Лебедем и подписал указ, по которому руководство процессом урегулирования в Чечне целиком перешло к СБ РФ. 15 августа Лебедь прибыл в Чечню; в районе с. Старые Атаги состоялись его переговоры с Масхадовым и Зелимханом Яндарбиевым. 17 августа в районе с. Новые Атаги состоялась очередная встреча Пуликовского с Масхадовым, конкретные результаты достигнуты не были, но боевые действия были прекращены.

⁶ 17 или 18 августа в Грозном военными ВВ МВД РФ была захвачена группа заложников (около 20 человек) из числа местных жителей. 18 августа на переговорах представители российской стороны передали чеченской стороне подписанный генералом Пуликовским приказ № 107 от 17 августа о прекращении боевых действий по всей территории Чеченской Республики.

⁷ 19 августа пресс-секретарь Ельцина обнародовал поручение Лебедю «восстановить систему поддержания правопорядка в Грозном по состоянию на 5 августа». В 20:00 Пуликовский фактически предъявил чеченским вооруженным формированиям ультиматум, потребовав от них покинуть Грозный. Мирному населению он дал 48 часов на выход из города, после чего оставлял за собой «право использовать все имеющиеся силы и средства, в том числе действия войск, бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию для нанесения удара по местам нахождения боевиков». 20 августа ночью, не дожидаясь окончания 48 часов, федеральная сторона возобновила минометный и артиллерийский обстрел, бомбовые удары по Грозному; возобновился и исход беженцев из города. Пуликовский заявил, что ему «больше не о чем говорить» с Масхадовым. 21 августа бомбардировка и обстрелы усиливались, были применены системы залпового огня «Град». Продолжался исход беженцев, по некоторым маршрутам движения которых наносились удары с вертолетов. В городе оставалось не менее 50–70 тысяч человек. Ночью и днем 22 августа в с. Новые Атаги в ходе переговоров Лебеда с Масхадовым был выработан и подписан документ, предусматривавший разведение противоборствующих сторон, отвод войск и совместный контроль над отдельными районами Грозного. 30 августа в Хасавюрте Лебедь и Масхадов подписали соглашения о принципах, по которым будет в дальнейшем идти переговорный процесс,

и о сроках подписания политического соглашения между Россией и Чечней — до 31 декабря 2001 года. Всего с 6 по 22 августа 1996 года в Грозном, по неполным данным, погибли 494, были ранены 1407, пропали без вести 182 военнослужащих и сотрудников милиции. Погибших мирных жителей никто не считал — ориентировочно их было не менее двух тысяч. Свыше 220 тысяч беженцев покинули город.

Судьба Есимат

**Мовсар Бачаев, Сунженский район, с. Серноводск,
школа № 1, 10-й класс**

В 1919 году в селе Верхний Наур Надтеречного района появилась на свет девочка, которую назвали Есимат. В семье Мазаева Хамзатхана и Балы было еще пять детей, и никто не знал, какое будущее ждет каждого из них. Есимат, по ее рассказам, росла болезненным ребенком. «Я никогда не играла на улице со сверстниками, а держалась возле матери, помогала ей в хозяйстве. Часто простужалась, а полученные ранки и ссадины долго не заживали. Лечение тогда было не ахти каким: мазали ссадины гусиным жиром, суставы натирали керосином... Я всегда переживала, что не могу быть, как все, живой и подвижной. А когда пошла в школу, узнала, что можно выучиться на врача, чтобы лечить себя и родственников».

В 1921 году семья Мазаевых одна из первых переехала в станицу Михайловскую, где жили одни казаки, враждебно относившиеся к переселенцам-чеченцам¹. (В настоящее время станица, переименованная в Серноводскую, стала лечебной здравницей, которая сильно пострадала во время боевых действий в 1995 году.)

«В 1927 году я пошла учиться в начальную школу, а затем перешла в среднюю школу № 1. Окончила школу на „хорошо“ и „отлично“, за это отец и мама дали мне первый раз деньги на подарок, и мы со старшими сестрами — Аминат, Мадатой, Хадиджат — поехали во Владикавказ². Каменные, высотные дома, благоухающие цветами аллеи скверов, нарядно одетые люди, говорящие на непонятном языке. Мы кинулись по магазинам и купили всего, о чем мечтали девушки того времени. Это цветные отрезки на платья, туфли на каблуках, а самое ценное — пудру, губную помаду и черную краску для бровей. Ни у кого тогда не было таких драгоценностей, как нам казалось, и все нам завидовали, а когда собирались на разные торжества, то у нас творилось что-то невообразимое. Десятки девочек прибегали с просьбой одолжить то помадку, то туфельки...»

После школы Есимат пошла учиться на медицинские курсы, открытые при Серноводском сельхозтехникуме. Стать врачом было ее мечтой. «Получив благословение родителей, мы с сестрой Аминат поехали в Северную Осетию, в город Орджоникидзе³, чтобы поступить в медицинское училище, которое находилось по улице Бутырина, 1. Сестра не захотела учиться и вернулась домой, а я осталась. Как мне было трудно: одна в незнакомом и чужом городе. Часто плакала и рвалась домой, но подруги — русские девчонки, такие же, как я, удерживали меня. Вскоре я втянулась, стала даже старостой группы. А через год наше училище перевели в город Грозный, где я была уже „в своей тарелке“. Могла часто видеть родителей, братьев и сестер».

В 1936 году был первый выпуск медицинского училища, где была и Есимат. А летом в отпуск приехал старший брат Маташ. «Он был старше меня на одиннадцать лет, — вспоминает Есимат. — И мы боготворили его, уважали и даже побаивались. Его слово было законом для нас, хотя он был очень мягким, вежливым и ласковым. Когда он приезжал, в семье устраивали праздники, на которые приглашались лучшие гармонисты и музыканты из города Грозного, красивые девушки, статные и уважаемые мужчины села и близлежащих районов».

Маташ Мазаев погиб в Великую Отечественную войну под Сталинградом⁴. В конце 30-х годов, когда нахлынула волна репрессий и на Чечено-Ингушетию, арестовали отца Хамзатхана и его младшего брата. Вскоре отца отпустили, а дядя пропал без вести в застенках НКВД.

Время было беспокойное, и Есимат вернулась в родное село, стала работать в больнице фельдшером-акушером. Есимат была единственной чеченской женщиной среди работников больницы.

«Я работала день и ночь, — вспоминает она. — Вызовы бывали в любое время суток, и приходилось даже в зимнюю стужу идти несколько километров, чтобы оказать помощь людям».

Перед самой войной Есимат вышла замуж и жила в Грозном, где ее призвали в Красную армию. В начале войны она работала в военном госпитале в селе Серноводск, а затем ее перевели в госпиталь на колесах. Эшелоны с ранеными бойцами уходили в глубь России, и Есимат сопровождала их. До 1943 года работала в городе Кропоткин⁵, в госпитале, получила ранение в спину и в чине лейтенанта медицинской службы приехала домой долечиваться. До 1944 года работала в Серноводском госпитале.

«У нас там был большой дом, и поэтому в доме разместили военных, мы переехали в тот, что поменьше, — рассказывает Есимат. — Они обращались с нами хорошо, зная, что наш старший брат, командир танкового батальона, героически пал за Отчизну. Уважая память о нем, солдаты помогали нам, чем могли. Накануне выселения к нам пришел комендант села и сообщил о грозящем массовом выселении чеченцев. Он предложил нашей матери остаться, сказав, что у нас есть льготы, потому что наш брат был красным командиром, коммунистом. Мама отказалась, чтобы не потерять родных и близких, да и оставаться было небезопасно: вокруг села то и дело появлялись банды, грабившие и убивавшие людей за родство с коммунистами. Утром 23 февраля 1944 года всем объявили, что состоится торжественный митинг, посвященный Дню Красной армии, и явка жителей обязательна.

Но я не пошла: мама приболела, и я ухаживала за ней. Вскоре прибежали наши знакомые красноармейцы и на бегу сообщили, что всех людей погнали на железнодорожную станцию, где их ждут вагоны для отправки в Сибирь. Я засуетилась, забегала, не зная, что делать, что взять; так я в одном тапочке на ноге

и уехала. Лишь тогда, когда мы приехали и нас выгрузили в степи, мы узнали, что это Северный Казахстан.

В тот момент были утеряны все документы, удостоверяющие личность, участие в войне, наградные бумаги. Узнав, что Есимат Мазаева — медработник, ее определили фельдшером в совхоз № 8 Целиноградской области. «Добиралась до совхоза пешком, — говорит Есимат, — а это 12 километров. Лишь потом, когда я заслужила почет и уважение людей и властей, мне за хорошую работу выделили тачанку. Из досок построили домик, так и перезимовали. Через год меня перевели в село Талгар. Голодно было, да и холодно. Председатель колхоза, в котором я работала, увидев мое худое пальтишко, подарил мне овчинный тулуп. Какое это было счастье! Чтобы получать повышенный продовольственный паек, перешла работать в туберкулезную лечебницу, куда никто не шел работать добровольно, а у меня на руках — дочь да престарелая мать, а продуктов не хватало. Через шесть лет переехали жить в Алма-Ату и стало легче. Я уже могла покупать что-то и для себя, и в дом кое-какую обстановку.

Весть о том, что мы можем вернуться, получили весной 1957 года и сразу начали сборы. Какой долгой была дорога домой... Помню, в наших домах уже жили другие люди, и нам пришлось ютиться в тесной комнатенке у родственников. Сразу устроилась в сельскую больницу в селе Серноводск».

Когда она рассказывала, я думала, что за этим рассказом прячутся и страх, и боль женщины, вынужденной взять в свои руки всю заботу о семье, о родных, которым тоже надо было помогать.

«Внутренняя сила, несгибаемый характер — это от отца, который учил, что только тот кусок хлеба сладок, который ты сам заработал», — сказал Есимат.

Вплоть до 1991 года работала героиня нашего рассказа в больнице, оттуда и ушла на пенсию. За время работы Есимат Хамзатхановна неоднократно награждалась почетными грамотами, медалями за труд, поощрялась премиями и ценными подарками, но ничто не сравнится с простой людской благодарностью и уважением. Это самое ценное, что есть в жизни. Мазаева Есимат — ветеран труда, шестнадцать лет подряд избиралась депутатом районного совета депутатов и только на днях получила документ, что она участник войны. После долгих хождений по чиновникам, после мытарств по кабинетам ей пришлось доказывать, что принимала участие в Великой Отечественной войне, тогда как другие люди, не совсем честные, заимели такие документы обманным путем. Не бумажки — свидетели ее героизма, а глубокая вмятина на спине, оставшаяся после ранения осколком снаряда.

«Что у тебя самого светлого в жизни?» — спросил я у бабушки Есимат.

«Много чего. Это и конец войны, и приезд домой из ссылки, и рождение детей, их успехи, их дети...

А самое главное — работа. Я так любила свою работу, даже сейчас ко мне приходят молодые врачи, советуются. Говорят, что врачом надо родиться, дар этот дается от Бога».

Спросите у любого, где живет лор («врач» по-чеченски) Есимат, и вам укажут дорогу.

Комментарии

¹ Весной 1920 года около 45 тысяч «контрреволюционно настроенных» терских казаков были депортированы из станиц Сунженской, Воронцово-Дашковской, Тарской, а осенью — из Ермоловской, Романоской, Самашкинской, Михайловской и Калиноской. «Освобожденные» земли заселялись «горской беднотой». Станица Сунженская была переименована в Акки-Юрт, Воронцово-Дашковская — в Таузен-Юрт, Тарская — в Ангушт, Михайловская — в аул Асланбек, Самашкинская — в Самашки, Романовская — в Закан-Юрт, Ермоловская — в Алхан-Калу. Впрочем, ранее эти станицы Сунженской линии основывались на землях, откуда изгонялось местное вайнахское население.

² Владикавказ в те годы был столицей и Северной Осетии, и Ингушетии.

³ Орджоникидзе — название Владикавказа в 1931–1944 и в 1954–1990 годах.

⁴ Через много лет именем героя Великой Отечественной войны Маташа Мазаева в Чечне были названы улицы, например, в поселке Новые Алды.

⁵ Краснодарский край.

Судьбы вайнахских женщин

Зелимхан Ирбагиев, г. Грозный, школа № 34, 9-й класс

«Ненастным утром 22 февраля 1944 года началось поголовное выселение чеченцев и ингушей. Брать с собой разрешалось только то, что могли унести на руках. На сборы отпускаясь десять минут времени. Таков был приказ высокого начальства. Седые старцы и женщины бросались к детям. Покидали с ними родные жилища — без вещей, без одежды, без пищи. Бережно кутая в полы одежды беспомощных младенцев, женщины молча шли на сборные пункты под дулами пистолетов и автоматов, старики вели детей постарше за руки. Разбуженные непривычно рано, они засыпали на ходу, шлепая подошвами по размятой дороге, упирались и противились идти со старшими. Многие простые люди наивно полагали, что произошло недоразумение, и, проснувшись, Сталин пресечет беззаконие». Так вспоминал это злое утро житель села Катыр-Юрт¹ Зияудин Абдулаев, депортированный вместе со своим народом в 1944 году².

По свидетельствам других стариков, воспоминания которых я записывал, депортация началась в 1944 году, 23 февраля. Видимо, командир, руководивший выполнением правительственного задания в селении Катыр-Юрт, решил работать с опережением графика.

Жительница села Беной³ Малкан Кагерманова вспоминает: «Рано утром отца вызвали в сельсовет, сказали, что будет собрание, посвященное празднику. Отец был героем Гражданской войны, его часто приглашали на подобные мероприятия, поэтому он и не подозревал, что видит свой дом в последний раз. Матери не было дома. Я была самой старшей из детей. Дети еще спали, когда в дом вошли вооруженные солдаты и стали что-то говорить на русском языке. Я ничего не понимала. Прибежала соседка Пия и, объяснив мне, что надо одеть детей и пойти с солдатами, быстро убежала. Под крики недовольных солдат я разбудила детей и одела их, как могла. Один из солдат взял на руки мою младшую годовалую сестренку и показал мне жестами, чтобы я взяла для нее еду. Я стала собирать продукты, но зашел другой военный — видимо, их командир, — и нас быстро вытолкали в дверь. Все, что было дальше, я помню как страшный, жуткий кошмар. Нас, как стадо, пригнали на пастбище. Там было много людей. Женщины вытирали слезы, кричали старушки: „Ва орца дала!“*.

Мои братья молча смотрели непонимающими глазками на эту картину. Вдруг мой взгляд упал на толпу мужчин, окруженную военными. Мой отец выделялся среди всех, потому что на его груди сверкали медали. Он увидел меня и стал мне

* Крик о помощи, который женщины поднимают в момент большого несчастья.

кричать, чтобы я не отходила от детей, что он скоро присоединится к нам. На его крики обратил внимание какой-то военный. Он подошел к нему и стал кричать на отца. Отец стал тоже кричать на военного. Стоящие рядом мужчины просили его успокоиться. Военный стал срывать с отца награды, отец снова стал сопротивляться. Люди — знакомые отца — схватили его за руки. Дед Али, наш сосед, что-то сказал ему тихо. Отец стал сам срывать свои медали и бросать их в снег. Женщины, стоявшие вокруг нас, окружили нас, стали кутать детей, и больше отца я не видела до тех пор, пока нас не стали сажать в поезд».

Жительница села Старые Атаги Асма Курбанова в этот страшный день оказалась в городе Грозном. Она вспоминает: «Я никогда не была в городе до этого дня. С утра я чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете. Меня поразили город своими размерами, красивыми витринами, многоголосьем рынка, где мы с мамой продавали кукурузную муку. Мама взяла меня с собой, потому что ждала ребенка и боялась, что могут начаться роды. Вдруг на рынке раздался ужасные крики, стрельба. Сотни вооруженных солдат окружили нас. Я никогда не боялась солдат, но в тот день их глаза не были добрыми, и мне стало страшно. Мама кричала что-то и бросалась к военным, но никто ее не слушал. Она села на мешок муки и стала жалобно плакать, называя имена оставшихся дома братишек и сестер. Потом всех чеченцев собрали и приказали идти куда-то. Мама потащила свой мешок, я пыталась ей помогать. Какая-то женщина, русская или армянка, кричала солдату что-то, показывая на мамин живот. Я подумала, что теперь ей помогут, но все были взволнованы не меньше нас. Наконец один молодой человек догнал нас, схватил наш мешок, как перышко, поднял его на плечо и пошел рядом с нами. Из их разговора с матерью я узнала, что всех чеченцев выселяют, что всех называют бандитами. Я ничего не понимала. Мой отец был фронтовиком, имел награды, ранения. Такими же были все родственники и друзья моего отца. Почему же выселяют всех? Видя мой недоуменный взгляд, молодой человек сказал мне: „Ничего, девочка, не бойся. Это ошибка. Такого произвола никто не допустит. Сталин накажет очень жестоко предателей, которые мучают сегодня наш народ“.

Но молодой человек, как и все в то время, глубоко заблуждался. Все, что происходило на Кавказе, делалось не только с ведома Сталина, но и под его руководством. Непосредственное же руководство операцией осуществлял „чекист номер один“ — Лаврентий Павлович Берия. Даже за сухими цифрами донесений видна трагедия полумиллионного народа, изгнанного из родных мест в неизвестность, обреченного на унижения, холод и голод».

В одной книге я нашел такой документ: «Совершенно секретно. Народному комиссару государственной безопасности Лаврентию Павловичу Берии. К погрузке приступили в 5:00 23.02.1944 года. Отправлено всего 180 эшелонов по 65 вагонов в каждом, с общим количеством переселяемых 493 тыс. 269 человек. В среднем по 2 тыс. 740 человек на эшелон. Срок пребывания эшелонов в пути — от 9 до 23 суток. В пути следования народились 56 человек, сдано в лечебные учреждения 285, умерло 1 тыс. 272 человека», — докладывал начальник конвойных войск НКВД СССР генерал-майор Бочков.

Из этих цифр следует, что за один месяц родилось всего 56 младенцев (нет сведений, что кто-то из них выжил), зато умерло 1 тыс. 272 человека. Это же население среднего села! А каков контраст между цифрами 285 и 1 тыс. 272! Этому тоже есть объяснение: многих тяжелобольных выбрасывали из вагонов еще живыми. Никого не волновало, что госпитализация может спасти им жизнь. Дорога от Чечни до Средней Азии в тот «черный февраль» 1944 года для многих чеченцев стала дорогой смерти.

Свидетельствует Магомед Джургаев: «Вагоны оставались запертыми несколько дней. Спертый воздух первого дня можно было назвать озоном по сравнению с тем зловонием, которое установилось в скотовозе...»

А вот как описывает Магомед Джургаев «событие местного масштаба» — появление на свет младенца: «Роженица во время схваток забилась под самые нижние нары (она стеснялась своего свекра). Когда раздался крик малыша, его тут же завернули в тряпье. Саму же мать долго не могли вытащить из закутка, а когда вытащили, то все увидели вместо нижней губы оскал верхних зубов, прикусивших ее. Женщина была мертва».

Очень многие люди, с которыми я беседовал, волновались во время рассказов о пути в скотовозах особенно сильно. Больше всего потрясли меня факты смерти чеченских женщин, которые в силу своей скромности отказывались справлять нужду в самом вагоне и трехметровой зоне на коротких остановках.

Житель села Гехи-Чу Саламат Гаев⁴ собрал неопровержимые доказательства того, что в конце февраля 1944 года в селении Хайбах были собраны в конюшню 700 немощных стариков, молодых женщин с грудными детьми и молодых людей, сопровождавших их, под предлогом того, чтобы вывезти их на самолетах (горы в этом районе были непроходимыми или труднопроходимыми для транспорта). На самом же деле их закрыли в этой конюшне, обложили соломой, облили конюшню бензином и подожгли. Когда люди поняли, что их сжигают заживо, они сломали ворота и вырвались наружу. Здесь их ждали автоматчики. Кому удалось вырваться из огня, были расстреляны. Все трупы были сброшены в многометровой глубины навозную яму.

Энкавэдэшники не ограничились изгнанием, вызвавшим столь многочисленные жертвы в дороге. До прибытия чеченцев в местах их переселения распускались слухи о том, что везут бандитов и пособников фашистов. Население обрабатывалось настолько, что инспирировались нападения на эшелоны. С криками: «Предателям Родины — смерть!» — толпы людей бросались к эшелонам; людей, выскочивших из вагона для отправления естественных человеческих потребностей, закидывали камнями; делались попытки поджечь вагоны. Чаще всего жертвами таких «митингов» становились дети, которые не умели увертываться от камней и других тяжелых предметов, летящих в несчастных.

Тяжело было привыкшим к южному умеренному климату горцам в холодных, ветреных чужих краях. Магомед Джургаев вспоминал: «Ветры валили с ног.

Истощенные люди не имели сил подняться с земли. Так и оставались они лежать, присыпанные то ли снегом, то ли землей (вырыть могилы у живых не было сил), пока до них не добрались собаки».

Малкан Кагерманова вспоминает: «Из семерых детей, вывезенных из дома, выжило только трое. Когда мама нашла нас, жить стало легче. Местные люди, сначала относившиеся к нам недружелюбно, оказались хорошими людьми. Отец нашел работу, мы зажили по-человечески. Но испытания подкосили здоровье матери, переживания, измучившие ее в дни разлуки, расстроили ее рассудок. Она прожила с нами недолго, но и это время для меня было мучительным, а не счастливым, так как больно было видеть мать, звавшую погибших детей и не понимающую, почему они не наигрались, почему не приходят покушать и выспаться. После смерти матери все заботы о доме и детях легли на мои плечи. Мне было очень тяжело. Мои сверстницы бегали по улице, играли в куклы, а я убирала, стирала и штопала. Но и этого оказалось мало моей несчастной судьбе. В 1953 году отец построил нам удобный, красивый, очень уютный домик. Несмотря на просьбы родственников, он не женился, так как не хотел, чтобы мачеха нас обижала. В новом доме я с удовольствием хозяйничала, две сестренки выросли и помогли мне. Но пришла новая беда — умер наш единственный брат от какой-то незнакомой болезни. Мы пытались его спасти, но в нашем селе не было больницы, а привезти врача можно было, только если комендант даст разрешение выехать из села. Комендант был в запое. Пока отец выпросил у него разрешение, нашел врача и привез его к нам, у Вахи начался кризис. А через год наш дом сгорел во время пожара. Дом-то не жалко, жаль сестру, которая умерла от ожогов».

Неимоверные трудности легли на плечи чеченских матерей, переживших невосполнимые утраты. Все еще не зная об участии мужей, воевавших на фронте, изнурительным трудом добывая скудный свой хлеб, они стойко переносили все испытания судьбы. Откуда черпали они силы? Как выдерживали эти лишения?

Я считаю героиней свою прабабушку Мовладат. После гибели своих родителей она взяла на себя заботу не только о своих детях, но и о четырех племянниках мужа. Один из них умер от тяжелой болезни еще в 1944 году, но прабабушка оплакивала его до своей смерти.

Другая моя прабабушка, Аминат Навразова, овдовев, осталась с четверыми детьми. Ей удалось выходить всех четверых. Не показывая никому своих переживаний, глубоко в сердце затаив свое горе, она трудилась днем на поле, вечером — шила на машинке, пока сон не одолевал ее. Ее дети всегда были самыми опрятными, потому что она никогда не разлучалась с иголкой.

Третья прабабушка, Бикату, умерла в Зыряновске во время родов, я не помню ее, даже бабушка ее не помнит. Разлученная с детьми во время выселения, она две недели не уходила с перрона, пока не нашла их. Она так заболела и от этих переживаний, холода и голода истощилась, что спасти ее врачи не смогли.

Две рвто
не хлонтаб!!!

Надпись на двери
маршрутного такси,
отправляющегося
в Грозный.
Хасавюрт, Дагестан,
2001

Махачкала,
Дагестан,
2001

Четвертая моя прабабушка — Аймси Ирбагиева — тоже была очень мужественной женщиной. Она тоже овдовела и осталась с тремя взрослыми детьми, которых надо было женить, выдавать замуж. Ее предприимчивость пригодились и на чужбине. Она шила, готовила, ремонтировала чужие дома, торговала. Она смогла устроить своих детей достойно. До самой смерти прабабушка трудилась в поте лица и пользовалась уважением наравне с мужчинами.

Асма Курбанова вспоминает одну бедную женщину. В тот злосчастный день она ушла на заработки в соседнее село. Ей нужно было отлучиться лишь на несколько часов, и она замкнула детей в доме, никого не предупредив, что уходит. У коменданта, который давал разрешение на перемещение, была очередь. Боясь потерять заработок, обещанный ей за то, чтобы замазать глиной несколько щелей в доме одной старушки, эта женщина самовольно покинула село. Быстро закончив работу, она возвращалась домой, когда комендант того селения задержал ее. Несчастная плакала, билась об двери и истерично умоляла отпустить ее к детям. Невзирая на ее мольбы, комендант не отпускал ее две недели. Детей она нашла мертвыми у дверей. Страшно представить этих детей, дрожащих от страха ночью и мучающихся от голода и неизвестности днем.

Лайла Кагерманова во время депортации была грудным ребенком. Тяжелые испытания отняли у нее мать и братьев так рано, что мать она даже не помнит. «Если бы хотя бы один мой брат тогда выжил, — с болью выговаривает она, — у меня была бы опора в жизни. Но у меня нет не только близких, но даже их могил, куда я могла бы пойти, чтобы почувствовать: здесь находится прах дорогих мне людей. Но даже этой радости мне не оставила жестокая судьба. В 12 лет я начала трудовую жизнь. Когда мои сверстницы грелись в лучах материнской любви, я копала землю наравне с мужчинами — другой работы я не нашла. Самое счастливое мое время — первые годы после возвращения домой. Мы были так счастливы. Я впервые видела Кавказ, Чечню и свой дом, но из непрерывных рассказов отца я любила его всем сердцем и была рада вернуться сюда. Все люди сразу подобрали, их лица светились, их охватил энтузиазм. В селе, как грибы, росли новые дома, каждую неделю играли свадьбы, устраивали вечеринки в честь гостей, вечеринки-белхи*, белхи по праздникам. Молодежь веселилась по любому поводу и не боялась никакой работы».

В 1956 году состоялся XX съезд КПСС, который осудил культ личности Сталина, восстановил Чечено-Ингушскую автономию⁵, дав право чеченцам вернуться на свою историческую Родину.

Пришла, хотя и поздно, очередь Берии ответить за кровь невинных⁶, слезы матерей. Лайла Кагерманова вспоминает, что весть о суде над Берией чеченцы приняли как факт торжества справедливости.

* Белхи — чеченский обычай. Люди собираются вместе, чтобы помочь сельчанам построить дом; женщины, чаще девушки, устраивают посиделки, где помогают хозяйке выполнить какую-нибудь работу, перемежая работу танцами.

В 1957 году чеченцам разрешили вернуться домой. Продавая за бесценок свои дома и имущество, нажитое за 13 лет, а то и даря его на радостях своим знакомым, чеченцы ехали в Грозный. Они верили, что никогда больше не покинут Родину.

Комментарии

¹ Катыр-Юрт — село в западном Ачхой-Мартановском районе Чечни.

² Сегодня известно, что депортация началась строго одновременно по всей Чечено-Ингушетии, чтобы было невозможно организовать сопротивление. Исключение составляли горные районы на юго-западе республики, где операция по выселению проводилась 27 февраля. См. также работу Д. Музаева.

³ Беной — село в горах Курчалоевском районе Чечни.

⁴ С. Гаев — один из авторов книги «Хайбах: Следствие продолжается» (Грозный: Книга, 1994).

⁵ Указ о восстановлении Чечено-Ингушской АССР был издан лишь через год после XX съезда, 9 января 1957 года.

⁶ Берия был арестован задолго до XX съезда, 26 июня 1953 года, а 23 декабря приговорен к смерти и расстрелян.

Кровавый пепел Хайбаха

Даниил Музаев, Шатойский район,
с. Вашендарой, 7-й класс

Когда учитель сказал нашему классу, что объявлен всероссийский конкурс на тему «Человек в истории», и назвал, по каким направлениям следует работать, я долго думал. Так как было сказано, что участник конкурса может взять себе руководителя, я решил посоветоваться со своей тетей. Она разузнала, что работа может быть посвящена любой теме, только надо, чтобы она отвечала общей идее — «человек в истории».

Моя родина — Чечня. Поэтому я решил написать о трагедии чеченского народа. Имеется в виду выселение чеченцев в 1944 году. С самого раннего детства я слышал рассказы очевидцев и участников этой трагедии. Мои дедушка и бабушка вместе с их семьями были высланы в Северный Казахстан. Их показания (я склонен это так называть) легли в основу моей работы.

Слушая их рассказы про то, что чеченцы вынесли за годы ссылки, я задумывался над тем, что же явилось причиной их вынужденного переселения. Чеченцев называли «врагами народа». Я считаю, что врагом может быть один человек или группа людей. Но целый народ не может являться врагом. На чеченцев и ингушей навесили ярлык «предатели» и выслали с родной земли в чужие, далекие края. 23 февраля 1944 года стало поистине черной датой в истории чеченского народа.

«Было три часа утра, когда я проснулась от громкого лая собаки. Все спали. Дома были отец и четверо младших детишек. Я была старшей в семье, мне было тринадцать лет. Матери дома не было, она поехала проведать своих родителей в соседнее село. Боясь выйти на улицу, я стояла у окна, вглядываясь в темноту. Раздался выстрел, и собака, взвизгнув, замолчала. Было понятно, что ее пристрелили. Затем раздались голоса — что они говорили, было непонятно. Раздались удары в дверь. Еще до того, как в дверь постучали, я разбудила отца. Он подошел к двери и спросил: „Кто там?“ В ответ раздалась ругань и приказали открыть, пока не взломали дверь. Отец открыл, и в комнату ворвались солдаты с оружием в руках. Проснулись дети и, увидев чужих людей, заплакали.

Офицер сообщил нам, что нас выселяют, и если мы не будем готовы через пятнадцать минут, нас всех расстреляют.

„Вы, наверное, шутите? За что нас выселять? Мы никому ничего плохого не сделали“, — сказал отец. „Мы пришли не для того, чтобы шутить. Вы — враги советского народа. Весь ваш народ — предатели. А это тебе в доказательство, что мы не шутим“, — с этими словами офицер ударил отца прикладом винтовки в грудь. Отец упал навзничь. Я закричала и бросилась к отцу. Офицер прикрикнул на

меня: „Кончай орать!“ И, обращаясь к отцу, сказал: „Если через пятнадцать минут не выйдете отсюда с узелками, всех расстреляю, а начну с твоих щенков“. Отец еле поднялся с пола. У него были сломаны ребра. С моей помощью он кое-как перевязал грудь куском простыни. Пока я одевала детей, отец собрал нашу одежду, немного продуктов и все деньги, что у нас были. Мы вышли во двор. Наши соседи, разбуженные так же бесцеремонно, как и мы, выходили из своих домов. Плач женщин, детей, лай собак, крики солдат, подгоняющих людей, — все смешалось. Мне кажется, что если я не умерла в ту страшную ночь, я буду жить вечно». По лицу нашей престарелой соседки Себилы Дадаевой текли слезы, когда она рассказывала про выселение.

Я много слышал подобных рассказов от бабушки и дедушки и от других наших соседей. Эти их бесконечные горькие воспоминания травили мне душу. Я все время думал: «Кто виноват в этой трагедии? За что обвинили целый народ?»

Зная, как меня интересует все, что связано с выселением чеченцев и ингушей, моя тетя принесла мне почитать книгу «Хайбах: Следствие продолжается». Я читал эту книгу и время от времени вытирал слезы. Я знал про Хатынь, про Лидице, читал про преследования евреев фашистами и не знал о жертвах Хайбаха. Хотя сказать, что не знал ничего, будет неправдой. Дедушка рассказывал, что в горном селении Хайбах было сожжено около 700 человек. Просто я не мог в это поверить.

Во время Великой Отечественной войны фашистские захватчики жестоко убивали советских людей. Но я был поражен, узнав, что в 1944 году, когда выслали чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию, оставшихся в горах людей постигла такая же участь. Умирающим от голода горцам подбрасывали отравленные продукты: соль перемешивали с мышьяком, в сухари тоже добавляли яд. На горных тропинках устраивали минные ловушки. «Ночью шел крупный мокрый снег, была слякоть. На берегу речки Гехинки, столпившись, стояли женщины села Хайбах. В эту страшную ночь под открытым небом родила своего четвертого ребенка Пайлах Батукаева. Родилась девочка, которую назвали Тоитой. Для девочки этот день стал первым и последним днем жизни. Она была сожжена вместе с матерью заживо.

Руководители операции велели тем жителям, кто не мог идти в силу болезни, старости и по другим причинам без посторонней помощи выехать, собраться в конюшню для последующей отправки их транспортом. Для их сопровождения с ними оставались и здоровые. Ожидавшие гужевой транспорт люди расположились на отдых на разостланном в конюшне сене. Вдруг по команде начальника они были заперты на засов, после чего строение обложили сеном и подожгли. Предчувствуя смерть от огня, в последний момент люди выбили ворота. Но солдаты стали расстреливать их в упор из автоматов. Завал из трупов помешал выйти остальным. Объятая огнем конюшня рухнула. Все, кто был в ней, оказались погребенными под свалившейся крышей»¹.

Это описание расправы над незащитными женщинами, детьми и стариками. Генерал Гвишиани² лично руководил этой операцией.

Очень много чеченцев сражалось с немецкими захватчиками. Они свято верили, что умирают за свободу всего советского народа, за свободу своей Родины. В то же время их немощных родителей, малолетних братьев и сестер убивали, травили и сжигали заживо, назвав врагами того самого народа, который они защищали от фашистов. Произошедшее в Хайбахе в конце зимы 1944 года стало символом геноцида вайнахов.

И сегодня ощущаются последствия прошлого. Тому примером являются две военные чеченские кампании. Все знают, что одним из страшнейших изуверств фашистов справедливо считается сожжение заживо в сарае жителей белорусского села Хатынь. В Хатыни заживо сожжено и расстреляно 149 человек гражданского населения. В Хайбахе — сожжено заживо и расстреляно около 700 человек мирных жителей. В первом случае преступление совершили иноземцы, фашисты во враждебной стране. Во втором случае преступление совершили чекисты — в собственной стране, над собственным населением. И если преступления фашистов в Хатыни справедливо считаются беспримерными по жестокости и не подлежащими забвению и прощению, то насколько же бесчеловечнее и подлее преступления чекистов в Хайбахе! Про Хатынь знает весь мир, про Хайбах знают только чеченцы.

Моя Чечня! Сколько слез и крови впитала твоя земля! Свидетели тех страшных преступлений постепенно уходят в небытие. Но после них остаются их рассказы и свидетельства геноцида над чеченским народом. И сегодня, спустя 60 лет после этой трагедии, неизвестны причины, побудившие власть депортировать целый народ. А может быть, они известны, но их не предают огласке? Мне кажется, что задача любого честного человека — добиваться того, чтобы была сказана вся правда³.

Комментарии

¹ Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Хайбах: Следствие продолжается. Грозный: Книга, 1994. С. 78.

² Гвишиани Михаил Максимович (1905–1966) — в 1944 году комиссар госбезопасности 3-го ранга, в 1938–1950 годы начальник УНКВД Приморского края. За участие в депортации чечено-ингушского населения получил орден Суворова 2-й степени. Уволен из органов госбезопасности летом 1953 года, лишен звания генерал-лейтенанта.

³ Прокуратура Урус-Мартановского района в августе 1990 года по результатам осмотра места массового сожжения людей возбудила уголовное дело. Мы приводим фрагмент допроса одного из свидетелей, Д.Г. Мальсагова, опубликованный в сборнике документов: Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Хайбах: следствие продолжается. Грозный, 1994. С. 82–90. Дзизяудин Габисович Мальсагов родился в 1913 году в селе Старый Ачхой Ачхой-Мартановского района ЧИАССР, чеченец, образование высшее, семейный учитель, в органах юстиции работал с 1937 года, первый заместитель наркома юстиции ЧИАССР с 1942 года. С апреля 1944 года по 1957-й — на административной работе в Казахстане. После смерти Сталина неоднократно обращался к руководству страны, добиваясь восстановления ЧИАССР и наказания виновных в убийствах людей при депортации. Будучи слушателем Высшей партийной школы при ЦК КПСС, в марте 1959 года был арестован за антисоветскую агитацию, осужден к пяти лет лагерей. Освобожден в 1963 году досрочно. Реабилитирован (т.е. считается несудимым). Работал агрономом. На момент допроса — житель Грозного, главный ревизор контрольно-ревизионной группы.

Из протокола допроса свидетеля Д.Г. Мальсагова: «Я работал следователем, прокурором, судьей и в других должностях с 1937 года в Чечено-Ингушетии, в Курчалоевском, Шалинском и Атагинском районах. В марте 1942 года был выдвинут заместителем наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР.

18 февраля 1944 года в г. Грозный приехали Л.П. Берия и другие руководящие работники НКВД. В тот же день утром меня пригласил бывший тогда председатель Совнаркома Суляян Моллаев и сообщил, что предстоит выселение чеченцев и ингушей.

Мне также сказали, что я должен ехать в Галанчожский район. Туда я поехал с Халимом Рашидовым, вторым секретарем обкома КПСС.

В Галанчож должны были поехать я, один генерал, старшие офицеры в сопровождении солдат. Фамилию генерала я не знаю. Они в то время не называли своих фамилий.

Никакой подписки о неразглашении сведений о поголовном выселении чеченцев у нас не брали, так как это объявлялось только тем, кто был допущен к работе с секретными документами. Однако всех предупредили, что за разглашение этой государственной тайны будут привлечены к уголовной ответственности вплоть до расстрела.

Вечером мы прибыли в с. Ялхорой Галанчожского района. Наше появление в этом районе было закрещено. Выселение чеченцев ожидалось начать 27, а 28 февраля 1944 года — закончить. Мне потом сказали, что 24 февраля 1944 года с плоскостных районов чеченцев выселили. Об этом мне сообщил сам Гвишиани.

24 февраля мы прибыли в с. Ялхорой, а после с капитаном Громовым поехали по маршруту с. Акки-Эски-Хайбах-Нашхой. С Громовым я познакомился в пути следования. В ночь с 26 на 27 февраля 1944 года мы приехали в с. Хайбах. В то время из Галанчожского района люди еще не были выселены. Были слухи о том, что в этом районе существует банда Исраилова, и поэтому, по всей видимости, власти придавали особое значение Галанчожскому району, и выселение чеченцев из этого района было немного отсрочено.

27 февраля в с. Хайбах собрали жителей для отправки в г. Грозный.

В Ялхорое находился штаб войск, привлеченных к выселению.

В Хайбахе у конюшни колхоза им. Л.П. Берия собрали людей со всех окрестных хуторов и сел. Один офицер приказал, чтобы те, кто не может идти, зашли в конюшню, там подготовлено место, завезено сено и утеплено помещение. В эту конюшню стали заходить старики, женщины, дети, больные, а также и здоровые люди, присматривающие за своими больными и престарелыми родственниками. Там находились и здоровые люди, которые предполагали, что их вместе с нетранспортабельными могут увезти на машинах, подводах. Некоторые говорили, что их вывезут оттуда на самолетах. По моему подсчету, в конюшню зашло 650–700 человек, так как все они заходили на моих глазах. Остальных людей отправили через с. Ялхорой в с. Галашки и оттуда до ж.д. станции. Примерно в промежутке с 10 до 11 часов, когда выселили здоровую часть населения, ворота закрыли. Слышу команду: „Огony!“ Тут сразу вспыхнул огонь, охватив всю конюшню. Оказывается, заранее было подготовлено сено и облито керосином. Когда пламя поднялось над конюшней, то люди, находившиеся внутри конюшни, с жуткими воплями о помощи выбили ворота и рванулись к выходу. Генерал-полковник Гвишиани, стоявший недалеко от этих ворот, приказал: „Огony!“ Тут из автоматов и ручных пулеметов начали расстреливать выбегающих людей. Выход у конюшни был завален трупами.

Один молодой человек выбежал оттуда, и метрах в двадцати от ворот его настигли пули автоматчиков. Выбежали еще двое, но их у ворот также расстреляли.

Я подбежал к Гвишиани и попросил у него, чтобы прекратили расстреливать людей, ведь это же произвол. Гвишиани ответил, что на это есть приказ Берия и Серова, и попросил не вмешиваться в это дело, иначе, мол, как и они, погибните здесь. Капитан Громов также начал возмущаться по поводу уничтожения людей. Мы с Громовым больше ничего не могли сделать.

Гвишиани позвал меня и Громова, дал в сопровождение несколько солдат и отправил нас в с. Малхесты.

Там, в Малхестах, была страшная картина: с промежутками в несколько десятков метров по дорогам, на тропях валялись трупы расстрелянных горцев. В самом Малхесты трудно было найти дом, где не находился бы труп расстрелянного чеченца.

Через несколько дней, когда мы с Громовым возвращались обратно, в пещере увидели много трупов расстрелянных людей. Мне особенно запомнился труп женщины, прижавшей к себе трупы двух детей, одного грудного ребенка, а второй труп ребенка 2–3 лет. Сидя, она их держала, как при жизни, прижав к своему телу.

В пути следования в Малхесты и оттуда мы чеченцев не встречали. Повсюду были солдаты, а оставшаяся часть населения скрывалась в горах и в лесах. Их автоматически причислили к бандитам и жестоко с ними расправлялись.

Когда мы возвращались в с. Малхесты с Громовым, мы заехали в Хайбах, чтобы посмотреть, что осталось после расстрела людей. В Хайбахе, у конюшни, чеченцы выкапывали трупы сожженных и расстрелянных людей. Увидев нас, они бросились в разные стороны. Я им на чеченском языке крикнул, чтобы они остановились, подошли ко мне. Один из них подошел ко мне, а остальные не стали подходить. Подошедший ко мне был Жандар Гаев. Вид у него был ужасный. Они круглые сутки откапывали трупы чеченцев и хоронили их в другом месте. Жандар сказал мне, что они уже похоронили 137 трупов.

По приезде в Грозный об этом геноциде я подробно рассказал Серову, примерно 8-го марта. Серов был в ярости, приказал не говорить никому об этом случае. В то время я и не мог больше заикнуться об этом преступлении, так как меня могли физически уничтожить как свидетеля этой трагедии. После выселения моего народа Чечню я покинул 18 апреля 1944 года».

«уроки, которые ничему
не учат...»

Русские — чеченцы. Почему мы не можем жить мирно?

**Евгения Миронова, Кемеровская область,
г. Ленинск-Кузнецкий, школа № 8, 10-й класс**

Цель моей работы не в том, чтобы показать свое отношение, навязать свои мысли или выписать из некоей энциклопедии цифры и даты войн между русскими и чеченцами. Да это и невозможно! Нет у нее начала и, наверное, долго не будет конца. Я просто хочу понять, за что у нас такая нелюбовь друг к другу? Не от того ли, что при слове «чеченец» у русских перед глазами встает картина разрушенных домов, убитых солдат, заплаканные лица людей, потерявших свой дом, своих родных и близких? Я не чеченка, поэтому трудно представить мне картину, возникающую у чеченцев при слове «русский», но верно, она не менее болезненная, иначе зачем столько зла? Я хочу понять, есть ли путь к примирению и согласию?

Основой для моей исследовательской работы служат интервью, взятые у восьми человек, разных по своему социальному положению, вероисповеданию и национальности. Это интервью и с чеченцами, и с русскими солдатами, вернувшимися из Чечни, и с женой чеченца, русской по национальности, и с простыми людьми из толпы. Задавая им одни и те же вопросы, я получала то весьма неординарные, то почти схожие ответы. Это помогло сделать мне некоторые выводы, понять наши ошибки. Но бессмысленно будет делать выводы, основываясь лишь на мнениях современных людей. Обязательно нужно разобраться в прошлом наших народов, в их отношениях.

Хочу сказать, что теперешнее противоборство наших народов — уже третий этап их противостояния.

Я считаю, что под тем, что мы называем Кавказской войной, стоит и феодальная революция на Кавказе, и колониальный захват Россией, и столкновение двух вер, одним словом — война. Именно Кавказская война, подразумевающая и завоевание, и колонизацию, и гражданскую войну, но колонизацию прежде всего. Но какие бы доводы мы ни приводили, как бы мы это ни называли, все равно, те семьдесят семь тысяч человек, что потеряла Россия на Кавказских войнах, не вернуть словами и гипотезами. Нам остается только искать ответ на вопрос: почему? за что? и зачем?

Вторым этапом в формировании враждебных отношений между нашими народами стала депортация Сталиным чеченского народа.

Все принимаемые в этой связи постановления правительства конечно же противоречили положениям конституций СССР, РСФСР, союзных республик, провозглашавшим равноправие граждан независимо от их национальности,

неприкосновенность личности, жилища. Игнорировалась статья союзной Конституции, согласно которой законодательная власть осуществляется исключительно ее Верховным Советом. Документы свидетельствуют о том, как и кем принимались решения о депортации народов.

Официальные документы Совета народных комиссаров, Президиума Верховного совета СССР, Народных комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности СССР объясняют причины депортаций защитой от бандитизма, поддержкой депортируемыми народами фашистского режима. Фактически эти же причины служили предлогом выселения чеченцев, ингушей и балкарцев в 1944 году. 31 января 1944 года ГКО принял постановление за № 5073 о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР, 21 февраля последовал приказ НКВД СССР за № 00193 о переселении на «очищенную» территорию нового контингента. Знали ли о готовящихся переселениях в автономной республике? Безусловно, да, во всяком случае руководящие советские работники были в курсе дел⁴. 20 февраля 1944 года Л.П. Берия совместно с комиссарами госбезопасности Б.З. Кобуловым и И.А. Серовым, начальником канцелярии НКВД СССР С. Мамуловым и другими прибыли в Грозный, где возглавили операцию по переселению. В этот период были депортированы 310 630 чеченцев, 81 100 ингушей, в основном жителей равнинных и относительно доступных горных районов. Затем численность депортируемых возросла до 478 479 человек. Многие из чеченцев и ингушей были устроены на проживание в Ярославской, Ивановской, Костромской и других областях центра РСФСР. В 1944 году на восток прибывали одна за другой группы чеченцев из Красной армии. Чечено-Ингушская АССР прекратила свое существование.

Чеченцы и ингуши не единственные, кто пострадал от безрассудства «Верховного законодателя» — Сталина. Это российские немцы, карачаевцы, калмыки и многие другие. Чем же объяснялась такая политика Сталина? Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что причина этому — страх. Предатели есть в любом народе — и у чеченцев, и у русских, и у других, но это не значит, что для того, чтобы не допустить такого предательства со стороны одного человека, нужно выселять весь народ. Естественно, это оставило далеко не добрые воспоминания в памяти чеченцев.

И наконец, приступим к третьему этапу — это военные действия, развернувшиеся в наши дни, причем не только на поле битвы, но и в мирной жизни.

Итак, для начала предлагаю вашему вниманию отрывки из интервью, взятых мною у восьми человек, разных по национальности, вероисповеданию и социальному положению.

Алик, 42 года, чеченец, предприниматель.

— *Ваше отношение к русским?*

— Нормальное. Моя мама — русская. С самого детства меня окружало много русских.

— *Правда ли, что русские — неверные, следовательно — враги?*

— Лично для меня — нет. Но не стану отрицать, что такое мнение встречается довольно часто среди моего народа. На мой взгляд, мирным людям такие взгляды не свойственны, они присущи фанатикам мусульманской религии. Но это не значит, что поголовно все так мыслят. Ведь нельзя объединить тысячи людей, назвать их одним именем — «чеченцы» и сказать: «Вот они так считают». Нет! Ведь все люди разные. И чтобы найти ответ на этот вопрос, нужно опросить каждого чеченца, и мнение никогда не будет единым. Никогда. И если какой-то отморозок взрывает дома, это не значит, что все мы такие. За то горе, которое он приносит вашему народу, я, да и многие другие, своими руками убили бы этого мерзавца.

— *Почему вы приехали в Россию?*

— Я считаю себя русским настолько же, насколько же и чеченцем. Так что у меня две Родины. А зачем человек приезжает на Родину? Наверное, чтобы чувствовать под собой родную землю, чтобы дышать родным воздухом, жить с родными людьми.

— *А как же другая Родина? Почему вы ее оставили?*

— Здесь мне легче реализовать себя. В Чечне рабочих мест мало, постоянные конфликты. Здесь легче жить, легче заработать деньги.

— *После того как вы заработаете нужную вам сумму, вы вернетесь на «вторую Родину»?*

— Не исключено.

— *Россия для вас — это временная «станция»?*

— Россия для меня не вторая «станция», а второй дом, где я могу обеспечить себе и своей семье достойную жизнь.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная война? В чем ее смысл? За что борется ваш народ?*

— Почему идет война? Этот вопрос следует задать не мне, а скорее всего, нашим правительствам. Может, они ответят, в чем ее смысл. Наш народ борется за свободу, нам надоело, что нас угнетают. Надоело постоянно слышать выражение «лицо кавказской национальности». Иногда мне приходится доказывать, что я мирный житель. Ведь моя «чеченская физиономия» вызывает опасение у русского «Вани», и мне долго приходится ему доказывать, что я не собираюсь взрывать его дом и насиловать его дочь. Некоторые прямо в лицо высказывают свое «неодобрительное отношение» к моей национальности.

— *Но, несмотря на все оскорбления, вы не утратили доброжелательности к русским людям?*

— Подавляющее большинство — это хорошие люди.

— *Возможно ли между нами примирение? Что для этого требуется сделать русским, а что — чеченцам?*

— Нет ничего невозможного, но всегда найдутся те нелюди, которые будут отстаивать свои эгоистичные убеждения. Аллах не учит нас убивать!

— *Представьте, что вы — руководитель своего народа. И вот вас посадили за стол переговоров с русским руководителем. На каких условиях лично вы заключили бы с ним мировую?*

— Равноправие и свобода. Что бы прекратили уничтожать мирное население Чечни.

— *И на кого вы возлагаете вину за это?*

— На ваше и наше правительство.

— *Что лично для вас важнее всего в отношениях с русскими?*

— Для меня главнее всего, чтобы меня и мою семью уважали. Важнее всего, чтобы в любых ситуациях оставаться настоящим мужчиной. Для моего народа важнее всего — это свобода и честь. Хотя за всех не скажешь.

— *Почему мы не можем жить мирно?*

— Я считаю, что здесь большая часть вины возлагается на русское правительство. Власть нас унижает на каждом шагу, отнимает нашу свободу, а чеченцы есть и будут свободолюбивым народом.

— *Хорошо, задам вопрос по-другому: почему русский не может добрососедствовать с чеченцем в общем доме, в общей стране, в общем мире?*

— Русский может недобрососедствовать даже с русским, так же как и чеченец с чеченцем. Все зависит от убеждений человека. Если я не вижу в своем соседе «неверного», врага, так и он относится ко мне порядочно. Хотя иногда людям приходится долго доказывать, что они не враги. Но рано или поздно мир восторжествует. Мирный чеченец всегда найдет общий язык с мирным русским. Поймите, мир не делится, по большому счету, на русских, чеченцев, англичан, китайцев и т.д. Он делится на людей и нелюдей.

Сергей, 22 года, русский, безработный.

— *Ваше отношение к чеченцам до военного конфликта?*

— До военного конфликта мне не было никакого дела до чеченцев.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная борьба между нашими народами? В чем ее смысл? За что боремся мы?*

— Это бессмысленная борьба. Разногласия идут на уровне нашего правительства. Вот там-то, может быть, и есть смысл, а та борьба, что развернулась между нами, простыми смертными, лишена всякого смысла. Не за что нам бороться.

— *Вы вели войну только с чеченцами или встречались боевики и других национальностей?*

— В первой кампании были только чеченцы. А во второй — почти одни наемники². Чеченцы хоть и составляют значительный процент (где-то 40 процентов), но очень много наемников из других стран. Это и афганцы, и иранцы, и турки, и белорусы, и американцы, и даже африканцы! Я знаю случай, когда снайпером была девушка-белоруска. Так она 20 наших ребят положила.

— *Любим ли мы свою Родину так, как любят чеченцы свою?*

— Смешной вопрос! Конечно, нет!

— *Но почему вы и многие другие так категорично отвечаете «нет» на этот вопрос?*

— А за что любить? Может быть, за мир и спокойствие в нашей стране, которых нет? А может, за достаток и сытость в наших семьях, которых нет? А может, за уважение к простому человеку, о котором мы уже и забыли?

— *Неужели все так плохо в нашей стране?*

— Я, конечно, понимаю, что здесь я родился, здесь, в березах, я играл мальчишкой, но, с другой стороны, здесь, именно здесь я пошел на жестокую,

бессмысленную войну, здесь убили моего товарища, здесь я не могу позволить себе достойной, сытой жизни. Перевес в негативную сторону.

— *Сколько вам обещали и сколько вам заплатили за время службы в горячей точке?*

— Обещали более 20 тысяч за месяц службы, а заплатили по 2 тысячи! Вот так! Я ходил под пулями, даже не зная, что моя жизнь так дешево оценивается родным Отечеством.

— *Возможно ли между нами примирение? Что для этого требуется сделать чеченцам, а что нам?*

— Официально война уже окончена. Неофициально — как она шла, так и идет. А идет война между боевиками и армией, значит, между населением одной страны. Вообще, я думаю, договориться о мире в ближайшие 5–8 лет невозможно.

— *В чем единство чеченского народа и едины ли мы в войне и мире?*

— Они едины в своей вере в Аллаха. А про нас, русских, хочу сказать, что там, где я служил, на каждого десятого верного товарища приходится каждый пятый предатель. Остальные хоть и не предавали, но коснись их чуть-чуть грозный чеченец, так и выложат, где ты сидишь и сколько у тебя оружия. Мы едины наполовину, в то время как они похожи на одно единомыслящее существо.

Ахмед, 42 года, чеченец, предприниматель.

— *Ваше отношение к русским?*

— Хорошее. Ничего против этой национальности я не имею.

— *Отношение вашей религии к нам?*

— Наша религия относится ко всем с терпением и уважением.

— *Правда ли, что русские — неверные, следовательно, враги?*

— Враги — это те, кого нужно уничтожать. Смотри, ты — русская, я — чеченец. Ты — христианка, я — мусульманин. Если бы я считал тебя своим врагом, то подсыпал бы в сок, который ты пьешь, яду. Так же и ты могла бы сделать подобное. Но ведь мы по сих пор живые и беседуем, не ощущая расовых и религиозных преград. Так можно ли из этого извлечь истину: если мы не подсыпали друг другу яду, значит ли это, что мир возможен не только между мной и тобой, но и между нашими народами? По-моему — можно. Значит, твое предположение, что русские — неверные, значит, враги — ложное.

— *Почему вы приехали в Россию?*

— Здесь легче найти свое дело, свой бизнес, но здесь труднее дышать.

— *Поясните последнюю фразу.*

— У нас, в Чечне, когда было все спокойно, люди как-то добрее, отзывчивее, хотя законы в нашем обществе строже.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная борьба между нашими народами? В чем ее смысл? За что борется ваш народ?*

— Во всем виновато правительство. Взять, к примеру, депортацию при Сталине, когда наших предков в одну ночь с родной земли к вам, в Сибирь, выслали. А мы обиды долго не забываем! Да и сейчас обстановка не лучше. Война между нами очень выгодна нашему правительству. Вот оно и подливает масла в огонь. Конечно, мы и сами в чем-то виноваты. Вот ваш дом взорвут, что вы

говорите: «А, чеченцы поганые взорвали!» Но никто не подумал, что и у чеченца могла быть семья в этом доме. Ведь те нелюди, которые подобное вытворяют, не выбирают, кого убить — русского или нерусского. Им лишь бы народу побольше запугать! Да и со стороны мирных жителей иногда наблюдается неприязнь. Наш народ борется за свободу, за право достойно жить.

— *Ваше отношение к террористическим актам. В чем, вы думаете, их смысл?*

— Народ хотят запугать, накалить уже и без того накаленную обстановку. Посеять вражду между нашими народами.

— *Возможно ли между нами примирение? Что для этого следует сделать русским, а что чеченцам?*

— Нормальный, психически уравновешенный человек никогда не пожелает войны ни себе, ни своей семье. Кто хочет жить в мире, тот и будет так жить.

— *Что, на ваш взгляд, важнее всего для вашего народа и для вас в частности?*

— Мир! Мир на земле, мир в моем государстве, мир в моем городе, мир в моей семье, мир во мне самом.

— *В чем, на ваш взгляд, слабость русских?*

— В их разобщенности, недружности, эгоизме. Ведь у нас как? Я поднялся на ноги, купил себе квартиру, машину, теперь помогаю своим родным, чтобы они тоже смогли встать на ноги. Ведь и мне тоже когда-то так же помогали. Это у нас как закон. А у вас, русских, если кто-то и смог подняться выше других, так он старается затоптать нижестоящих, забыть, каким он сам недавно был.

— *Вы живете среди русских. Как в двух словах можете охарактеризовать их?*

— Все мы люди, и не стоит нас делить. Обо всех умных, уважаемых людях можно сказать: «Да, вот он — человек, несмотря на его национальность. Он человек, потому что он построил дом, посадил дерево, родил ребенка».

— *Почему мы не можем жить в мире даже в мирное время?*

— Кто хочет, тот живет в мире. Кому хочется войны — пусть воюет, но только не с мирными жителями, а с такими же зверями, как и он.

Алексей, 21 год, русский, охранник на предприятии.

— *Ваше отношение к чеченцам до военного конфликта?*

— Они такие же люди, как и мы. Они же не инопланетяне, пришедшие завоевывать нашу планету.

— *Ваше отношение к чеченцам после военного конфликта?*

— Мое отношение к ним не изменилось.

— *Откуда такая незаинтересованность, особенно у вас, недавно вернувшегося с боевых действий?*

— Цель моя была не в том, чтобы выиграть, а чтобы продержаться до конца и получить награду. Только награда — не золотой кубок первенства, а просто — деньги. Я не видел в чеченцах кровных врагов, а видел тех, от кого мне нужно защищаться, чтобы продержаться до конца.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная борьба между нашими народами? В чем ее смысл? За что боремся мы?*

— Борьба между нами в повседневной жизни — это результат нашего и их невежества, нетерпимости. Если же рассматривать борьбу как военное проти-

востояние, то причина ее — деньги, которые отмываются за счет этого конфликта³. Это очень выгодно нашему правительству. А смысла в борьбе нет и быть не может. Мы идем на войну из-за денег, чеченцы — из-за кровной мести, из своих убеждений. За что мы боремся? Да ни за что! Когда я шел в Чечню, мне обещали 25 тысяч рублей в месяц за то, что я хожу под пулями. Вот за что я боролся. Я боролся за 25 тысяч, так как осознавал, что выхода у меня нет. В России меня никто и ничто не держит. Там я — еще один нищий, а тут я хожу по грани «деньги—смерть». И, уж поверьте мне, все, кто был со мной, все мои друзья пошли туда далеко не из-за патриотических соображений. А кто мы там, на этой войне? Пацаны, доведенные до отчаяния? Кто мы по сравнению с матерями чеченскими боевиками? Но есть одно преимущество у русского солдата — ему отступить некуда. Позади — большая, нищая Россия, которой ты без своих 25 тысяч не нужен! Кстати, заплатили всего 7 тысяч. Сказали, что так надо. Вот так нас дешево ценит Россия, а как же мы должны ее ценить?!

Константин, 24 года, русский, сотрудник частной фирмы.

— *Ваше отношение к чеченцам до военного конфликта?*

— Живут и пусть живут.

— *А после военного конфликта?*

— Оно не изменилось. Мне не за что их любить или ненавидеть. Они в нас стреляют, мы — в них, они борются за свое, мы — за свое. А к тем чеченцам, кто живет в России, я вообще отношусь как к беженцам. Было бы им хорошо дома, они к нам бы не поехали.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная борьба между нашими народами?*

— Если рассматривать военный конфликт, то это война за нефть и газ⁴. Сейчас у чеченцев газу столько, что лет на сто хватит. А в мирной жизни распри происходят в основном из-за религиозных взглядов на жизнь. Вообще, если говорить прямо, то все это выгодно нашему правительству. Не будет войны — не будет у правительства денег.

— *Как вы считаете, прессе и телевидению можно доверять? Всю ли правду они вещают о чеченской войне, не искажают ли факты?*

— Нет, верить ни в коем случае нельзя! Все приукрашено, много скрыто, завуалировано. Помню, мы вели учебные стрельбы несколько дней, так про нас по телевизору передали, что наш отряд вот уже на протяжении нескольких суток отчаянно сражается с противником. Мы так смеялись!

— *Любим ли мы Родину так, как любят чеченцы свою?*

— Наверное, любим, раз не хотим отдавать ни кусочка своей территории чеченцам. Каждый любит свою Родину, по-моему.

— *А что конкретно вы чтите в Родине?*

— Да ничего. Я чту ее лишь за то, что, какая она ни была бы, — она моя Родина, и мне никуда от этого не деться.

— *Если бы вы могли выбирать, где родиться, вы бы выбрали Россию?*

— Нет.

— *Вы пошли на войну во имя чего?*

— По личным причинам. Надеялся сохранить семью. Хотел доказать себе, что я выше, чем я есть на самом деле, что я смогу.

— *Возможно ли между нами примирение?*

— Компромисс всегда найдется. Нужно только выбрать подходящий момент.

— *И когда же он наступит, этот момент?*

— Я думаю, нескоро. Может, через несколько лет, когда страсти немного поутихнут. Хотя это опять будет лишь временный мир. Ведь, судя по истории, война между нами началась задолго до наших дней. Она то утихает, то вновь вспыхивает. Но как любое пламя, как любой пожар должна погаснуть. Ведь не может же это длиться вечно!

— *В чем единство чеченского народа?*

— Наверное, в их вере. Это, как какой-то фанатизм, наполняет их жизнь смыслом. Пятикратная молитва, народные собрания, народный нравственный суд — вот в чем сила их единства.

— *А едины ли мы?*

— Трудно сказать. Выкарабкиваясь из грязи в князи сами, мы тут же забываем о других. Соседу-русскому нет никакого дела до своего соседа. А в общем, не знаю, не могу судить объективно. В чем-то мы едины, в чем-то — нет.

— *Чего добиваются чеченцы в этой войне, а чего мы? Что это за борьба, за что, за территорию, за идеалы, за веру?*

— Это борьба, лишённая всякого определения. Как ее ни назови — все будет верно. Борьба за власть? Да. Борьба за территорию? Да. За идеи? Да. Это борьба за все и за ничто. Это глупость, ошибка. Это абсурд.

— *Почему мы не можем жить мирно даже в мире?*

— Кто хочет, тот живет. К примеру, у меня сосед — чеченец. Я говорю о том, что он чеченец, подразумевая его национальность, а не то, что он боевик или террорист. Не «лицо кавказской национальности», а просто нормальный человек, у которого есть жена и дети, который работает, как и многие, в шахте. В чем я могу его обвинить? За что мне его ненавидеть? Он — человек, такой же, как и я!

Алексей Петрович, 77 лет, русский, пенсионер, участник Великой Отечественной войны.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная борьба между нашими народами? В чем ее смысл, за что боремся мы?*

— Я не вижу никакого смысла в этой войне. Если у чеченцев и есть какая-то цель, например, добиться отсоединения от России, то у наших пацанов, которых гонят на эту бойню, вообще, кроме приказа командира, нет никакого повода воевать. Ну еще некоторые за деньги идут туда. Вот и весь наш смысл в этой борьбе. А идет эта война потому, что нашим правителям выгодно, чтобы она шла.

— *Алексей Петрович, вы воевали в Великую Отечественную войну, а были ли среди ваших однополчан чеченцы и как они сражались на тех полях битвы?*

— У нас в полку всяких национальностей хватало. Были, конечно, и чеченцы. Но никакой межнациональной неприязни у нас не было. Не до этого тогда было. У нас был один общий враг — фашизм, и уничтожить его было нашей наиглавнейшей задачей. А воевали чеченцы не хуже других, я даже сказал бы злее, отчаяннее.

— *В чем единство чеченского народа и едины ли мы как они?*

— Единство чеченцев в их вере, в том, что их мало. У них веками воспитывали в ответственности за весь свой род, в гордости за свою страну. Мы, русские, менее едины. Мы не дружны между собой в быту, в мирной жизни, разобщены.

— *Почему мы не можем жить мирно даже в мире?*

— Простым людям, русским и чеченцам, нечего делить между собой, не за что лить кровь. Эта война выгодна лишь кучке правящих чиновников. Они на этой войне, на крови людской отмывают свои грязные деньги. И поэтому они будут пропагандировать ненависть и вражду между нашими национальностями, поэтому будет литься безвинная кровь людская.

Лариса, 29 лет, домохозяйка, русская, жена чеченца.

— *Ваше отношение к чеченцам?*

— Хорошо отношусь.

— *Это отношение из-за мужа или же вообще, независимо от того условия, что вы — жена чеченца?*

— Скорее всего, из-за супруга.

— *Как вы относились к ним до замужества?*

— С некой осторожностью.

— *Но сейчас вы изменили свое отношение? Почему?*

— Я почувствовала то самое уважение, которого не смогла найти в русских.

Любой чеченец никогда не даст в обиду не только свою семью, но и друзей своей семьи. Я чувствую себя за своим мужем как за каменной стеной.

— *То есть от своего мужа вы получили защиту. На ваш взгляд, ни один русский не дал бы вам этого?*

— Не знаю. По крайней мере, я такого не встретила.

— *Отношение чеченцев к женщине — личное мнение?*

— Как я уже сказала, первое — это уважение к женщине, матери. Но есть и отрицательные качества — такие, как ограничение личной свободы, второстепенность.

— *Можно поподробнее об этом?*

— У мусульман есть особые правила поведения для женщин. Даже будучи русской, я обязана им подчиняться. Этакий кодекс морального поведения, соблюдать который обязана любая женщина, любой национальности. Вот только моральные устои, имеющие значимую силу здесь, в мусульманстве, уже потеряли значимую силу в остальном мире. Деградация моральных устоев характеризует русских не с лучшей стороны. Развязность, распущенность, к сожалению, присущи большинству русских женщин.

— *Вы говорили о второстепенности, что это — ненужность?*

— У мусульман, чеченцев в частности, даже по религии, главное — мужчина. Место женщины — у плиты, дома, с детьми.

— *Как вы считаете, жизнь в чеченской семье повлияла на ваши взгляды? Если это так, то приведите пример такого влияния.*

— Да, я не могу отрицать этого. Многие из моих убеждений поменялись. Я стала думать, как они, смотреть на окружающий мир их глазами. Я не могу привести конкретный пример проявления этой зависимости, но она проявляется

во всем. Русский народ — это сильный, могучий народ. Но лишь тогда он один и могуч, когда ему грозит какая-нибудь опасность, тогда мы вместе. Но в повседневной, рутинной жизни никому нет никакого дела, как живет другой. Чеченцы же живут по принципу: «Вылез сам — подними другого». Мы все, кого ни спроси, отвечаем, что мы — верующие, а попробуй спроси хоть одну молитву прочесть из Библии?! Я уверена, 90 процентов этого сделать не смогут. Если муж-чеченец требует от своей жены элементарного соблюдения правил приличия и послушания, то, может, для кого-то это и будет рабством, но, на мой взгляд, это входит в обязанности любой жены. Но то, что есть некая строгость в этих отношениях, то да, это так. Я бы сказала, даже какая-то привередливость, ощущение мужа — хозяином дома, хозяином жены, как вещи. Да, это есть.

— *Наиболее частые темы бесед в вашем доме?*

— В основном это семейные проблемы, дела. В общем, темы скорее бытовые, чем политические.

— *Русская в семье чеченцев — значит, мир возможен?*

— Да, мир возможен, просто нужно научиться уважать друг друга, быть терпимее.

— *Но почему же мы не можем жить в мире даже в мирное время?*

— Власти что-то не могут поделить между собой, разобраться с безобразиями, творимыми террористами, а мы от этого страдаем. Хорошо, пускай и ненавидят друг друга и воюют друг с другом власть и боевики, так нет же!

Ольга, 37 лет, русская, бухгалтер.

— *Почему, на ваш взгляд, идет непрерывная война между нашими народами? В чем ее смысл, за что боремся мы?*

— Вы очень точно задали вопрос: «В чем ее смысл?» Я считаю, что это — самая бессмысленная, наряду с афганской, война. Эта война не нужна простому народу, ни нашему, ни чеченскому. Она выгодна нашему правительству и тем темным структурам, которые стоят за спинами руководителей страны.

— *Любим ли мы свою Родину так, как любят чеченцы свою?*

— Я не знаю, как любят чеченцы свою Родину. Думаю, что не так уж самоотверженно и фанатично, как это принято считать. В России этих «патриотов», наверное, больше, чем в самой Чечне. И живут они у нас весьма роскошно, и на «священную войну по защите Родины» не спешат. У меня же к моей Родине особенно трепетных чувств нет, но мне не по душе, когда хают Россию, пренебрежительно о ней отзываются. Россия — великая страна с огромными возможностями, вот только с правителями нам не везет.

— *Возможно ли примирение между русскими и чеченцами? Что для этого требуется сделать нам и им?*

— Я думаю, что в принципе примирение возможно. Но его не будет, так как за этой войной стоят огромные деньги. А там, где правят деньги, все другие человеческие ценности отходят на задний план.

— *На каких условиях лично вы подписали бы договор о мире с чеченцами?*

— Лично я, будь на то моя воля, отдала бы им их Чечню. Хотят независимости, суверенитета? Что ж, пусть получают. Но я бы тут же применила к ним жесткую экономическую политику.

Разговаривая с чеченцами, я не могла не заметить какой-то уклончивости в их ответах. Сначала, воспринимая мои вопросы настороженно, они неохотно раскрывали свою точку зрения. Но когда на вопросе третьем или четвертом я говорила, что опрос абсолютно анонимный, чувствовалось, что ситуация несколько разрядилась. Странно, но у всех чеченцев, с которыми я беседовала, возникало некоторое чувство, что мне поручил это задание кто-то из высшей организации. Как ни смешно это звучит, но что-то вроде «опроса недовольных чеченцев»!

Признаться честно, беседовать с русскими мне было намного проще. Русские охотнее мне рассказывали обо всем том, что у них наболело. А наболело очень многое!

И у чеченцев, и у русских есть обиды. Будь то обиды прошлого или неурядицы настоящего, но обиды. Ненависти же я, слава Богу, не нашла.

Нет, это не война наших вер, оружие для которой — люди. Это война людей, прикрытием для которых является вера. Но кто эти люди? В моих интервью ни один человек не сказал: «Да, я хочу войны!» И нам, наверное, нужно научиться понимать, что по крайней мере глупо обвинять всех чеченцев. И я заметила большую обиду в их словах: «Вот ваш дом взорвет, что вы говорите: „А, чеченцы взорвали!“ Но никто не подумал, что и у чеченца могла быть семья в этом доме». Или такое высказывание: «Моя чеченская физиономия вызывает опасения у „русского Вани“, и мне долго приходится ему доказывать, что я не собираюсь взрывать его дом...»

Ни у одного мирного жителя я не заметила ненависти по отношению к другой национальности. Вот ответы чеченцев на мой вопрос об отношении к русским: «нормальное», «хорошее». Что ж, это уже само по себе отлично! Но какие ответы получила я от русских на вопрос об их отношении к чеченцам: «никакое», «абсолютно безразличное», «настороженное, недоверчивое», «как к беженцам». Тогда что же это получается? Русские более негативно настроены по отношению к чеченцам, чем чеченцы к ним? Мы не понимаем, что нельзя взваливать вину на весь чеченский народ. И в этом наша ошибка! Итак, это и есть первая причина напряженных отношений между нашими национальностями.

Но не стоит больших усилий заметить, что наряду с этим существует и другая причина. Все опрошенные мною считают, что большая часть вины возлагается на наше правительство. «Почему идет война?» — этот вопрос нужно задать правительству. Нам надоело, что нас унижают! Эта война не нужна простому народу — ни нашему, ни чеченскому. Она выгодна нашим правительствам!

Если разобраться, начиная с Кавказской войны и кончая второй чеченской, то нельзя не заметить одну интересную деталь. Ну, во-первых, кому была выгодна Кавказская война? Хотели ли простые жители Кавказа войны с Россией? Нет! Они, обманутые надеждой, что борьба принесет им не только национальное, но и социальное освобождение, вступили в войну, за которой в действительности стояли корыстные цели феодальной знати⁵. И когда, наконец, Кавказ был включен в состав Российской империи, даже тогда мирное население не освободи-

лось от закрепощения. Опять-таки перемены произошли лишь на правительственном уровне, а простой народ как был закрепощенным, так и остался. За что тогда шел на войну — непонятно! Уже начиная с Кавказской войны стало расти недовольство кавказского, в том числе и чеченского, народа.

Во-вторых, депортация Сталина. На мой взгляд, это — апогей несправедливости со стороны правительства по отношению к чеченскому народу. Непростительная обида, которую они помнят и по сей день.

И наконец, в-третьих, первая чеченская война и вторая чеченская война, которая, как выразился один из вернувшихся из Чечни, «официально окончена. Не официально — как шла, так она и идет». А идет война между боевиками и армией, как следствие — «война» между мирным населением. Так что же это за война такая? Кто в ней воюет? Чьи интересы отстаиваются? И почему она никак не может кончиться? Как ни странно, но это опять-таки война на уровне правительств. И это не мои доводы, а доводы самих чеченцев, русских солдат, вернувшихся из Чечни, и просто мирных жителей. Война за нефть, за газ, за деньги. Тогда становится ясно, почему она не может кончиться.

Странно, но во всех трех этапах борьбы между русскими и чеченцами доминирует правительство, защищаются прежде всего его интересы, а гибнут простые люди, то убежденные, что война принесет им свободу, то идущие на нее просто из-за денег, или те, кому Родина не оставила другого выбора. Мне очень понравилось, как выразился один из опрошенных: «Я воевал за 25 тысяч рублей, так как осознал, что выхода у меня нет. В России меня никто и ничто не держит. Там я — еще один нищий, а тут я хожу по грани „деньги—смерть“... Кстати, заплатили всего 7 тысяч. Вот как дешево ценит нас Родина! А как же мы должны ценить ее?» На мой взгляд, в его словах есть неточность: не Родина их дешево ценит, а правительство, и не стоит обижаться на Родину, ее ценят не выше. Вот в этом и есть наша ошибка: не любим мы свою Родину! А она ни в чем не виновата. Родина у нас большая и щедрая, а правителя умного, увы, не нашлось.

Русские в обиде на Россию. Тогда о каком уважении со стороны чеченцев может быть речь? На вопрос, любим ли мы свою Родину так, как любят чеченцы свою, ни один человек не ответил: «Да». Так же как и на вопрос, едины ли мы? Остается только удивляться, как такой неверующий, разобщенный, отвергнувший свою Родину, забывший религию народ смог выстоять в таких войнах, по сравнению с которыми чеченская — маленький конфликт? Что же в нас сломалось за годы мирной жизни? Или правильнее будет сформулировать вопрос иначе: что нас спланивало раньше? Какая-то недружность, несобранность имеет место в нашем обществе. Невольно напрашивается вопрос: неужели в чеченских войнах, в напряженных отношениях между мирным населением виноваты русские? В чем же тогда вина чеченцев? А может быть, наша общая вина в том, что мы переносим ту войну, что развернулась неизвестно где и неизвестно для чего, в свои дома, в свои сердца? И начинаем думать, что чеченец виноват уже в том, что он — чеченец, а русский — в том, что он русский?

В начале своей работы я задала вопрос: возможен ли мир между нашими народами? И какие условия для этого необходимы? Ответы на этот вопрос весьма разные:

— Нет! Мир невозможен!

— Нет ничего невозможного. Но всегда найдутся люди, которые будут отстаивать свои ненужные эгоистические убеждения.

— Примирение в принципе возможно, но его не будет.

— Договориться о мире в ближайшие 5–8 лет невозможно.

— Компромисс всегда найдется.

— Какой мир, о чем вы говорите?!

Я думаю, что повод для войны найдется всегда, особенно если это кому-то выгодно. Вот стоит ли эту войну переносить в наши сердца? Человек — хозяин своих мыслей! И если мирному чеченцу не за что объявлять войну такому же русскому, то они и будут жить мирно.

Комментарии

¹ См. показания Мальсагова в комментариях к работе Даниила Музаева.

² Мифы о «неграх-наемниках» и о «блондинках-снайпершах» уже перешли в книги и телесериалы. Однако хотя бы один из подобных рассказов, имеющий под собой реальную основу, должен был попасть в рапорт полкового «особиста», офицера военной контрразведки. Между тем таких сведений в ФСБ нет (подробнее см.: *Воронов В.* Русско-чеченские сказки // Еженедельный журнал. 2003. № 34).

³ «Проданная война» — объяснение, весьма распространенное и в Чечне, и во всей России. В таких рассуждениях, как нам кажется, как-то упускается, что и первый, и второй чеченские конфликты разворачивались прежде всего как «маленькие победоносные войны» — средство поднятия рейтинга исполнительной власти.

⁴ Нефть, «теория трубы» — еще одно распространенное объяснение причин чеченских войн. В последние годы в Грозном и в окрестностях нелегально добывают высококачественное горючее из неглубоких колодцев. Запасы собственно нефти в неглубоких пластах невелики и практически выработаны еще в прошлом веке, грозненские заводы перерабатывали нефть из других регионов. Есть, правда, нефтегазоносные пласты на глубине 4–5 километров, но их разработка очень дорога, а нефть содержит много сероводорода, что при неправильной добыче может быть чревато экологической катастрофой. Большие надежды возлагались на нефтяной транзит, на трубопровод Баку–Новороссийск, но возможные отчисления от его эксплуатации в расчете на каждого жителя республики были бы более чем скромны. С другой стороны, наличие даже скромных запасов нефти может влиять на события и поступки.

⁵ Распространенное объяснение, дававшееся советской историографией. На самом деле, одной из проблем в ходе Кавказской войны было как раз отсутствие в Чечне феодалов, аристократии, общепризнанной высшей власти — тех, кто мог бы подписать капитуляцию. В условиях военной демократии, анархического устройства общества мир, подписанный одним, ни к чему не обязывал других.

Чечня.

Расскажи мне боль свою, солдат...

Ольга Попова, Республика Коми, пос. Ярега, школа № 15
г. Ухты, 11-й класс

МОИ ПОИСКИ

Когда мне предложили участвовать в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», я долго думала, какую тему мне выбрать.

Однажды теплым осенним вечером, гуляя с друзьями, я рассказала им о предстоящем конкурсе. Они предложили мне написать что-нибудь об армии, зная, что мне нравятся люди в военной форме. Мне показалось интересным их предложение, но про что или про кого именно писать, я еще не знала.

Спустя некоторое время я услышала, совершенно случайно, о парне, который недавно умер. Он был ранен в первой чеченской войне. И я решила про себя: вот о ком я буду писать.

Для начала я решила поехать в военкомат и в редакцию газеты «Ухта».

В военкомате мне посоветовали обратиться к военкому, что я и сделала. Но военком отказался дать мне какой-либо материал. Я спрашивала, сколько на данный момент ребят из Республики Коми служат в Чечне, на что он мне ответил: «Это военная тайна. Война еще не закончена, поэтому я не имею права давать какие-либо сведения. Если вам что-то нужно, обратитесь в ФСБ за разрешением. Когда оно будет, тогда уже мы поищем то, что вас интересует, в архивах». Я поняла, что мне тут никакой информации не дадут. Особенно в мою память врезалась фраза, которую он произнес. Эти слова и были моим первым потрясением в столь тяжелой работе: «А зачем тебе писать про Чечню? Писала бы про „Курск“ или Афганистан. Умирают и там, и там, никакой разницы!» Как это никакой разницы, подумала я и ушла с большой болью в душе и возмущением. А уходя, услышала: «...если кто-то из семей погибших увидит твою работу, зацепится за какое-нибудь неправильно сказанное слово, то они могут подать в суд, и тебя могут арестовать, хотя ты и молодец и занимаешься хорошим делом».

После этого я плюнула на все и решила продолжать, как бы трудно ни было, и чем бы это для меня ни обернулось.

После военкомата я пошла в редакцию газеты «Ухта». Там я обратилась, по совету мамы, к Нине Всеволодовне Дубовицкой. Я объяснила, по какому вопросу пришла.

Дубовицкая сказала, что можно еще обратиться в горздрав, Центр реабилитации, но это — в Сыктывкаре. Я не стала туда писать запрос. Если уж не могут дать

информацию на месте, то, я думаю, Сыктывкар ее тем более не даст. Тогда я стала обращаться к знакомым и друзьям, которые вернулись из Чечни, но мне все напрочь отказывались давать интервью, говоря, что не хотят вспоминать этот ад.

Оставалась последняя надежда — ехать в ФСБ, так как никакая другая тема меня больше не интересовала и писать я ни про что, кроме Чечни, не хотела. Чем чаще мне отказывали, тем больше хотелось написать. Не зная наперед, получится или нет работа, я решила довести дело до конца.

Скрестив пальцы, я поехала в ФСБ. Приехав, я дала свидетельство о том, что я участвовала в первом конкурсе. Меня попросили подождать, пока напечатают разрешение для военкома. Несколько минут спустя в холл вошел молодой человек, который брал у меня документы, и сказал, что ФСБ и военкомат не имеют никакого отношения друг к другу, и ФСБ не может ни запретить, ни разрешить военкому предоставить мне хоть какую-то информацию.

Все надежды были разбиты, и вдруг я вспомнила про того раненого парня.

Я побежала к подруге, которая мне про него говорила. Это оказался ее дальний родственник. От нее я смогла узнать только имя, фамилию и поселок, в котором он жил.

Я приехала в поселок Водный и пошла по адресу, который мне дали.

Постучала в дверь, и мне открыла худенькая, убитая горем пожилая женщина. Если честно, то я даже не знала, как себя с ней и вести. Общаться было трудно, но, чем ближе мы знакомились, тем больше понимали друг друга и легче был наш диалог.

Я вошла в дом. Ко мне навстречу выбежал маленький мальчик, на вид года два с половиной. Он весело дергал бабушку за рукав, прося у нее что-то.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Маму Васи я называла просто — тетя Валя. Она приготовила для меня пару фотографий Васи, некоторые документы, письма.

Мама Васи рассказывала мне: «Забрали сына 23 декабря 1993 года в Самару. Отправили в армию, затем мы получили одно письмо. 2 января 1995 года сына отправили в Чечню» — эти короткие фразы прозвучали как приговор. Мама Васи продолжала: «Родился Вася 13 июня 1975 года. Он очень любил лес, речку, рыбалку, походы».

Став немного старше, Вася стал заниматься плаванием. Но у него начала развиваться астма, и Васе пришлось этот вид спорта бросить. Тренер по плаванию был очень огорчен, узнав, что Вася уходит из плавания. Он даже не хотел его отпус-

кать, был против. Но Вася не бросал спорт. Ближе к старшим классам он начал заниматься лыжами. Вася отлично с ними справлялся, да и было в кого: много хороших привычек он перенял от отца. Когда он ходил заниматься на лыжню, множество девушек приходило на него посмотреть. «Девчонки Ваську любили, говорили, что не идет, а „порхает“, — говорит папа. Он до сих пор называет сына так, как будто Вася еще жив. Родители не верят в то, что произошло. «У Васи была великолепная фигура», — говорит сестра. Он сам себя вылечил от астмы. Его кумиром был Ван Дамм, он во многом подражал ему. Учился Вася хорошо, закончил 11 классов. Получал грамоты.

Впоследствии Вася пошел в армию, хотя мог сказать, что у него астма. Мама говорит, что если бы пошел сразу, то в первую чеченскую не попал бы.

Из разговоров с тетей Валею я поняла, что Вася был физически развит, крепок духом, любил маму, друзей. Да и вообще любил жить. Я смотрела и перебирала его фотографии. Улыбающийся, веселые глаза, прямая спина... А что с ним стало?

Внимательно слушая свою собеседницу, я невольно стала рассматривать комнату Васи. Именно в ней мы разговаривали. Стол, кровать, книги... Ничего лишнего, все очень просто и скромно. На стене Васины фотографии. Здесь он с друзьями, а вот снимок, где он после соревнований по лыжам. И всегда улыбается! А рядом на стене висят плакаты его кумира Ван Дамма. Он мечтал быть таким, как он...

От таких размышлений у меня мурашки пробежали по коже.

Очень много можно узнать о человеке из его писем.

В декабре 1993 года Васю отправили в армию, вскоре получили от него письмо (от 24 декабря): «Дивизия недавно выведена из Германии, всюду идет строительство военного городка, общежитий, казарм. Строят в основном турецкие рабочие и стройбатовцы, но, возможно, нам тоже придется поучаствовать. После присяги нас раскидают по полкам (по 3–5 человек). Меня пока приписали в танковый полк водителем КамАЗа...»

22 февраля 1994 года пришло еще письмо: «...кормят вполне сносно, уже потихоньку отвыкаю таскать из столовой хлебушек, хотя раз на раз не приходится... Поздравил нас заместитель полка, сказал, чтобы нас обеспечили поездкой в город. Во время увольнительной (местной) отпросился я кое-как на три дня к дяде Боре. Отмылся, побрился, отдохнул, сходил с Борей и Пашкой в баню к его знакомым на Завьялово. Это ни с чем не сравнимо, мне аж самому захотелось построить такую баню, если, конечно, будет такая возможность!!! ...Ты бы, мам, сняла бы с книжки хоть немного, я ведь не могу постоянно просить у дяди Бори, и без того совестно, я ведь им и так доставляю немало хлопот. Сколько уходит на то, чтобы меня прокормить... На этой неделе нас уже вот уже в третий раз реформировали... Нам сегодня обещали праздничный концерт вечером.

...Поздравляю отца и Саню, а также пацанов с нашим праздником, желаю здоровья, счастья, успехов, а также всего самого лучшего. Еще одно пожелание парням: не дай вам бог сюда попасть...»

Каждая мать переживает за сына, если ей приходят такие письма. Как можно спокойно жить, зная, что твой сын голодает в армии. Хорошо, что поблизости жил знакомый. Как мать может не переживать за сына, если знает, что одежды, сколько положено по уставу, у него нет.

Письмо от 10 февраля 1994 года: «По закону нам положено 4 формы одежды, а у нас одна! — рабочая... Местным здесь лафа, каждую неделю ходят по три дня в увольнения, ходят в носках, шарфах, не перерабатывают...»

Мама Васи понимала, что в армии не всегда бывает легко. Но, главное, приходят письма. Значит, жив. Но эти письма были еще цветочками по сравнению с теми, которые тетя Валя должна была получить.

Письмо от 2 марта 1994 года: «Я еще не писал, наверное, что мой 723-й полк входит в состав миротворческих сил ООН... Не исключена возможность того, что нас могут отправить в „горячие точки“, но это еще толком не известно, хоть и ходят слухи об отправке в Молдову и Армению. Но я особо не верю в это, так что вы не волнуйтесь... Передайте привет Лене (девушка Васи) и парням. Ваш сын (защитник отечества)».

Как после этого известия можно было жить спокойно. Мать Васи не находила себе места, ждала весточки от сына, которую получила 13 марта: «Дали нам нового ротного. Теперь лафа наша кончилась. В столовую строевым ходом, а не „стадом“. Целый день порядок наводит заставляет. Дал задачу постираться за два дня, хотя прекрасно знает, что воды нет. Вчера вечером, как только приехал, сразу постирал все, что можно было. Х/б-то уже высохло, а вот за бушлат боюсь — с него еще течет. Придется на себе сушить... Пригласили к нам 200 человек „молодых“, 50 из Коми. Попался с Водного только один — Путинцев Пашка...»

Так Вася познакомился с еще одним водником, которого мне, к сожалению, найти не удалось. Из следующего письма, которое подтвердило слова Васиной мамы, я узнала, что парней из этой части везли на войну совсем неподготовленными. Остались живы лишь те, кому повезло.

Из письма от 22 марта 1994 года: «Солдатский привет от водителя БэСээЛа высшей категории. Чтобы было понятно, разьясню: большая совковая лопата. Еще не было такого дня, чтобы я обходился без этого инструмента... Достал куртку-афганку. Думаю выслать отцу, так как она ему пригодится в лес или на работу таскать, а я себе найду... Нашел себе наконец-то сапоги, хоть не новые, один кушать просит, но носить можно... Отбой у нас частенько не в 10:00, как положено, а в 11:00, если не позже. Но зато подъем всегда в 6:00 — 1 минута на построение. Если кто-то не успеет, будем летать два-три раза по 45 сек... Привет Ване Сурогину и Андрюхе, а также всем парням, что остались — счастливчиками!...»

Следующее письмо Валентина Викторовна получила 13.04.1994: «...целую неделю ждали мы приезда командира округа... Используют нас пока как дешевую рабсилу... Когда в части лазит кто-то из „шишек“, дают на обед плов и рисовую кашу, да и порции прибавляют. По праздникам обычно лимонад и кусочек пирожного (на два укуса)...»

Да, праздников наши солдаты явно не ощущают. И не только там, где служил Вася. Так во многих частях в России.

17 августа 1994 года тетя Валя получила еще одно письмо: «...целую неделю ждали мы приезда командира округа, навели идеальный порядок, но он так и не приехал. А завтра прилетает командарм, значит — всю ночь будем драить казарму (а может, с подъемом вместо зарядки)... Был в прошлое воскресенье в городе (первый раз за два месяца). Ездил вместе со Славкой. Мороженого, фанты объелись: молока теперь и то попить в радость, а котлет я уже восемь месяцев не видел. Эх, как домашнего хочется! Эта перловка с пшеникой, да овес уже в рот не лезут. Белого хлеба и масла уже тоже два месяца не видели (видимо, из-за полевой кухни). Зарплата улетает за три дня или за одно увольнение. Но это все ерунда, скоро домой приеду — оторвусь за весь год-то!!!... Завтра суббота. ПХД¹. Опять полы с мылом драить. А потом будем в нарды резаться или в шахматы играть: библиотека у нас прямо на этаже (4-м): письма строчить, а большинство — дрыхнуть (это теперь у меня любимое занятие после еды)... А ты, мама, не болей, постарайся меньше болеть и не переживай за меня, не надо...»

Оказывается, переживать за Васю стоило, так как его отправили в Чечню, где его ранило осколками мины в правое полушарие мозга, после чего он промучился пять с половиной лет и умер, не претворив свои мечты в реальность, не «оторвавшись» после армии и не построив дачу с баней. Последнее письмо от Васи пришло 26 октября 1994 года: «Здравствуйте дорогие мои мама, отец, дедушка с бабушкой и Оксана с Сашей. Извините, что так долго не писал, но так уж получилось. У меня все нормально. Живем с парнями весело. Сейчас я пишу из Черноречья², так как недавно нас отправили сюда на стрельбы и для повышения боевой подготовки. Сколько мы здесь пробудем, не знаю, может, месяц или больше, посмотрим. Потом поедем в Тоцкий, там более подготовленные полигоны и тренажеры. Вообще, будем стрелять и водить днем и ночью, бегать и так далее.

Постоянного адреса я пока дать не могу, так как мы будем ездить с места на место, и еще не знаю, вернемся ли в Чайковский.

Ну вот и все, надо идти на обед, а потом опять занятия. Как там дедушка, как мама? Не переживайте за меня — не надо. Поздравляю вас всех с Новым 1995 годом! Желаю вам крепкого здоровья, удачи, побольше смеяться и поменьше грустить, счастья и успехов во всем. Ваш сын Василий». На этом письма Васи и закончились, и начались страдания и горести Валентины Викторовны.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА НА ВОДНЫЙ

Через неделю я опять приехала в ставшее мне уже знакомым место, хоть и была я там всего один раз. Открыв калитку и постучавшись в дверь старого перекоsobоченного дома, я стояла и ждала, когда мне откроют дверь, и думала, как, не рая маму Васи, попросить сводить меня на могилу. Через несколько минут я стояла уже в коридорчике дома, где жил Вася с мамой после ранения. Маленькая комнатуха, желтые крашенные стены, черно-белый телевизор, диван, на котором сидит бабушка с внуком. В этой комнате, как ни странно, я сразу успокаивалась, отдыхала душой. Эти стены хранили в себе теплоту и ласку. Рассматривая еще раз Васины фотографии, я услышала вопрос тети Вали: «Где дядя Вася?» — спросила она сквозь слезы у внука, который держал дядину фотографию. На что малыш ответил с непонимающей улыбкой: «Дядя Вася улетел на небо», — и начал тыкать своим маленьким пальчиком вверх.

Наконец тетя Валя собралась, и мы пошли на кладбище. По пути мы продолжили разговор, и я узнала, как разворачивались события. Тетя Валя говорит, что про ранение Васи узнала через знакомую. Она сидела дома, ей позвонили в дверь. Вбежала, как сумасшедшая, женщина с газетой в руках и с криком: «Валя, посмотри, тут же Вася, твой сын!» И вправду, в газете было фото Васи. «Я не помню, что это была за газета, но оттуда я узнала, что Вася находится в Московском центральном военном госпитале. Там он пролежал четыре месяца, два раза был в реанимации», — вспоминает тетя Валя.

На следующий день тетя Валя и Васина сестра Оксана собрали вещи и поехали в Москву. Для каждодневного доступа к Васе сестра устроилась в госпиталь санитаркой. Когда женщины увидели Васю, он не был похож на себя. Перед ними лежал скелет со скрещенными на груди руками, глазами, смотрящими в никуда, открытым ртом³. Вася был парализован, у него была температура под 40, которую врачи не могли сбить. Сырые простыни, которыми накрывали Васю, высыхали за считанные минуты. Вообще, его можно было назвать «живым трупом». Врачи говорили, что он скоро умрет. Надежды никакой не было. Но мать не хотела терять сына, она верила, она надеялась.

С появлением мамы Вася стал поправляться, появились проблески в сознании, произошло настоящее чудо. Тетя Валя использовала только народную медицину: ягоды, травы и прочее. Врачи были шокированы тем, что не могли ничего сделать, а какая-то маленькая женщина за три дня просто оживила парня. Васина девушка тоже приезжала в Москву, долго плакала. Через небольшой промежуток времени Васю забрали домой. Его привезли в ухтинскую больницу, которая находится в Шуда-Яге. Там Васе поставили аппарат для санирования легких, для того, чтобы он мог дышать. Провели через нос трубку, с помощью которой его кормили, вводя в нее из шприца пищу. Он пробыл там до 15 сентября 1995 года. Там же дали свидетельство о болезни.

Взрыв на дороге
из Грозного
в поселок Горагорск.
Чечня,
2004

Блокпост
в окрестностях
поселка Горагорск.
Чечня,
2004

Наконец Васю привезли домой. Но и дома надо было продолжать лечение. Для этого нужны были большие деньги. Ничего не оставалось делать, как дать объявление в газету. На просьбу о помощи откликнулись многие...

«Много людей помогли деньгами и вообще моральной поддержкой. Писали в основном матери погибших солдат», — говорит тетя Валя.

Письмо от 20 февраля 1996 года: «Здравствуйте, дорогая Валентина. Пишет Вам незнакомая Вам женщина. Прочитала ваше письмо в „Семье“. Там много исповедей о тяжелой жизни, о трагических обстоятельствах. Так хочется Вам помочь. Ваша боль засела в душу, не дает покоя. Как Вы там? Как Ваш мальчик? Чем бы я смогла Вам помочь? Я так Вам сочувствую. Крепитесь и боритесь за сына. У меня двое сыновей, поэтому, наверное, мне Ваше горе так понятно. Как сделать так, чтобы наши „цари“ не делали „пушечным мясом“ наших сыновей? Напишите, пожалуйста, ответ. Жду. С уважением Лузвиянка Елена».

Писем приходило очень много, шли также переводы. Тетя Валя всем отвечала и всех благодарила.

31 января 1996 года пришел первый перевод от Галины Ивановны.

«Здравствуйте, уважаемая Валентина Викторовна! Я думаю, что, когда вы получили мой перевод в сумме 100 тыс. рублей (это по старым деньгам), подумали, от кого и зачем. Я прочитала маленькую заметку в „Труде“ и в память о своем сыне решила помочь. Он трагически погиб пять лет назад. Пришел с армии и через шесть месяцев погиб. А перед Рождеством он мне и мужу каждый день снился, и, получив пенсию (я уже как два года на пенсии), решила послать вам скромную сумму. Хоть скорее бы эта проклятая война закончилась. Ведь от Грозного живем в 260-ти километрах. Живем в постоянном напряжении. Особенно после того, как наш город „прославился“ на весь мир. Вот и все, желаю вашему сыну скорого выздоровления, а вам здоровья, терпения, чтобы поднять его на ноги. С уважением к вам Галина Ивановна».

Такие письма приходили тете Вале. Так, при помощи и поддержке посторонних людей, лечили Васю.

Да, мы живем в сложное время: деньги, власть, война, смерть, слезы...

Но я даже представить себе не могла, что в такое жестокое время еще есть люди, которые могут любить и помогать тем, кто рядом или даже далеко, но нуждается в помощи. Да, я слышала раньше об этом, смотрела по телевизору... Но все это не было прочувствовано мною так, как когда я читала эти письма, эти бесконечно трогательные письма...

Наконец мы пришли на кладбище. Я положила на могилу пару гвоздик. Вася лежит рядом со своими бабушкой и дедушкой. Тетя Валя начала жаловаться, что

воруют цветы с венков. Я не могу понять, какими надо быть людьми, чтобы это делать. Господи, какая это низость, обкрадывать кладбища.

На кладбище тетя Валя мне сказала, что Вася ей говорил, будто смерть преследует его и ходит за ним по пятам. «Вот она его и настигла, — промолвила тетя Валя, еле сдерживая слезы. — Неправду говорят, что Вася ничего не понимал, он все понимал. Он слышал меня одну. Всё говорили его глаза. Когда я долго не приходила, его глаза мне говорили: „Мама, почему ты так долго не приходишь?“ Он меня прекрасно понимал. Некоторые родные даже иногда злились: „Почему он тебя узнает, а нас нет?“ Последней зимой (для Васи) мы с ним сидели и смотрели в окно. Я видела, что мой сын чувствует себя с каждым днем все хуже и хуже. Мы оба чувствовали, а может, даже и знали, но не хотели в это верить, что конец близок. И тогда я ему сказала: „Сынок, я хотела бы, что вдруг, если случится (они оба знали, о чем идет разговор), только летом. Летом тепло, цветочки, земля теплая, солнышко...“ Он повернулся и плотно закрыл глаза, говоря этим, что полностью согласен со мной. Он всегда закрывал глаза, если был согласен. А если нет, то пытался качать в разные стороны головой. Так что ты не верь, что он ничего не понимал», — повторила мне тетя Валя.

Наступило лето, Вася стал совсем плохим, и 10 июля 2000 года он скончался, промучившись пять с половиной лет.

Начало темнеть, нам пора было возвращаться. Мы шли молча. Каждая думала о своем. Мама Васи, наверное, вспоминала прошлое, а я все шла и размышляла, как у этой хрупкой женщины хватило сил и терпения в течение пяти лет видеть своего сына таким, каким он вернулся с войны.

Я договорилась о встрече с Васиной классной руководительницей. На полпути мы с мамой Васи встретили Нину Григорьевну Юкно.

БЕСЕДА С НИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ

Нина Григорьевна — учитель истории. 28 лет проработала директором Воднинской средней школы. В 2000 году исполнилось 50 лет ее школьной трудовой деятельности. Нина Григорьевна по сей день работает в школе. «Вася в 1982 году пошел в первый класс, а в 1992 году закончил 11-й класс. Закончил школу хорошо, с четырьмя пятерками по предметам: физическая культура, общественное образование, информатика, труд. По труду учился на автоделе, получил категории „А“ и „В“. Вася хотел поступать после школы в Омское училище МВД на отделение следователя. Из-за долгих раздумий не успел оформить документы, поэтому пришлось идти в армию. Был скрытным, не любил когда о нем говорили. Хоть плохое, хоть хорошее. Хотя в принципе плохого о нем сказать ничего нельзя. Всегда пользовался успехом у девушек. Очень любил природу, охоту, ягоды, грибы, как и отец. Их все время видели, как они ходили вместе. Учителя навещали Васю после травмы. Он узнавал их голоса, начинал плакать. Пенсия у Васиных родителей очень скудная, можно сказать, что эти люди брошены государством (имеется в виду пенсия по инвалидности). Приходилось помогать, кто как мог.

Смерть шла с Васей в ногу, следовала за ним. Ему даже гадала цыганка, что Вася умрет молодым, — рассказывает Нина Григорьевна. — Маму очень его жалко, ведь она болеет сахарным диабетом, да к тому же сердечница. Она ему очень помогла, если б не она, он бы, наверное, после ранения столько не жил. Мать его лечила народной медициной».

Мы сидели с Ниной Григорьевной, и, рассматривая классные фотографии, она вспоминала, как весь класс ходил на Параськины озера. Поднимались в верховья реки Ухты на лодках. Вместе ходили на посевные работы. Класс был очень дружный. Это было видно и в то время, когда Вася был болен. Друзья и одноклассники не оставляли его. Вот только девушка его оставила. И по сей день друзья ходят на могилу к Васе.

После нашей встречи, по дороге на остановку, я встретила сестру Васи, и мы с ней разговорились, она рассказала еще кое-что...

РАЗГОВОР С ОКСАНОЙ

«В госпитале мне было очень трудно, там столько ребят, я даже несколько раз падала в обморок. Мама получила квартиру, — говорит Оксана, — но с Васей жили в старой. Там поселок старый, спокойно, сосновый бор. Васю на прогулку можно выводить. Мы получили новую трехкомнатную квартиру, когда ранило Васю, но денег практически нет за нее платить. У мамы есть льгота, она платит за себя одну на 50 процентов меньше за квартиру, и все. Других льгот не дают, говорят, что Вася умер дома, а если бы он умер на войне, тогда бы считалось, что он погиб, а так как его только ранило, а умер дома, значит, никто ничего никому не должен. Совсем недавно нам еще принесли медаль Жукова, а ведь прошло уже довольно-таки много времени. С похоронами нам помогли, было много народу, поминки были большие... Мне кажется, что Вася умер из-за нас. Мы очень устали и со временем потеряли веру. Папа уже чуть ли не напрямую при нем начал говорить о смерти. Мой брат начал никнуть и, в конце концов, угас. Конечно, для нас эти пять лет были не жизнью, а мучением. Ну что теперь сделаешь. Теперь Вася покоится. Пусть спит с миром, — рассуждала сестра. И добавила: — Оль, когда мы справляли праздники, мы Васю никогда не прятали, он сидел на почетном месте во главе стола, и все были согласны с этим... Вот так. У меня сейчас у самой растут два сына. Я уже сейчас за них боюсь. Денег нет, чтобы можно было освободить их от армии. Я не знаю, что со мной будет, когда их заберут. Хоть они еще и маленькие: одному два с половиной, а второму и года нет, я все равно переживаю. Ну ладно, мне пора, да и у тебя скоро автобус уйдет...» На этом наш разговор с Оксаной и закончился.

В Ухтинской газете «НЭПлюс» 10 августа 1995 года была напечатана статья о Василии Пивоваре «Ау, люди! Идущий на смерть не может приветствовать вас...».

Да, действительно, Василий не может больше приветствовать людей.

«Два маленьких осколка перевернули жизнь обыкновенного паренька с Водного, сделав его инвалидом. 324 тысячи „инвалидных“ и бессознательное состояние, бессонные ночи родителей и напрасные надежды... Он не мог двигаться, и прогнозы на его излечение были пессимистичны. „Только чудо“, — говорили врачи. Но мама Васи Валентина Викторовна верит. И живет этой верой. «Я ему говорю: „Васек, у тебя еще есть силы терпеть?“ Он мне показывает — пальцами шевелит, ресничками. Так мы с ним понимаем друг друга»».

В этой статье приводится рассказ Дмитрия Кошеленко, служившего вместе с Васей. Мне удалось с ним связаться, и вот что он мне рассказал: «Призывали нас вместе в декабре 1993 года. Год служили в Чайковске (276-я танковая дивизия). Когда отправляли в Чечню, обманули так же, как обманывали и других ребят. Говорили: посылают на учения, но уже 23 декабря в полку знали, что нас ждет Чечня. Согласия не спрашивали, добровольцев не вызывали. Так на второй день Нового года мы оказались в Моздоке. Мотострелковая рота, в которой мы служили с Василием, базировалась в больничном городке на левом берегу Сунжи. Что и говорить, было тяжело, хотя сами парни, отвоевавшие в Чечне, не любят вспоминать подробности. Сначала не давали чеченским боевикам переплывать через реку, патрулировали улицы. Пострелять пришлось, — вспоминает Дима. — Мы, как земляки, старались всегда и везде держаться вместе, поддерживали друг друга. Он о маме все вспоминал, волновался за нее, — говорит Дима. — 19 января с утра выпал снег. Было холодно и сыро. Роту подняли, объявили задачу: занять позиции на заводе „Красный молот“. Отделения распределили по боевым экипажам. Вася оказался в седьмом, а я в восьмом. Ждали, когда атакуемые с другой стороны чеченцы сами полезут в капкан. Не получилось. Чеченцы ударили первыми. Я в это время находился на ПРП (передвижной разведывательный пункт), услышал только сообщение по радиации: „Идет бой, есть потери, требуется поддержка“. После этого связь оборвалась. Я не могу вспомнить, сколько длился бой. Может, часы, может, минуты. Потом поредевшая рота построилась в больничном городке. Стояли и молчали. Ко мне подошел парень и сказал: „У тебя друга ранили“. Я не мог поверить, не хотел поверить. Позже выяснилось, что Васю «достал» минометчик. Солдаты быстро погрузили его в машину и отправили в госпиталь. Один осколок попал Васе в висок, второй — в колено. Он уже тогда ничего не мог говорить, но все понимал. Пытался помочь ребятам, когда несли его к машине. О дальнейшей судьбе Василия я узнал уже здесь, в Ухте».

Я считаю, что этот кошмар давно пора прекратить. Сколько можно? Гибнут невинные ребята. Жены остаются без мужей, а дети без отцов. Матери теряют сыновей. Многие приходят изувеченными до такой степени, что им впору завидовать погибшим ребятам, приходят психически больные. У меня разрывалось сердце, когда я смотрела видеозапись. А ведь Вася не один такой. Сколько их?.. Неужели мы можем все оставить, как есть? Неужели никто ничего не сделает? Эта война не должна быть для нас бездонной пропастью. Я верю, что мы можем это изменить. Я не знаю, но что-то должно произойти.

На этом я закончу свою работу, которая напоминает длинное письмо с войны.

Я не знаю, как вы воспримете то, что я сделала. Может быть, не одобрите, может, скажете, что не мое дело. Поверьте мне, я никого не обвиняю. Просто мне захотелось поделиться тем, что произвело на меня огромное впечатление, захотелось показать тем, кто был там, что их помнят. Жил простой парень, учился, пошел служить в армию, воевал, получил ранение, а затем долгая борьба с болезнью и страшное слово «смерть»... И никто, кроме родных, не знал о нем. Почему же такая несправедливость?

Комментарии

¹ ПХД — паркохозяйственный день, «генеральная уборка».

² Вероятно, в Самарской обл., где из военнослужащих разных воинских частей формировался 81-й мотострелковый полк, практически полностью разгромленный в ходе новогоднего штурма Грозного. В медицинских документах Василия Пивовара он именуется рядовым этого полка. В Тоцких лагерях формировался 506-й мотострелковый полк, также принимавший участие в боях в Чечне. Об участии в боевых действиях в Чечне 723-го танкового полка ничего не известно.

³ 19 января, через час после поступления в полевой госпиталь и первичной хирургической обработки, наступила остановка дыхания и глубокая кома; в коме он находится до 9 февраля.

На земле не должно быть чужих людей

Алина Ткачева, г. Астрахань, школа № 53, 11-й класс

В 30-е годы греческая семья Киры Константиновны Харлампиدي была выселена из родных мест, эта же участь постигла ее снова, сделав после первой «чеченской кампании» беженкой. Но она не согласилась бы поменять родной город ни на какой другой. Для Киры Константиновны город Грозный дороже, ближе всех, самый красивый город на земле. Рассматриваю открытки Киры Константиновны: удивительное солнце, зеленеющая трава посреди зимы, в центре города восхитительный парк с мохнатыми голубыми елочками (интересно, уцелели ли они сейчас?), огромные виноградные плантации, скверик имени Лермонтова с прекрасным фонтаном. Вспомнила, как на уроке литературы учительница рассказывала, что Кавказ стал началом трагического конца Грибоедова и Лермонтова.

Кира Константиновна достает из «чужого» буфета удостоверение члена Союза журналистов России, которое подтверждает, что «Харлампиди Кира Константиновна является профессиональным журналистом». Документ выдан в 1972 году, а начала работать она в Комитете по радиовещанию и телевидению с 1963 года. Вспоминает, что, когда пришла устраиваться на работу, председатель долго изучал документы «брал осторожно» (ведь справку о реабилитации отца она получила только в 1966 году). Отдала мне Кира Константиновна и свою трудовую книжку со словами: «Она мне не нужна. Вот и все. Рассказывать о себе больше нечего».

И начался поиск тех людей, кто знал Киру Константиновну, кто с ней работал. Сделать это было сложно, так как многие приехавшие из Грозного в Астрахань не имеют собственного жилья, живут на квартирах, постоянно ищут работу. Но я звонила, договаривалась о встречах. Все они были разные, порой очень тяжелые. Так, Роза Георгиевна Леонова — беженка из Чечни — потеряла память, и первые предложения заканчивались отчаянными словами: «Я ничего не помню дальше...» Никто не желал говорить о войне, о разрушениях, о сегодняшнем положении. Это и страх, и боль, тревога, что ждет их впереди. Вернутся ли на родную землю?

Рая Вахаевна Цадаева — удивительная чеченская женщина, гостеприимная, отзывчивая — откликнулась на мою просьбу. «Кира — вдумчивая, романтическая натура, выросшая среди кавказских гор. Излишне скромная. Когда на очередной „летучке“ хвалили Кирины передачи, она вся краснела, терялась. За 15–16 лет нашей совместной работы на моей памяти не было такой „летучки“, на которой не хвалили бы ее передачи. Репортажи Кирочка делала очень трогательные. Война (я имею в виду войну в Чечне) заставила людей по-новому взглянуть на себя,

свое место в жизни, переосмыслить многое. Кира столкнулась с реалиями жизни, с ужасами войны, но она не сломалась, наоборот».

Рая Вахаевна пообещала мне, что привезет из Грозного кассеты с передачами Киры Константиновны, у нее остались записи, но, к сожалению, уехала она в Грозный и до сих пор не вернулась.

Очень помогло письмо Ирины Дмитриевны из Саратова. Она рассказала, как начинался трудовой путь гречанки Харлампиди. «Кира Константиновна, Кира, Кируся, как ласково мы, ее подруги, называем этого замечательного человека. Познакомились мы в стенах чечено-ингушского радиокомитета где-то более 40 лет назад. Кира (недавняя выпускница школы) посещала школу молодого журналиста и сотрудничала с редакцией детских передач. Она сразу же обратила на себя внимание. Дисциплинированная, ответственная. Она побывала во всех уголках республики. Ее зарисовки, репортажи, очерки с интересом слушали, о чем говорили отклики и многочисленные письма иных и более старших радиослушателей. Сотрудничество Киры было настолько плодотворным, что вскоре из внештатного корреспондента она превратилась в штатного сотрудника республиканского радио, а со временем стала редактором молодежных передач... Но, пожалуй, с особым вниманием она работала над передачами рубрики „Тебе, Отчизна, сердце солдатское“, в которых рассказывалось о ребятах, проходивших армейскую службу по всей территории Советского Союза, о связи поколений, о чеченских традициях, об участниках Великой Отечественной войны».

На большой фотографии, сделанной на Всесоюзном совещании журналистов, пишущих на военную тему, Кира Константиновна сидит первая справа. Исторический парадокс заключается в том, что журналистка, посвятившая свою жизнь передачам об армии, Великой Отечественной войне, сама пострадала от войны, столкнулась лицом к лицу с обстрелами, гибелью близких, разрушениями в родном городе.

Город Грозный предстал передо мной после просмотра фильма в Комитете солдатских матерей (не с открыток Киры Константиновны) совершенно другим. Закопченный, безжизненный, таящий смертельную опасность, с вдрызг разбитыми коробками домов, смотрящих пустыми глазницами окон, как будто грозя. И хочется задать вопрос — зачем, почему?

Еще раз просматриваю трудовую книжку Киры Константиновны — благодарности, благодарности, благодарности... Их много. Сама Кира Константиновна говорит: «В комитет приходила разнарядка на награждение. Обязательно должен быть один русский, один чеченец и один ингуш. Других национальностей не значилось. Не знаю, почему?» А в их дружной компании были и гречанка, и грузинка, и чеченка, и армянка, и русская. Вот четверо из них стоят около комитета, и это не декларированная «дружба народов», а искренняя, честная, настоящая. Подтверждение тому — интервью с Раей Вахаевой и письмо Ирины Дмитриевны. Как тепло отзываются они о своей греческой подруге: «Кира для

меня очень дорогой человек. Прежде всего потому, что они дружили (ели манную кашу вместе) с моей мамой, а затем она стала моей наставницей и другом».

«На рубеже веков многие раны прошлого столетия, которые, казалось бы, давно зарубцевались, вновь кровоточат...» Так начинается свою статью «Война» Маргарита Петросян в специальном выпуске журнала «Мемориал» (2002. № 25). На первой странице фотография — дом с вывеской, написанной будто детской рукой: «1994 г. В Чечне идет война». Война, в результате которой множество людей вынуждено было подвергнуться опасностям, холоду, голоду, болезням. Война, которая резко изменила привычную жизнь каждой семьи и сделала более 300 тысяч человек беженцами.

Теперь главный вопрос для многих: «Как жить после всего происшедшего?» Кто ответит на этот вопрос — армия, власть? В статье Маргарита Петросян пишет о том, что только в 1997 году указом президента была утверждена Концепция национальной безопасности, которая предусматривает, что «применение военной силы против мирных граждан для достижения внутривнутриполитических целей не допускается» (с. 86).

И еще одна выдержка: «Закон о чрезвычайном положении был принят еще в 1991 году (17.05.91 г. № 1253-1). Однако ни во время первой вооруженной акции в Чечне, ни в теперешней ситуации он не был применен...» (с. 87).

Что же получается? Война началась в 1994 году, закон 91-го года не соблюдался, а концепция принята только в 97-м году. Все это время мирные жители Чечни оставались беззащитными, и многие вынуждены были покинуть свои дома, друзей, родных и уезжать. Возможно, там оставляли не просто стены дома, где выросли, а нечто большее. Они оставляли там свою старую жизнь! И становились вынужденными переселенцами.

Такой статус получила и Кира Константиновна Харлампида. В 1997 году она приехала в Астрахань. Все для нее здесь непривычное, чужое. Никак не может смириться со своим теперешним положением, и если говорит о сегодняшнем дне, то с горечью: «Часто перебираю, вернее, перебирала семейный архив. Сохранились ли он? И вообще, сохранилось ли что-нибудь? Чужой город, чужая квартира, чужая одежда, обувь... Это мой сегодняшний день... Где сейчас мой брат Степан? Жив ли он? Обидно, больно и очень страшно. Да, в жизни все повторяется. Отец мой был спецпереселенцем. Я — вынужденная переселенка. Судьба отца мне известна. Какой будет моя? В Пятигорске меня приютила добрая грузинская женщина — Инга Георгиевна Абашидзе, с которой мы вместе работали... семнадцать лет назад. Безмерна моя благодарность ей».

Рассказывать о войне, Грозном, не хочет и против того, чтобы я что-либо об этом писала. Как она сказала: «Я не хочу пачкать твои детские мозги. И вообще, сожалею и удивляюсь сама себе, зачем я согласилась на все это. Не знаю, конечно, что у тебя получится, но если ты не станешь писать, не обижусь. Вот лучше почи-

тай книги о Махмуде Эсамбаеве, посмотри открытки, какой была красивой Чечено-Ингушетия и Грозный. Вот книга о летчиках, сражавшихся в небе Грозного в годы Великой Отечественной, „Крылья дружбы“. Мне подарил ее автор, Алексей Павлов».

И еще одну книгу дала Кира Константиновна — «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности» Евгении Гинзбург. Случайно она дала именно эту книгу или нет, не могу сказать, но за чашкой чая иногда ее словно «прорывало», и она рассказывала урывками то, о чем не хотела вспоминать. «Грозный сильно бомбили. Вот здание Республиканской библиотеки имени Чехова. Я часто ее посещала. Разбомбили полностью. Все в руинах. Я не могла попасть в свою квартиру. Все было занято солдатами. Никто не понимал, какими. С одной стороны — российская армия, через улицу — „дудаевцы“. Шла стрельба. У нас был дом на три семьи. Когда я все-таки пробралась в квартиру, ничего не узнала. На полу валялись перья от подушек, книги, побитая посуда, а из дивана, который купил брат накануне войны, сделали туалет. Я настолько была потрясена увиденным, очень расстроилась, не знала, куда идти. Соседка-чеченка пригласила попить чаю. Когда она поставила разные чашки, сказала: „Извини, то, что осталось, и чем могу, накормлю“. Но я устала сидеть на блюдце, это были наши блюдца — розовые с голубыми цветочками. Она произнесла: „Солдаты во дворе стреляли, когда уехали, подобрала, это — твои. Можешь их взять“. Вот так, с тремя блюдцами и приехала. Паспорт тоже потеряла. Выдали вместо него справку. Да тогда такие паспорта имело 70 процентов населения. В январе 95-го года пропал без вести брат Степан. Мне сказали, что его вывезли в полевой госпиталь Моздока. Я долго его искала, где только ни была. Никаких следов. Много потеряла близких людей. Но я не хочу об этом говорить. Страдали многие».

Вот передо мной «временный паспорт» Киры Константиновны. Выдан он 8-го февраля 1994 года и действителен только до 8 апреля 1994 года, затем продлен до 8 июня, до 10 октября, а потом уж и не продлевали. Война затянулась. На паспорте печать, поставленная 4 апреля 1995 года, удостоверяющая, что Кира Константиновна получила помощь от Красного Креста — 22 рубля 50 копеек и еще бутылку шампуня. Что интересно, приехав в Астрахань, этот «документ» еще долго подтверждал личность Харлампиди К.К. Справка о том, что во время военных действий в г. Грозном пропал без вести брат Степан и заведено розыскное дело за № 263/95 выдана РОВД г. Грозного.

Дополнительных сведений о судьбе брата Кира Константиновна так и не получила с 1995 года и вряд ли уже получит. В Астрахани «вынужденная переселенка» часто сталкивалась с равнодушием людей, занимающихся вопросами таких, как она. И хотя по закону Российской Федерации о вынужденных переселенцах ей должна была быть «предоставлена безвозмездная субсидия и выплачена компенсация» (Указ Президента РФ от 5 сентября 1995 года № 898), никаких не то чтобы «дополнительных компенсаций», вообще компенсаций за утраченное имущество Кира Константиновна не получала и жилья собственного не имеет до сих пор. Почему? Она обосновалась в Астрахани в 1997 году, когда было принято Постановление РФ от 30 апреля 1997 года № 510 «О порядке выплаты ком-

пенсации за утраченное жилье или имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике и покинувшим ее безвозвратно».

Сколько постановлений, законов... И все-таки препятствий намного больше, и в этом я убедилась, когда прочитала материалы, подготовленные С.А. Ганнушкиной — «О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию» (М., 2002). По-моему, эта проблема просто нарастает, словно снежный ком. Сама же Кира Константиновна о компенсациях, постановлениях не думает. Она и не обсуждала этот вопрос со мной. Ее мысли о другом. Их, по-моему, хорошо выразила Ирина Дмитриевна Шипулина в письме ко мне: «В нашей дружной компании были и гречанка, и грузинка, и чеченка, и армянка, и русская. Мы и окружающих не делили по национальному признаку, просто есть люди порядочные и не порядочные. Мы не сразу поняли, что стало происходить со страной и республикой с 1991 года. Но вскоре в Чечне уже невозможно было оставаться. Кира держалась там, можно сказать, до последнего. Она пережила и военные действия, разбой, беспредел. Пропал Степан, любимый брат... Уехала в Астрахань, но ее душа оставалась в Грозном. Родной край притягивает ее, и не может она смириться с тем, что произошло в республике и с республикой. Главная ее мечта — вернуться в родные и дорогие места».

Конечно, мне было интересно узнать, что стало с городом. Но Кира Константиновна рассказывать об этом не могла и не хотела.

В журнале «Мемориал» (2002. № 25) я нашла интересную информацию о Комитете солдатских матерей Астраханской области. Я достала телефон этого комитета и встретила с Любовью Игнатьевной Гарливановой. Она заинтересовалась моей темой и предложила встретиться. Она подготовила для меня материалы о «вынужденных переселенцах», рассказала о работе Комитета солдатских матерей, который образовался в первые дни войны в Чечне в 1994 году: «Особую тревогу вызывают сыновья, которые проходят срочную службу в сегодняшней армии. Служба этих ребят превращается для матерей в ежедневную пытку и страх. Насильственный призыв в Российскую армию, где постоянно гибнет и калечится молодежь, сопровождается постоянным стрессом у матерей, разлученных со своими сыновьями».

Любовь Игнатовна с 1993 года занимается правозащитной деятельностью и судьбами пропавших без вести в Чечне. В Чечню она ездит постоянно.

На мой осторожный вопрос: «Что представляет собой город Грозный сейчас, как живут там люди?» — она ответила: «Когда я первый раз попала в Грозный, у меня был шок. Все разрушено. Руины. Первое впечатление — растерянность. Бомбы воюют с городами, домами и с мирными жителями. В Шали бомбили роддом¹, потому что рядом стоял танк, как памятник Великой Отечественной войны. Тяжелая судьба дома престарелых. Еды оставили на три дня. В медицинских пунктах все лежали вперемежку — чеченцы, русские, евреи, греки. Мужчины плакали, никто не понимал, что происходит. В Хасавюрте запомнилось,

как из дома забирали двух стареньких женщин — русскую и чеченку. Они плакали, просили их не разлучать: «Мы не хотим умирать раздельно». Я считаю, что народ хотели истребить. Когда была в Грозном в январе 1995 года, попала под бомбежку. Легит вертолет, а люди все бегут. Было очень страшно. Я упала. Даже не понимали, почему бомбят». Любовь Игнатовна плакала, когда стала рассказывать об обмене пленных на границе Дагестана и Чечни, на реке Аксай². Несмотря на то что она часто бывает в Чечне, говорить спокойно об этом не может.

От войны в Чечне пострадала гречанка — Кира Константиновна. История преподнесла ей еще один «урок», и сущность его осталась прежней, а вот дата действительно поменялась. Ее родители приехали в Россию как эмигранты, или беженцы, в начале XX века, Кира Константиновна стала «вынужденной переселенкой» в конце XX века. Но если в начале века греков Россия встречала радушно, то сегодня делается все для того, чтобы вернуть жителей Чечни на ее территорию, где им постоянно грозит опасность. Вернуться на Родину предков и стать полноправной гражданкой Греции Кира Константиновна может, но она никогда этого не сделает, потому что ее Родина — Россия, такой выбор сделал ее отец.

От истории не уйти, как не уйти от самого себя. И приукрашивать ее или просто заклеивать некоторые ее трудные периоды белой бумагой, по-моему, безнравственно.

Мы обязаны не отводить глаз, не отворачиваться от правды. И я считаю огромной для себя удачей встречу с Киной Константиновной Харлампыди.

Комментарии

¹ 3 января 1995 года самолеты федеральной авиации нанесли удар по рынку и больнице в Шали шариковыми кассетными бомбами, только из жителей Шали 55 человек погибло и 186 было ранено. После этого над городом с воздуха разбрасывали листовки: «Жители Шали! Вся Чечня следит за вами! Как могло случиться, чтобы в вашем гордом селении без вашего согласия появились бандформирования, которые готовятся ни к чему иному, как к вашему уничтожению? Один выстрел из Шали — и по всей деревне будет открыт ответный огонь. Помните, сколько несчастий принесла зенитная пушка во дворе больницы? Погибли десятки невинных людей, а бандиты, которые стреляли по самолету, сбежали. Вы должны немедленно выбить бандитов из Шали. Если случится худшее, всех жителей Шали ждут великие несчастья. Спешите сделать выбор, жители Шали. Времени осталось мало. Временный Совет Чеченской Республики (Временный совет ЧР — объединение противников Д. Дудаева, поддержанное федеральным центром и, за неимением иного, игравшее в Чечне роль «органа власти»).

² 26 января 1995 года в районе Хасавюрта прошел обмен 41 военнослужащего 22-й отдельной бригады спецназа ГРУ, плененных 8 января в окрестностях с. Алхазурово, на содержавшихся в «фильтрационных пунктах» задержанных чеченцев. Это был первый в ходе первой чеченской войны случай обмена пленными.

Уроки, которые ничему не учат

Елена Суркова, г. Пенза, гимназия № 55, 10-й класс

В летнем лагере «Мемориала» на реке Истра я познакомилась с девочкой Светой — армянкой, переселенкой из Армении. Оказалось, что Света тоже из Пензы, учится в соседней школе, живет недалеко от меня. Наше знакомство и разговоры с ней перевернули мой взгляд на мир. То, что Света пережила в своей жизни, сделало ее мудрой не по возрасту. Меня потрясли ее рассказы о страшных днях землетрясения в Спитаке, но однажды Света высказала мысль, которая навсегда врезалась в мое сознание: страшны стихийные бедствия, но это — силы природы, неодушевленные силы, а то, что происходит в Чечне, — еще страшнее. Когда люди гибнут во время землетрясения и страдают от его последствий, страшно, тяжело, но можно понять, потому что причиной этому — природные катаклизмы. Но когда происходит то, о чем мы ежедневно слышим с экрана телевизора, читаем в газетах — бомбежки, зачистки, палаточные лагеря, террористические акты, раненные и изуродованные люди, страдающие дети, — как это можно принять, объяснить, как можно жить рядом с этим? И ответственны за это люди, а не безликие силы природы.

После долгих бесед со Светой у меня как бы спала пелена с глаз, начали слышать уши. Оказывается, в нашей стране идет война. Как я могла не замечать этого раньше? Оказывается, в Пензе живет много людей, бежавших от этой войны, и я много таких людей знаю. Оказывается, у этих людей много проблем, которые они никак не могут решить. Оказывается, от решения этих проблем этих отдельных людей может зависеть будущее нашей страны и нашего общества. Так, значит, мне надо понять, что это за проблемы, когда и почему они возникли, как можно их решить.

Вот что я узнала про историю Чечни.

ПЕРВАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Каждому школьнику из уроков литературы известны словосочетания «кавказская война», «кавказский пленник». Да, чеченский вопрос всегда особенно остро стоял для России. В Средние века Северный Кавказ был объектом постоянных нападений со стороны близлежащих ханств. Проникновение русских на эту территорию началось после того, как Иван Грозный завоевал Казанское и Астраханское ханства в 1556 году. Северный Кавказ был объектом спора между Московским царством, Османской империей, Крымским ханством и Персией. Важность региона заключалась в том, что там проходили главные торговые и военные пути. Одновременно с продвижением Ивана Грозного на юг началось самостоятельное продвижение групп казаков, которые обосновались в дельте

Терека и на холмах Чечни и постепенно стали называться терскими и гребенскими казаками. В XVI веке казаки, образовавшие вольные поселения, все чаще сталкивались с чеченцами.

Подлинное завоевание Кавказа в отличие от продвижения туда казаков началось во время военной кампании Петра Великого в 1722 году...

В 1785 году вспыхнуло крупное восстание под командованием шейха Мансура. Повстанцы победили. Можно сравнить Мансура с Емельяном Пугачевым, который возглавил восстание казаков и крестьян в 1773 году. Последователей Мансура часто называли «дикарями», «рабами», «подлецами», «негодьями»; в основном это были выходцы из крестьянской бедноты. А в июне 1791 года, когда русские войска захватили турецкую крепость Анапа, Мансур был взят в плен. Умер он в Шлиссельбургской крепости в 1794 году. Государство Российское вновь и вновь пыталось завоевать Кавказ, а генерал Ермолов (1777–1861) был одним из основных исполнителей этой политики. В 1818 году на берегах реки Сунжа была основана крепость Грозная, затем крепости Внезапная¹ (1819) и Бурная² (1821). Это был откровенный вызов чеченцам, даже названия должны были приводить в ужас мирных жителей. «Я желаю, — часто повторял Ермолов, — чтобы ужас, наводимый моим именем, охранял наши границы сильнее, чем цепь крепостей, и чтобы мое слово значило для туземцев более чем смерть. Снисхождение в глазах азиатов — это знак слабости, вопреки гуманности я буду беспощадно суров». Естественно, что чеченцы активно восставали против этой политики. Именно при Ермолове началась первая депортация чеченцев: они изгонялись с равнинной территории, которая проходила между реками Терек и Сунжа, хотя люди стремились поселиться на равнинных территориях, более пригодных к земледелию и животноводству. Так они лишались плодородных земель. «Депортационная политика Ермолова не дала возможности развиваться двум прогрессивным тенденциям, которые уже возобладали в то время у чеченцев: переходу от пастбищного животноводства к земледелию и эволюции от первобытного общества к феодальному укладу» (*Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 154*).

Как много раз за последующие века чеченцев будут упрекать за то, что они живут войной и воровством, грабежами, а корни этого — вот они!

Странно, что основная масса современников одобряла и поддерживала жестокие методы генерала Ермолова, и хотя в 1827 году Николай I отстранил того от должности, политика России в отношении чеченцев и других горцев оставалась прежней, крайне жестокой. В 1829 году Николай I писал фельдмаршалу Паскевичу: «Кончив одно славное дело (войну с Турцией), Вам предстоит другое... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Прочитав эти строки, невольно задаешься вопросом, почему этот народ — непокорный? Может быть, потому что отстаивает свои права, потому что борется против угнетателей, пытается противостоять убийству своих жен, детей, стариков-родителей, уничтожению своего жилища, своего очага? Только некоторые

прогрессивные россияне высказывали свое несогласие с такой политикой, возмущались ею.

«Что за герой... Ермолов?.. От такой славы кровь стынет в жилах, и волосы встают дыбом» (Александр Тургенев, письмо Вяземскому, 1822).

«Покорить чеченцев и другие народы региона также трудно, как выровнять кавказские горы. Во всяком случае, этого нельзя добиться палками; этого можно достигнуть только со временем путем просвещения» (декабрист Михаил Орлов).

«С христианской и моральной точек зрения нет оправдания той беспощадной политике, которую проводил Ермолов» (английский путешественник Джон Бадли).

Михаил Юрьевич Лермонтов, служивший на Кавказе, считал, что планы завоевания Кавказа приведут Россию к духовному упадку, и сравнивал Россию с Римской империей, которая, завоевав полмира, подошла к своему упадку.

«То, что происходит на Кавказе, есть то, что всегда случается, когда государство, обладающее огромной военной мощью, вступает во взаимоотношения с примитивными маленькими народами, живущими своей независимой жизнью. Под предлогом самообороны (даже тогда, когда нападения этих народов спровоцированы могущественным соседом), или под предлогом цивилизации диких народов (даже если дикие народы живут несравнимо лучшей и более мирной жизнью, чем цивилизаторы), или под каким-либо еще предлогом подданные огромного военного государства совершают всевозможные формы насилия по отношению к малым народам, утверждая, что с ними невозможно иметь дело» (Л.Н. Толстой, «Хаджи-Мурат»).

В 1844 году на реке Аргун — исконно чеченская территория — русские основали форт Воздвиженское³ и от него до селения Ачхой построили линию укреплений — Великую российскую дорогу. И последовала вторая депортация. Тех чеченцев, которые жили между этой линией и рекой Сунжей, согнали с их территории. Но чеченцы вновь и вновь пытались вернуться в родные места, тогда в 1850 году российские войска окружили чеченцев и изгнали с родной земли за Терек, туда, где чеченцы никогда не жили. А в 1856 году начали депортацию их из Кавказского региона в степи севернее Ставрополя.

Историки считают, что Кавказская война вспыхнула из-за невыносимо жестокой политики России на Кавказе — политики генерала Ермолова, а пострадали в ней в первую очередь чеченцы, потому что их родная территория была разорена, больше половины населения истреблено в почти не прекращавшихся сражениях.

Но и в дальнейшем царские власти считали, что непокорные кавказцы, а также крымские татары должны быть «вычищены», и способствовали их переселению в Османскую империю — в Турцию. В результате этого после «исхода» крымских татар, чеченцев, других кавказцев в 1856–1859 годах Россия получила на юге земли, на которые могла переселить русских, украинцев, казаков. Царское

правительство рассчитывало использовать земли горцев в качестве казацких станиц, которые позже были организованы в регионе. За весь период этой вынужденной эмиграции было «вычищено» более 100 000 чеченцев.

Конечно, я не могла познакомиться с людьми, которые пережили первые три депортации чеченского народа, но я знаю людей, подвергшихся депортации в 1944 году — сталинской депортации.

ДЕПОРТАЦИЯ + МИГРАЦИЯ

Ваха Ахмадов родился в многодетной семье из села Старые Атаги Грозненского района. Как происходила депортация чеченского народа в 1944 году, Ваха не помнит, так как она была до его рождения. Он появился на свет уже в Казахстане. Но зато его мать и многочисленные родственники хорошо помнят насильственное переселение народа Чечни. Они сумели взять с собой лишь немного еды и одежды. Никто не говорил им, куда их везут и что с ними будет. Многие погибли в дороге от холода и голода, медицинскую помощь им никто не оказывал. Везли чеченцев в вагонах для перевозки скота. У Вахи в дороге погибли сестра и двоюродные братья.

На новом месте, в Восточном Казахстане — в городе Лениногорске, чеченцам помогли обустроиться и казахи, и русские. Отец Вахи пошел работать на шахту, и семья стала получать паек, которого хватало, чтобы не умереть от голода. Отец отработал на шахте 12 лет, и, возможно, этот непосильный труд подорвал его здоровье.

В 1956 году чеченцам разрешили вернуться на историческую родину. Семья Ахмадовых сумела это сделать только в 1959 году. Их прежний дом в Старых Атагах был занят русской семьей. Пришлось некоторое время пожить у родственников, пока русские жители, получив денежную компенсацию от государства, не уехали из села.

Дом Ахмадовых сохранился, а имущество исчезло бесследно. Государство почему-то «забыло» выплатить денежные компенсации за утраченное имущество чеченским семьям. Принятый Госдумой России «Закон о репрессированных народах» также ничего им не дал, денег они так и не увидели. Может быть, в том, что пришлось пережить поколению стариков-чеченцев за их жизнь, практически с самого их рождения, и кроется нелюбовь основной массы чеченцев к русским?

У чеченцев есть обычай: с родителями остается младший сын. Поэтому Ваха, который младшим не был, уехал из отчего дома в село Чири-Юрт⁴ Шалинского района. Там он женился, появились дети, но получить квартиру или купить дом так и не смог.

Даже проработав 12 лет на местном цементном заводе слесарем-ремонтником, Ваха не смог заработать на собственный дом, да и государство не помогло, не дало квартиру: многодетная семья Ахмадовых все эти годы снимала жилье.

В течение 9 лет Ваха брал отпуск в летнее время и ездил на заработки в Центральную Россию⁵. Работали в сельской местности, строили фермы, жилые дома, административные здания. Больших денег заработать не удавалось, все уходило на пятерых детей. В советские годы цементный завод был крупнейшим на Северном Кавказе. Строили завод специалисты из России, в основном из Липецкой области. Многие из них остались, получив квартиры. Русские на заводе занимали руководящие посты, работали главными специалистами. Приход к власти Дудаева, обострение национальных отношений, а затем и начало боевых действий вынудило русских уехать из Чечни.

В мае 2002 года Ахмадов Ваха тоже переехал из Чечни в Россию. Он и его семья живут сейчас в Лунинском районе Пензенской области.

Почему же он уехал из родного края?

Как говорит Ваха, он просто боится за жизнь своих детей и внуков. В настоящее время в Чечне для них нет будущего. Цементный завод в Чири-Юрте разбомбили, работы нет, зарплату не платят. Ваха не понимает, зачем надо было бомбить цементный завод в Чири-Юрте, если там находилось всего 20 боевиков?⁶

Потеряв работу, он вынужден был в конце концов уехать из Чечни. Восстановительные работы на заводе начались, но боевики часто воровали людей, требуя за них выкуп⁷. Чеченский народ устал, и теперь боится как боевиков, так и «федералов». Ваха рассказывает, что боевики не живут в поселке. Но они приходят в него, убеждают и запугивают молодых ребят, заставляя помогать им. Боевики обещают безработным молодым людям деньги, чтобы те разбросали листовки, угрожают, заставляя закладывать взрывчатку, и уходят.

По словам Вахи, молодежь идет на осуществление терактов, так как за эту «работу» они получают 500–1000 рублей, а другого заработка в Чечне нет. Нередки случаи, когда молодые люди подрываются на собственной взрывчатке. А потом приходят «федералы» и в течение нескольких дней производят зачистки. Причем не ищут по-настоящему виноватых, а берут всех, кто попал под руку. Забирают молодых ребят в фильтрационные лагеря⁸ — в Чернокозово, на Ханкалу, в Старые Атаги. Забирают и виноватых, и невиновных, назад они возвращаются через несколько дней избитые, измученные, униженные. А для чеченцев унижение — это позор, который нужно смывать кровью.

Из села забирают в три фильтрационных лагеря. Все они страшны, но у одного особенно дурная слава — из него часто не возвращаются, бесследно исчезают. Так, 8 марта 2002 года из села Чири-Юрт забрали 13 человек молодых людей и мальчишек, в том числе учащихся. Об их судьбе до сих пор ничего не известно⁹. (А разговор с Вахой происходил в июле! Родители сделали все возможное, чтобы разыскать пропавших ребят, но — безрезультатно.)

У молодежи забирают паспорта, и это дает «федералам» лишний повод задерживать их до выяснения личности. Многочисленные обращения родителей

к прокурору и представителям местных властей ничего не дали. Забирают людей не только из Чире-Юрта, это происходит по всей республике.

До того как семья переехала в Пензу, Ваха, боясь за детей, отправил сыновей в станицу Слепцовская⁴⁰ в палаточный лагерь. Жили сыновья без своей палатки, так как ее забрали под мечеть. Их приютили родственники. Из палаточных лагерей чеченцы не уедут, пока власти не дадут им гарантии безопасности. По телевидению показывают строительство домов для беженцев, но Ваха считает, что народ в них жить не будет, так как гарантий безопасности нет.

Старший сын Алихан обосновался в селе Иванныр Лунинского района Пензенской области с молодой женой и детьми. Ему удалось получить статус вынужденного переселенца и получить ссуду. Купили ветхий дом с печным отоплением. Сейчас семья Ахмадовых в количестве девяти человек ютится в этой однокомнатной русской избе. В центре комнаты — печка, а с трех сторон от нее за перегородками — три семьи. Сын работает шофером в совхозе, зарплата маленькая, бабушка пенсию пока не получает, ждет документы из Чечни. Работы для Вахи в совхозе нет, надеются на получение ссуды, чтобы можно было купить дом для семьи и обзавестись коровой. А пока семья Ахмадовых живет впроголодь. И я это видела.

Ваха уже не помышляет о переезде в Чечню. Он считает, что война продлится еще долго, и зачистки в Чечне будут продолжаться не год и не два. Свое будущее и будущее своих детей он видит здесь, в Пензенской области. Отношение к семье Ахмадовых в селе хорошее, местные жители стараются им помочь. Но очень его тревожит, что по Центральному телевидению чеченский народ показывают только с негативной стороны, делая из него образ врага.

Я не могла не спросить Ваху, как он оценивает застрявшее в суде на годы «дело Буданова»⁴¹. Ваха ответил, что считает его преступником. Буданов носит звание полковника и обязан проходить медицинское освидетельствование. Признав его невменяемым, суд оскорбляет весь чеченский народ. Раз человек совершил преступление, то он должен за него отвечать независимо от национальности.

А в Чечне очень нередки случаи убийства молодых девушек. Недавно это случилось в Серноводске⁴², и никто не понес наказания. Беспредел в Чечне не остановить, если не будут приняты чрезвычайные меры, если за нарушение закона и прав человека виновные не будут предаваться справедливому суду и нести заслуженное наказание.

Могут помочь навести порядок в республике международные организации, считает Ваха, но после терактов в Москве их уверенность, что чеченскому народу надо помочь, поколеблена. При желании это может сделать президент Путин или правительство.

Вот что рассказал Ваха. И добавил: «Я говорю откровенно, мне бояться нечего».

Сухадат Сулгиевна Газбекова девочкой пережила депортацию 44-го года. Она навсегда запомнила «путешествие» в «телячем вагоне», жизнь вдали от родного дома, вне родного языка, голод. Сейчас она снова была вынуждена покинуть свою родную горную деревушку, свой родной дом. Она очень не хотела этого. Ее дети долго ее уговаривали, но Сухадат Сулгиевна отвечала им, что «не уедет от своих трех коров». И согласилась, только когда ее сын пообещал на новом месте купить ей коров. Когда мы приезжали к ней в гости, она очень радушно старалась угостить нас своим творогом, другими продуктами. Относилась к нам с большой симпатией. Но разговаривали мы с ней только через переводчика — ее дочку Малику.

РАССКАЗ КИМАЕВОЙ МАЛИКИ,

проживающей в районном поселке Колышлей Пензенской области,

о поездке в Чечню с 1 по 8 сентября 2002 года

Добраться до родного села Агишты Веденского района проще через соседний Дагестан, так как там более лояльная к чеченцам милиция, чем на кавказских Минеральных Водах. Для этого надо сесть в поезд Москва–Махачкала и доехать до Кизил-Юрта, а далее автобусом до Хасавюрта Республики Дагестан. Из Хасавюрта можно попасть практически в любой населенный пункт Чечни.

Малика Кимаева добралась автобусом до города Шали, а далее на попутке до родного села Агишты, расположенного в горах, в 18 километрах от Шали. В селе остались только старики и женщины, молодежь уехала учиться в город Грозный или другие города России. В первую очередь это касается ребят, так как после 18 лет их забирают в армию, в чеченский милицейский батальон, расположенный в городе Шали. Командуют батальоном чеченские офицеры. Ребята живут в казармах, проходят боевую и строевую подготовку, участвуют в «зачистках». По словам Малики, «федералы» их «подставляют», так как первыми в села и аулы Чечни входят именно чеченцы, и часть из них гибнет или от пуль боевиков, или подрывается на минах. Боятся чеченские юноши в Агиштах прихода боевиков, которые объявили священную войну неверным (газават) и заставляют их насильно воевать против «федералов». Тех, кто отказывается, боевики избивают или убивают. Жизнь в селе связана с постоянным страхом за жизнь детей. Днем приходят «федералы» и проводят «зачистки». Как правило, все «федералы» носят маски, а на боевой технике замаскированы номера. Жаловаться на бесчинства «федералов» бесполезно, так как опознать их под масками невозможно. Малика собственными глазами видела следы «зачисток» у родственников. Вскрытые полы, порушенная мебель, разорванные подушки и пуховые одеяла. После таких «зачисток» пропадают и ценные вещи, компенсировать материальные потери чеченским семьям никто не соизволит, творится сплошное беззаконие, беспредел. По вечерам село навещают боевики, не встречая никакого сопротивления, так как расстояние между блокпостами порядка 10 км. Боевики также грабят мирное население, унося с собой одежду и продукты питания. В селе нет газа и света, воду берут из речки. Лес находится вблизи села, но дрова нельзя заготавливать, так как «федералы» отобрали всех лошадей

и просто не пускают жителей, считая, что чеченцы сообщают о них сведения боевикам и подкармливают боевиков. Малика привела пример: престарелая бабушка с одинокой племянницей пошла в лес за дровами. «Федералы» их задержали и продержали в яме для помоев несколько дней. Несчастных женщин морили голодом, давали пить грязную воду, поливали их сверху помоями, даже мочились на них. Кто-то из военных начальников сжалился над ними и отпустил домой, но женщины от пережитого находятся в нервном шоке, у них произошло как бы «помрачение рассудка». И никто не может сказать, оправятся ли они когда-нибудь.

Школа в селе не работает по приказу военного коменданта¹³, хотя на равнинной части Чечни дети в школу ходят. Там же, на равнинной части страны, чеченцы радуются, что наконец стали выплачивать пенсии и детские пособия, которые позволяют им не погибнуть с голода. А вот горным районам Чечни не повезло. По словам Малики, чеченцы там не получают ни пенсии, ни детские пособия, так как «федералы» считают, что эти деньги попадают к боевикам¹⁴. В селе уже повыврубили все фруктовые деревья: вишни, черешни, груши, абрикосы, а теперь очередь дошла до ореховых деревьев. Дрова в селе на вес золота, соседи помогают друг дружке дровами, но их запас тает на глазах. Электричество в село проводят из города Шали. Чеченские электрики рискуют жизнью, многие из них подрываются на минах и взрывных устройствах, но они вновь и вновь восстанавливают линию электропередачи. Но когда темнеет и в селе зажигаются тусклые огоньки, по подстанции и электролинии снова бьют «федералы», так как свет мешает им наблюдать за местностью с помощью приборов ночного видения.

Живут чеченцы в селе одним днем, не помышляя о будущем, и надеются только на Аллаха. Не верят чеченцы ни представителю президента в Чечне Кадырову¹⁵, ни самому Путину. По словам Малики, офицеры российских войск торгуют продуктами питания, а бедные солдаты голодают. В Шали и окрестных селах района нередки случаи пропажи чеченских девушек. Такого беспредела не было даже в первую чеченскую войну. Болеть в селе не рекомендуется, так как фельдшерские пункты отсутствуют, а вечером проехать в районную больницу нельзя — не пропустят на блокпостах, да и по движущейся в сумерках неизвестной машине могут открыть огонь без предупреждения. На блокпостах процветает мздоимство, такса — 50 рублей, но могут пропустить и за 10¹⁶. Такие примеры наблюдаются по всей Чечне.

Самые светлые воспоминания у Малики остались после посещения столицы республики города Грозного¹⁷. В городе уже работают магазины, базары, больницы, школы, государственные учреждения, регулярно ходит автотранспорт, в центре восстанавливаются жилые и административные здания. Хорошо работает чеченская милиция, патрулируя по улицам города. Сами жители восстанавливают собственное жилье, а местная власть выделяет стройматериалы: шифер, стекло, деревянные изделия. За эту работу им начисляют зарплату, пока, правда, больше на бумаге. Стали открываться небольшие частные предприятия, у людей появилась работа. В городе открылся новый медицинский институт, молодежь потянулась к знаниям, а не к автоматам. Стали возвращаться из

Ингушетии беженцы, для них в городе строятся многоэтажные дома. Все это вселяет надежду, что столица республики Грозный будет восстановлен и жизнь в Чечне наладится. (Как же мне было грустно через несколько дней после разговора с Маликой узнать о взрыве в Грозном в том же сентябре, а потом и о страшном теракте в Москве! Я представляю, как она огорчилась, расстроилась, что ее надеждам на возвращение в любимую Чечню не суждено сбыться.)

Посетила Малика и палаточные городки для беженцев в Назрани и станице Нестеровской¹⁸, где проживают ее родственники. «К сожалению, власти выдвигают чеченцев из лагерей, — продолжала свой рассказ Малика, — не завозят в полном объеме продукты питания, не ремонтируют палатки, проводят в лагерях „зачистки“». Международные организации практически прекратили выделять гуманитарную помощь беженцам. Датский Совет по беженцам выдает по 10 килограммов муки и сахара на семью в месяц, но этого явно недостаточно.

Поездка в Чечню и оттуда, назад в Россию, сопряжена как с материальными, так и с нервными издержками. Милиционеры постоянно и по нескольку раз обыскивают сумки и вещи, выискивая якобы оружие и взрывчатку, вымогая деньги. Не каждый может это выдержать. И если на равнине жизнь все-таки потихоньку налаживается, то в горах чеченцы молятся Аллаху и просят у него защиты — как от боевиков, так и от «федералов».

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ МАТЕРЬЮ УБИТОГО СОЛДАТА

Мой сын, Арефкин Андрей Викторович, родился 4 мая 1975 года в городе Заречном.

Мальчиком он рос спокойным, хотя всегда стоял на своем. Был у них в классе один лидер. Все ему подчинялись, но только не Андрей. Он всегда говорил, что не хочет, чтобы им кто-то командовал: «Пусть все подчиняются, а я не буду». За настойчивость приходилось получать синяки, но я ничего об этом не знала: он никогда не рассказывал, не жаловался.

Спорт Андрей никогда не бросал: в 4-м классе — лыжи, потом — велосипедный спорт, потом записался в секцию самбо. Там ему сломали ногу, но Андрей никогда не жаловался на боль. Андрею заниматься самбо нравилось, но через год тренер сказал ему, что он не совсем подходит к этому виду борьбы, потому что очень высокий. Андрей был ростом 185 сантиметров и весил 80 килограммов.

Поскольку по настоянию тренера пришлось бросить самбо, а у сына была явная склонность к силовым видам спорта, то Андрей занялся каратэ. У него есть награды за первое и за второе места по области. Окончив восьмой класс, Андрей поступил в машиностроительный техникум. Парень был упорный, настойчивый, старательно занимался. Когда пришло время писать дипломную работу, все делал сам, без посторонней помощи. И получил «пятерку». Даже учителя не ожидали от него такого блестящего результата.

Защита была 23 февраля 1994 года, а 28 февраля пришла повестка из военкомата, и 1 марта он уже был в Москве.

Еще шестнадцати лет он увидел по телевизору отряд специального назначения, и после этого у него появилась дикая мечта служить там. Он постоянно повторял слова: «Вот в такой армии я бы послужил!» Денег, чтобы откупиться, все равно не было, пришлось идти туда, куда пошлют. А послали туда, куда хотелось Андрею, — в Дзержинск, где готовили к службе в войсках спецназа¹⁹.

Андрею нравилась напряженная служба: подъем в 6 часов, утренняя пробежка 12 км во всем обмундировании (на голове «сфера» 8 килограммов, бронежилет 12 килограммов, автомат, завтрак, 4 часа спаррингов (проверка физической подготовки), дневной сон, опять тренировки — такие напряженные, что среди ночи их не будили, давая выспаться.

В течение всей службы он никогда не жаловался ни на что, но ведь сердце мое болело за сына, словно чувствовало, к чему идет дело. В сентябре 1994 года пришло письмо о том, что он уезжает в командировку, но не сказал куда, так как сам еще не знал, а через месяц — телеграмма: «Привет вам из Северной Осетии...»

В декабре начала разворачиваться полномасштабная операция, но в бои их не бросали. Подразделение, в котором служил Андрей, считалось элитным, им пришлось охранять аэропорт. В январе 1995 года, когда федеральные войска понесли большие потери²⁰, им пришлось разгружать КамАЗы с трупами. Горели танкисты, успевали только трупы выносить. Но в письмах домой было все наоборот: «Мы здесь отдыхаем, загораем...» Одним словом, курорт.

В это время ряды федеральных войск пополнились ребятами нового призыва. Эти новички не умели даже защититься, не умели стрелять, в то время как спецназовцы могли это делать из любого вида оружия.

Был такой случай: их попросили расчистить дорогу. Выбросили их десантом в чистое поле. Была зима, но оделись легко, много пищи с собой не брали. Выполнили задание. Пора возвращаться, но за ними день никто не приезжает, другой, и никаких сообщений. С ними был еще и ОМОН (милиция). Ребята из ОМОНа денек там покружились и ушли кто куда, а войскам спецназа — нельзя: уйдешь — трибунал. Вот они неделю там и просидели, — есть было почти нечего, согрелись лишь тогда, когда землянки вырыли.

Когда за ними приехали, выяснилось, что их просто забыли. А потом холодных, голодных отвезли в деревню, где жили русские старушки. Они их накормили, отогрели, стали просить, чтобы они не уходили — боязно все-таки, ведь столько русских убивали, брали в заложники, выставляли в окна, прикрываясь ими, и просто палили по ним.

Дальше пошли более серьезные бои, но о трудностях Андрей, как всегда, ничего не писал.

Приехал новый начальник. Тренировки усилились. Стали прыгать с вертолета, а это очень трудно. Стали поговаривать, что их готовят к штурму. В основном эту группу посылали на помощь неопытным ребятам.

Вообще-то, в их отряде серьезных потерь не было, и лишь в бою под Бамутом погибло 16 человек из 200; это были очень тяжелые бои²¹. Самым жесточеным был бой под Самашками, за который Андрей и получил орден спецназа, который давали только особо отличившимся. А за последний бой он был награжден орденом Мужества²².

В этот день их подняли в 5 утра по тревоге, приказали занять высоту. Авиация не вылетела, потому что была плохая погода. Были сведения, что там сидят боевики. Прождали до полудня, а потом решили послать разведку. Пошли 4 человека. Смотрят, на косогоре человек метнулся. Решили его изловить и пошли за ним.

Когда стали дальше углубляться на высоту, то тут же поняли, что их просто-напросто заманивают. Но назад дороги уже не было. Попросили подмогу. А в это время стали бомбить с той высоты по колонне, которая стояла внизу. Подбили БТР, в котором сидел мальчик из Рязани — Смирнов Костя. Его вообще в клочья разнесло. У прапорщика, который стоял позади танка, снесло всю правую сторону, когда слетела крышка люка. Прошла только пара часов, а было уже два трупа. (Так рассказывала мама Андрея. А я думала: «Прошло уже два часа применения современного вооружения, а *еще* только два трупа!»)

После того как они помогли своим товарищам уйти, сами решили выбираться оттуда. Но они не смогли завести свой БТР. Андрея ранило осколком гранаты в шею — туда, где проходила сонная артерия. Подошли свои ребята. Еле-еле дотащили, потому что парень был большой. Сразу же сделали укол, а он лишь глаза открыл и ничего не сказал. И жил он после этого примерно 10–15 минут.

Вот так вся служба и закончилась. А ведь в последнем письме писал, что придет загорелый, отдохнувший, чтобы только ждали.

Я слушала маму Андрея и думала: сколько людей погибло? сколько ранено? сколько пропало без вести? Могу привести данные по количеству убитых солдат на 1997 год: 4379 человек, но на сегодняшний день эта цифра увеличилась во много раз²³.

ДВАЖДЫ ПЕРЕСЕЛЕННЫЕ ЗА ОДНУ ЖИЗНЬ

Родился Абдул Муслим в селе Алхазурово²⁴ Урус-Мартановского района. Отец его воевал на фронте в Великую Отечественную войну, был лейтенантом. 23 февраля 1944 года трехлетнего Абдула Муслима вместе с мамой и старшей сестрой посадили в телячий вагон и депортировали в Казахстан, в Семипалатинскую область. Есть было нечего, после долгого голодного «путешествия» дети ослабли. Сердце матери не выдержало, и она украла у людей хлеб. Ее су-

дили, посадили на 1,5 года в тюрьму. Так Абдул, его сестра и его мама потеряли друг друга.

Абдул оказался в детском доме в городе Зыряновске Семипалатинской области. С детьми он не уживался, часто убежал из детдома. До 1960 года бродяжничал и жил без документов. Но потом жизнь сжалилась над мальчиком. Абдула Муслима приняла русская семья, которая помогла ему окончить профтехучилище, получить специальность сварщика. Став взрослым, он часто менял работу, объехал весь Казахстан. Работал сварщиком на заводах и стройках, пользовался уважением.

Абдул Муслим вырос в отрыве от традиций чеченского народа, ислама. Не знал чеченского языка. И женился он на русской женщине, которая была родом из Кошлышлейского района Пензенской области, — Валентине Николаевне. У них родилось трое детей — дочери Галина и Наташа и сын Алик. Жили, работали, но вдруг совершенно неожиданно им встретился человек из родного села Абдула Муслима. Он стал расспрашивать, как Абдул попал в Казахстан, кто у него мать, как он ее потерял, где.

Так, постепенно, восстановили прошлое и поняли, что это тот самый Абдул Муслим Садыков, которого его мать разыскивала 36 лет. Она всем односельчанам наказывала расспрашивать чеченцев и похожих на чеченцев людей о маленьком мальчике, потерявшемся, оставшемся без матери в далекой Семипалатинской области. Семья Садыковых вначале съездила в Чечню в гости, чтобы познакомиться с уже совсем старой матерью Абдула, а потом их убедили воссоединиться с семьей, вернуться на родину предков Абдула Муслима.

Говорят, что те, кто приехал в Чечню в 90-х годах, горько пожалели об этом. Жалеет об этом и Абдул Муслим. Вся семья говорила только по-русски, и это создавало определенные трудности в общении с соседями. Правда, дети быстро освоились, выучили язык, адаптировались, девочки вышли замуж за чеченцев, Алик женился на чеченской девушке.

В Алхазурово Абдул Муслим пошел работать сварщиком в совхоз «Труд». Зарплату платили исправно даже при режиме Дудаева. Старшая дочь Галина закончила Грозненское медучилище, став медсестрой, Алик работал на мебельной фабрике в городе Грозном, а младшая Наташа заканчивала школу. Подрабатывал сварщиком у соседней на постройке домов, хорошо зарабатывал, а жена занималась детьми.

Село Алхазурово не бомбили ни в первую, ни во вторую чеченскую войну. Были небольшие обстрелы, но значительного ущерба не было. Дом Абдула Муслима пострадал незначительно, повывлетали стекла, осколок снаряда удалось потушить. Во время войны совхоз не работал, и Абдул Муслим подрабатывал сваркой: варил отопление, проводил воду, ремонтировал автомобили. Абдул Муслим рассказал, что часто бывало, как машина боевиков на скорости пронеслась

через село, а следом за ней летел вертолет или самолет и бомбил село. Машина проехала, и ее нет, а какие-то дома пострадали.

Вообще, бомбежки бывали часто. С вертолета предупреждали о бомбежке села²⁵. Дети и женщины прятались в подвалах. Но потом им сказали, что в доме прятаться опаснее, потому что может завалить при взрыве, они могут сгореть заживо.

Во время боев с бандой Гелаева²⁶ Алхазурово хотели стереть с лица земли вместе с селом Комсомольское. Испугавшись за детей, жители села Алхазурово стали покидать свои дома. Одни уезжали к родственникам в Россию, другие в палаточные лагеря в город Назрань и в станицу Орджоникидзевскую.

На семейном совете Садыковы решили уехать на родину Валентины Николаевны в Пензенскую область. Помог с переездом Пензенский ОМОН, который проходил службу в Урус-Мартановском районе. Вещи погрузили в автобус, и таким образом очутились на родине жены. Огромный дом в Алхазурово пришлось продать за бесценок — за 30 тысяч рублей. Часть денег ушла на переезд. Так что на приобретение жилья на новом месте почти ничего не осталось.

В городе Пензе было невозможно купить за такие деньги жилье, поэтому решили купить там, где дом был им по средствам, то есть в глубинке.

Купили небольшой дом в селе Иванырс Лунинского района, помогла получить ссуду Миграционная служба Пензенской области. Повезло с поручителями, помогли местные жители, а то бы ссуду не получить. В селе живетса голодно, нет работы. Скотину держать невыгодно, так как трудно заготавливать корма. Участки под сенокос дают в разных местах, и они небольшие по размерам. Сваркой подрабатывать уже нет возможности, так как украли прямо со двора у Абудла сварочные баллоны и шланги. А милиция не ищет, мер никаких не принимает. Сам Абдул Муслим очень болен: у него отнята часть желудка. Больна его жена — Валентина Николаевна. Ей необходимо срочно делать операцию. Больна дочь — у нее онкологическое заболевание. Больна внучка, которая до сих пор видит во сне бомбежки, а трактора издали принимает за бронетранспортеры, которые окружали их село во время «зачисток». Девочку нужно обязательно лечить невропатологу или психиатру. И эта внучка, и другие учатся хорошо, чисто говорят по-русски. Абдул Муслим мечтает, чтобы девочки получили хорошее образование, знали бы компьютер, иностранные языки, смогли бы дополнительно позаниматься математикой, летом ездить в лагерь.

Уезжать в Чечню семья Садыковых не намерена, свое будущее они связывают с Россией. А вот сын Алик готов вернуться в Чечню, но ему нужны гарантии безопасности жены и дочери, а еще он совсем не хочет участвовать в войне на чьей-либо стороне. Он хочет заниматься мирным трудом, делать красивую мебель, создавать что-то полезное и нужное людям, обеспечивать свою семью.

Сколько могут выдержать люди в жизни? Большая и дружная семья, работающая и миролюбивая, пытается выстоять. Но война их не хочет отпускать, а мирный регион не очень-то принимает. Для этих людей нужна особая реабилитационная программа, а им еще и чинят препятствия, вынуждая вернуться в Чечню. Это несправедливо. Нельзя заставлять мирных жителей возвращаться туда, где стреляют, проводят «зачистки», — в общем, на войну. Все люди должны иметь право на убежище. Я очень хочу, чтобы для пострадавших чеченских детей и для их семей таким убежищем стала наша Пензенская область. Хочу, чтобы они забыли то зло, с которым столкнулись в жизни, чтобы выросли добрыми, сильными и образованными. Чтобы все это дало им возможность противостоять злу.

Я читала историю Чечни и не могу не думать о том, сколько горя и трагедий происходит там и по сей день. Почему-то для властей этот народ всегда был «неудобным».

Не мне быть судьей тому, что происходит в Чечне. Я не хочу в этом никого винить. Просто мне очень жаль тех людей, которые стали жертвой бездумья властей. Но не менее жалко матерей, жен и детей тех солдат, которые были посланы в Чечню и погибли там.

Комментарии

¹ Внезапная — крепость на территории современного Дагестана.

² Бурная — крепость рядом с аулом Тарки, рядом с современной Махачкалой Республики Дагестан. Сохранились остатки укреплений.

³ Воздвиженское — см. комментарии к работе Аминат Саламовой.

⁴ Село расположено в предгорьях, там, где река Аргун вырывается из горного ущелья на равнину, на правом ее берегу. Одновременно со строительством цементного завода к селу был пристроен поселок из пятиэтажных домов, со школой и детским садом.

⁵ В 1960–1980-е годы в условиях высокой скрытой безработицы и малоземелья подобный «отхожий промысел», «шабашничество» стало одним из основных источников пропитания — наряду с интенсивным натуральным хозяйством на приусадебных участках.

⁶ Цементный завод в с. Чири-Юрт обстреливали и бомбили с 12 по 20 мая 1995 года. Действительно, на заводе находился малочисленный отряд из числа местных жителей, которые и сами недоумевали — почему наступление на этом, практически оголенном участке, не предпринималось в предшествовавшие два–три месяца и зачем такой массированный огонь?

⁷ Захваты заложников с целью получения выкупа, практически отсутствовавшие до середины 1990-х, приобрели с начала 1997 года характер эпидемии. Дело в том, что после массового захвата российских военнослужащих боевиками в начале первой чеченской войны федеральное командование последовательно отказывалось считать их пленными — навязывался термин «заложники». С января 1997 года начался массовый захват заложников с целью получения выкупа. Похищали не только журналистов и иностранцев — хотя эти захваты получали наибольший резонанс, не только военнослужащих и бизнесменов в других субъектах Российской Федерации, как прилегающих к Чечне, так и удаленных от Кавказа. Прежде всего похищали жителей самой республики, состоятельных чеченцев и русских — потому что они были ближе. Занимались этим прежде всего религиозные экстремисты — для них «ваххабизм» был оправданием преступного промысла, поскольку похищали они, по их мнению, «неистинных» мусульман. С установлением федеральными силами контроля над территорией республики этот «рынок» не исчез.

⁸ «Фильтрационные лагеря» — термин, ходивший в Чечне с первой войны, официально они назывались «временные фильтрационные пункты» (фильтрапункты) — не предусмотренные законода-

тельством места содержания задержанных людей. Одни, действительно, создавались временно, в ходе «зачисток», другие действовали длительное время. Условия содержания там были крайне тяжелые. В конце 1999 года в Чернокозово на территории колонии строгого режима официально был развернут изолятор временного содержания и следственный изолятор, зимой 2000 года условия там были крайне тяжелые.

С 2000 года задержанных, как правило, доставляли в Ханкалу, в расположение главной базы федеральных сил в Чечне. Их содержание там было совершенно незаконно, люди часто «исчезали». Задержанных также незаконно содержали и в расположении воинских частей в окрестностях с. Старые Атаги, на мельнице и птицеферме.

⁹ «Мемориалу» ничего не известно о задержанных 8 марта 2002 года и «исчезнувших» людях — мониторинг охватывает лишь порядка трети территории Чечни и происходящих там событий. Однако рассказанное вполне правдоподобно — известно, по крайней мере, о 15 задержанных в разное время и «исчезнувших» жителях Чири-Юрта.

¹⁰ Официальное название — Орджоникидзевская, районный центр Сунженского района Ингушетии.

¹¹ «Дело Буданова» — одно из тысяч дел о похищении, «исчезновении» и убийстве гражданского лица «силовиками». Буданов Юрий Дмитриевич (р.1963), командир 160-го танкового полка, входившего в группировку генерала Шаманова, полковник. 26 марта 2000 года, когда полк стоял в Урус-Мартановском районе, окрестностях предгорного села Танги Чу, организовал похищение и убийство молодой жительницы села, Эльзы Кунгаевой. Дело получило широкую огласку, но предварительное и судебное следствие затянулось на годы. В итоге 25 июля 2003 года Буданов был признан виновным в убийстве и осужден на 10 лет лагеря строгого режима. В настоящее время Буданов — самый высокопоставленный офицер из осужденных за преступления в Чечне.

¹² Районный центр Сунженского района Чечни.

¹³ Возможно, школа была закрыта на короткое время, и Малика это застала. Вообще же в Агиштах, как и в других горных селах, школы работали и продолжают работать.

¹⁴ Вероятно, речь идет о локальных и кратковременных инициативах военной комендатуры либо о злоупотреблениях в местной администрации. Пенсии и детские пособия в селах, в том числе и в горных, выплачиваются, как правило, без задержек. В этом состоит вполне разумная, почерпнутая из мирового опыта контрпартизанской борьбы тактика федерального центра — не создавать материальных предпосылок для содействия местного населения вооруженным сепаратистам. Как видим, у местных военных властей могут быть другие резоны.

¹⁵ Работа писалась в то время, когда Кадыров был только «представителем Президента РФ в Чеченской Республике». Кадыров Ахмат-хаджи (1951–2004) чеченец из тайпа Беной. В 1970-х годах работал строителем в Сибири, получил богословское образование в СССР и за границей. С 1991 года — заместитель муфтия Чечни. После начала первой чеченской войны объявил России джихад. Муфтий джихад не поддержал и был смещен. Муфтием стал Кадыров. Когда после войны в Чечне усилилось влияние сторонников «радикального ислама», Кадыров стал едва ли не главным их противником (пережил несколько покушений), а после вторжения экстремистов в Дагестан в 1999 году и начала второй чеченской войны выступил на стороне федеральных войск, обеспечив последнее беспрепятственное вхождение в Гудермеский район Чечни. В июне 2000 года назначен главой администрации Чеченской Республики. В октябре 2003 года был избран президентом республики; избирательная кампания сопровождалась многочисленными нарушениями и фальсификациями. 9 мая 2004 года погиб в результате теракта.

¹⁶ В шутку их называют «пропуск форма 10» и «пропуск форма 50».

¹⁷ Такое впечатление у Малики, видимо, сложилось по контрасту с Агиштами. Грозный был и остается в руинах, а жизнь кипит в городе, по сути, лишь на одной центральной улице и в ближайших окрестностях.

¹⁸ «Городками» в Ингушетии принято было называть лагеря вынужденных переселенцев, возникшие осенью 1999 года. В Ингушетию жители Чечни бежали и в первую войну — в начале 1995 года их здесь было до 150 тысяч. Однако в самом начале второй чеченской войны, когда приказом генерала Шаманова от 25 сентября 1999 года органам внутренних дел соседних субъектов Федерации было воспрещено пропускать бегущих из Чечни гражданских лиц, лишь президент Ингушетии Руслан Аушев ослушался и открыл административную границу. В результате в какой-то момент число мигрантов в Ингушетии достигло 300 тысяч и сравнялось с численностью постоянного населения. Несколько десятков тысяч беженцев жили в палаточных «городках» и в «приспособленных помеще-

ниях» — гаражах, птичниках, коровниках и т. п., и даже в железнодорожных составах, основная масса — в «частном секторе». Выживание беженцев по крайней мере наполовину обеспечивали международные гуманитарные организации — их участие помогло избежать гуманитарной катастрофы в первую зиму. Федеральные власти с самого начала пытались вернуть беженцев обратно в Чечню — ограничение работы гуманитарных организаций помощи преследовало именно эту цель. Последний из «городков» беженцев был закрыт в июне 2004 года.

¹⁹ Внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации.

²⁰ После попытки взять город сходу 31 декабря 1994 года.

²¹ Безуспешные попытки штурма села Бамут силами внутренних войск продолжались с 14 по 19 апреля 1995 года. Село было заранее покинуто местными жителями, и чеченские отряды оборонялись там до 24 мая 1996 года, когда село было взято войсками генерала Шаманова.

²² В с. Самашки вечером 7 апреля 1995 года произошло столкновение с немногочисленной группой боевиков, не успевших уйти из села, в результате погибли несколько военнослужащих федеральных сил.

²³ Сведения из книги: *Трусевич О.Г., Черкасов А.В.* Неизвестный солдат Кавказской войны, 1994–1996: Потери российских войск: погибшие, пропавшие без вести, пленные / Правозащитный центр «Мемориал». М.: Звенья, 1997; 4379 человек — сведения «Мемориала» на январь 1997 год; общее число погибших военнослужащих и работников силовых структур в первую войну — до шести тысяч. Хотя точные сведения о потерях федеральных силовых структур во второй чеченской войне отсутствуют, а списки погибших не опубликованы, их общее число на 2004 год, скорее всего, сравнимо с потерями в первой войне.

²⁴ Село расположено в предгорьях.

²⁵ Вскоре после того, как 8 января 1995 года в окрестностях Алхазурово чеченскими отрядами были взяты в плен 47 военнослужащих 22-й отдельной бригады спецназа ГРУ.

²⁶ 5–21 марта 2000 г. в с. Комсомольское — см. работу Сангариевой.

приложения

Россия и Чечня: краткая хронология отношений

Впервые русские, казаки Ивана Грозного, и чеченцы — местные жители встретились во второй половине XVI века в долине Сунжи, подле селения Чечен-аул — отсюда и пошло русское название этого горского народа: чеченцы.

В период Смутного времени российское государство уходит с Кавказа, где устанавливается противостояние казаков — вольных людей, бежавших из России от крепостного гнета и расселившихся севернее Терека — и чеченцев, расселившихся на предгорных равнинах.

Казаки становятся «государевыми людьми», осваивающими новые территории.

1739

Возведение Кизлярской укрепленной линии, начало борьбы России с горцами за контроль над предгорными равнинами.

1785–1791

Восстание горцев под предводительством чеченца шейха Мансура (Ушурмы), объединившего в борьбе с Россией горские племена.

1817

Начало большого наступления российских войск на горную Чечню. Начало Кавказской войны (1817–1864).

1818

Основание крепости Грозной.

1834–1859

Борьба России с имамом Шамилем, объединившим многие горские племена против интервенции России.

26 августа 1859

Взятие последней резиденции Шамиля, аула Гуниб русскими войсками, сдача Шамиля в плен. Окончание широкомасштабной борьбы горцев за независимость.

21 мая 1864

Подавление последнего крупного очага сопротивления горцев на Западном Кавказе, официальная дата окончания Кавказской войны.

Однако и после этого вспыхивали горские восстания (например, в 1877–1878 годах).

1869

Крепость Грозная переименована в город Грозный.

1877–1878

Народное восстание в Дагестане и Чечне против русского господства в поддержку единоверцев во время Русско-турецкой войны.

1914–1918

Участие Чеченского и Ингушского полков в составе так называемой Дикой дивизии российской армии в Первой мировой войне.

27 февраля 1917

Февральская революция в России, свержение самодержавия.

Март 1917

I горский съезд во Владикавказе, образование «Союза объединенных горцев Кавказа».

25 октября 1917

Октябрьская революция в России, захват власти партией большевиков. Отказ чеченцев и ингушей Дикой дивизии принимать участие во внутрироссийской борьбе, фактически способствовавший закреплению большевиков в Петрограде.

11 мая 1918

Провозглашение независимости Горской республики.

1919–1920

Активные боевые действия в Чечне и Ингушетии против войск генерала Деникина. Часть вайнахов сражалась против извечных врагов — казаков белой армии — на стороне большевиков. Часть воевала за веру под водительством эмира Узун-Хаджи против всех немусульман.

1920

Создание ингушского алфавита на основе латинской графики.

Март 1920

Вступление в Грозный отрядов Красной армии, провозглашение советской власти в Чечне и Ингушетии.

17 ноября 1920

Образование в составе Советской России Горской АССР, в которую вошли Чечня и Ингушетия.

1922

Образована Чеченская АО.

1922–1924, 1925, 1929–1930, 1932, 1933–1934, 1937–1939, 1940–1942

«Антисоветские» восстания в Чечне и Ингушетии и карательные экспедиции Красной армии против вайнахских повстанцев.

1924

Образована Ингушская АО.

1929

Начало массовой коллективизации и «раскулачивания» в Чечено-Ингушетии. Кампания против религиозных авторитетов.

1934

Образована Чечено-Ингушская АО.

1934

Утвержден единый чечено-ингушский алфавит на латинской графической основе.

1936

Чечено-Ингушская АО преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.

1937–1938

«Большой террор» в Чечено-Ингушетии. По политическим обвинениям арестовано более 12 тысяч человек.

1938

Чечено-ингушская письменность переведена на кириллицу.

22 июня 1941

Началась Великая Отечественная война.

23–27 февраля 1944

Депортация в Среднюю Азию чеченцев и ингушей. В этом же году началась партизанская борьба избежавших выселения вайнахов против представителей советской власти.

7 марта 1944

Указ Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Дома выселенных были переданы переселенцам. Ссылка чеченцев и ингушей продолжалась 13 лет.

9 января 1957

Указ Президиума Верховного совета СССР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, начало массового возвращения чеченцев и ингушей на родину.

26–28 августа 1958

Стихийные античеченские погромы в Грозном. Толпа взяла штурмом административные здания в центре города, массовые волнения подавлены введенными из других регионов войсками. Вернувшиеся чеченцы и ингуши столкнулись с отсутствием рабочих мест в промышленности — на десятилетия скрытая безработица и малоземелье (несмотря на присоединение в 1957 году районов севернее Терека) стали едва ли не главными проблемами.

Ноябрь 1990

Первый Чеченский национальный съезд, избрание Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) во главе с советским генералом Джохаром Дудаевым.

Август 1991

Поддержка партийно-советским руководством ЧИАССР путча ГКЧП, как результат — дискредитация законных органов власти и захват в сентябре власти в Чечне национал-радикалами из ОКЧН.

15 сентября 1991

Фактическое разделение Чечни и Ингушетии.

27 октября 1991

Избрание президентом Чечни Джохара Дудаева.

7 июля 1992

Вывод российских войск из Чечни.

31 октября — 4 ноября 1992

Кровавые столкновения в Пригородном районе Ингушетии, «осетино-ингушский конфликт», изгнание ингушей из Северной Осетии.

26 ноября 1994

Инспирированный Москвой неудачный штурм Грозного «чеченской оппозицией», а фактически — завербованными спецслужбами российскими военнослужащими, захват их в плен.

29 ноября 1994

Ультиматум Б. Ельцина чеченскому руководству с требованием капитуляции.

11 декабря 1994

Ввод российских войск в Чеченскую Республику, начало первой чеченской войны.

31 декабря 1994

Начало штурма федеральными войсками чеченской столицы г. Грозного, продлившегося до марта 1995-го. К апрелю установлен контроль над равнинной частью Чечни.

7–8 апреля 1995

«Зачистка» федеральными силами села Самашки, убийство более ста мирных жителей в ходе карательной операции.

Май 1995

Начало широкомасштабного наступления федеральных сил на горные районы Чечни.

14–20 июня 1995

Террористический акт в Буденновске, где отряд Шамиля Басаева захватывает около 1500 заложников в городской больнице. Освобождение заложников в результате переговоров, начало в Грозном мирных переговоров между чеченской и российской сторонами под эгидой ОБСЕ, признание дефакто руководства сепаратистов, полугодовая мирная передышка.

14 декабря 1995

Попытка федеральной стороны провести выборы «главы Чеченской Республики», возобновление сепаратистами боевых действий.

9–18 января 1996

Террористический акт в Кизляре, захват более 1500 заложников в больнице отрядами Салмана Радуева, бои в селе Первомайском.

22 апреля 1996

Убит президент Чечни Джохар Дудаев.

23 апреля 1996

Президентом становится вице-президент Зелимхан Яндарбиев.

6–21 августа 1996

Чеченские отряды берут под контроль Грозный, бои в городе, переговоры между Александром Лебедем и Асланом Масхадовым.

31 августа 1996

А. Лебедь и А. Масхадов в Хасавюрте подписывают совместное заявление об основах отношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. Конец «первой чеченской войны».

31 декабря 1996

Российские войска покидают Чечню.

27 января 1997

Избрание президентом Чеченской республики Аслана Масхадова, официально признанное руководством РФ.

12 мая 1997

А. Масхадов и Б. Ельцин в Кремле подписывают договора о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой

Ичкерия. Власть Масхадова в разоренной войной республике непрочна. В 1997–1999 годах республику покинуло практически все невайнахское население. Отток его начался в конце 1980-х годов и усилился после прихода к власти сепаратистов, поскольку «русскоязычные» жители Чечни стали объектом криминального давления.

Июль 1998

В Гудермесе столкновения между религиозными экстремистами и силами, лояльными Масхадову, который проявляет нерешительность и фактически теряет контроль над дальнейшим развитием ситуации в республике.

Август–сентябрь 1999

Вторжение отрядов экстремистов из Чечни в Дагестан, начало боевых действий. Вторгшиеся отряды Басаева и Хаттаба уходят обратно в Чечню.

Октябрь 1999

Ввод федеральных сил на территорию Чеченской Республики, начало второй чеченской войны.

Декабрь 1999 — январь 2000

Федеральные войска пытаются штурмовать заблокированный Грозный, продолжаются бомбардировки и обстрелы города.

Начало февраля 2000

Отход покинувших Грозный чеченских отрядов Грозного в горы, бомбардировки и бои в селах Западной Чечни.

Март 2000

Окончание широкомасштабных боевых действий в Чечне.

Июнь 2000

«Главой администрации Республики» (без существенных полномочий) назначен бывший муфтий Чечни Ахмад Кадыров, перешедший осенью 1999 года на федеральную сторону.

Лето 2000

Начало нового этапа войны: с чеченской стороны — диверсионно-террористическая тактика, с федеральной — «зачистки» в селах, задержания и «исчезновения людей».

2003

Федеральная власть проводит тактику «чеченизации» конфликта, используя силовые структуры, сформированные из чеченцев и передавая полномочия лояльной чеченской администрации.

5 октября 2004

Ахмад Кадыров избран президентом Чеченской Республики в составе РФ. Правозащитные организации отмечали, что вся выборная кампания изобилвала серьезными нарушениями. Многие международные наблюдатели отказались от присутствия на выборах.

9 мая 2004

Гибель Ахмада Кадырова в результате теракта.

29 августа 2004

Президентом Чечни избран Алу Алханов.

Сочинения и социсследования: параллели

**Алексей Левинсон, заведующий отделом
социокультурных исследований Аналитического центра
Ю. Левады**

Материал сочинений интересно сравнить с данными, которые получает Аналитический центр Юрия Левады посредством опросов российского населения, а также фокус-групп и углубленных интервью¹.

Сочинения молодых людей, собранные в этом томе, также можно рассматривать как форму манифестации общественного мнения. Между материалами из этих двух источников много различий². Но тем примечательнее совпадения, о которых и пойдет речь.

ЭТО ВОЙНА ИЛИ НЕТ?

Первое совпадение мнений авторов сочинений и населения РФ состоит в том, что происходящее в Чечне они называют «войной». Во всех без исключения сочинениях школьников не приходит в голову именовать события, о которых они пишут, иначе, как «война». Две трети взрослого населения РФ (67%) также считают, что сейчас³ в Чечне «продолжается война».

Наверное, так полагает и читатель этих строк. Это согласие примечательно в свете того обстоятельства, что события в Чечне российскими государственными инстанциями не квалифицируются как война. Вопрос о том, как называть происходящее в Чечне, не есть вопрос юридической казуистики. И это не тот случай, когда власти дают событиям более строгую правовую квалификацию, нежели это делает обычай или общественное мнение. Ситуация обратная. Власть отказывается от ставящих ее в сложное положение формулировок — но не от действий, ими подразумеваемых. Этим начинается конструирование особых отношений между властью и обществом. Это сигнал, что отношения выво-

¹ Коллектив Левада-центра на протяжении 15 лет работал во Всесоюзном и далее Всероссийском центре изучения общественного мнения. Изучение мнений россиян о конфликте в Чечне проводилось с самого начала его возникновения. Анализ результатов читатель может найти в работах сотрудников центра: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 300 и далее; Левинсон А. Опыт социологии. М., 2004. С. 610 и далее.

² Методические различия сочинений и результатов профессиональных социсследований очевидны. О них надо помнить, и тогда вполне возможны процедуры корректного сопоставления. Здесь надо сказать о другом различии. Результаты социальных исследований бывают интересны, порой драматичны. Но эти сочинения — прямые свидетельства трагедии. В этом они несопоставимы. Но это и забыть невозможно.

³ Здесь и далее приводятся результаты опроса, проведенного Аналитическим центром Ю. Левады в августе 2004 года по выборке (1600 чел.), представляющей население РФ в возрасте 18 лет и старше.

дятся из правового поля и помещаются в совсем иное пространство, пространство отношений неформальных. При этом расхождение между законом и практикой изначально получает положительную санкцию с двух сторон: государства и общества.

Исследования показывают: значительное число россиян готовы признать, что ввиду особых, чрезвычайных и тому подобных обстоятельств ситуация в Чечне и не должна быть правовой. Потому свидетельства правозащитных организаций или сторонних наблюдателей по поводу того, что в Чечне нарушаются права человека, воспринимаются российским общественным мнением столь раздраженно. Россияне, судя по опросам, не готовы отрицать, что федеральная сторона в Чечне, например, в лице полковника Буданова не соблюдает права человека. Но они не готовы согласиться с тем, что это несоблюдение — дурно, что виновные в этом должны быть наказаны. Они не думают, что эти права должны соблюдаться и применительно к чеченской стороне. Они предпочитают считать, что в силу различных причин там и не должен действовать обычный закон и суд. В ситуации иной, например в Прибалтике, они настаивают на соблюдении прав человека и вызывают к международному суду.

Однако, как показывают сочинения, отсутствие формальных правил обращается и иной стороной, с последствиями которой участники ситуации уже не согласны. Авторы двух сочинений приводят заявления тех, кто воевал на федеральной стороне: им выплатили за это гораздо меньше денег, чем обещали⁴.

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ВОЙНА?

Итак, в Чечне, по общему мнению, была первая и вторая война. Что это за война по ее природе, как ее квалифицировать и как ее назвать? В одном из сочинений эта война названа «странной войной». Такое определение событий на Кавказе дают более 10% россиян, его приходилось слышать не раз от прямых участников этой войны.

Родившееся еще в эпоху Первой мировой и с тех пор присутствующее в нашем запасе слов, это слово применялось, помнится, к афганской кампании. Как и две последовавших чеченских, она удивляла ветеранов «ограниченного контингента» тем, что они не только не понимали общих целей войны, но и зачастую получали приказы «не проявлять излишнюю активность». Эта «странная война» как отработанный способ действий, как образец и была, очевидно, возобновлена на Кавказе теми структурами, которым вообще необходимо наличие постояннотлеющего, но ограниченного очага военных действий.

⁴ Как и во всех других случаях, передаваемые в сочинениях утверждения не могут считаться установленным свидетельством о факте, в данном случае факте невыплаты, без проверки. Но они вполне могут свидетельствовать об атмосфере ситуации. Если бы это была атмосфера безукоризненного соблюдения законов, вероятность появления таких мнений была бы очень мала.

«РУССКИЕ НЕ ЛЮБЯТ ЧЕЧЕНЦЕВ ЗА ТО, ЧТО ЧЕЧЕНЦЫ НЕ ЛЮБЯТ РУССКИХ»

Есть большой соблазн трактовать эту войну как столкновение двух этносов, как вооруженный этнический конфликт. В одном из сочинений эти события так и названы — «русско-чеченская война». Понятно, что государству, от имени которого действуют вооруженные силы его ведомств, никак нельзя официально признавать такую квалификацию происходящего.

Но понятно и другое: рассмотрение любого конфликта как этнического делает ситуацию максимально простой для его участников и для управляющих ими инстанций. Определяя ситуацию — в особенности конфликтную — в этнических терминах, те, кто это делает, получают в свое распоряжение очень мощные ресурсы. Один из них — это простота и ясность определения/размежевания «свой-чужой». Второй — это обеспечение солидарности внутри «своих».

В конфликте на Кавказе для тех, кто командует с федеральной стороны, существуют очень большие трудности в объяснении военнослужащим высших причин, по которым им необходимо вести боевые действия на собственной территории против граждан собственного государства и пр. Задача начальников сильно упрощается, если «русские» переопределяются как «русские», а противная сторона — как «чеченцы». Возникает, в частности, возможность подключения «вековой традиции», нынешние боевые действия становятся как бы продолжением войн России на Кавказе в XIX веке. Тогда Россия, по сегодняшним массовым представлениям, выступала как держава, воюющая с *внешним* врагом. Соответственно и участие в сегодняшних боевых действиях на Кавказе — это *защита* Родины, в чем и клялся каждый военнослужащий.

Удобство этнического определения ситуации использует и другая сторона. Представление, что причина или хотя бы природа конфликта заключается в том, что «мы — чеченцы, а они — русские», достаточно просто объясняет не поддающиеся в ином случае простому пониманию события. Еще важнее, что это толкование происходящего может и мотивировать действия, в том числе вооруженную борьбу.

В советское время имперский характер державы и интернационалистский компонент ее официальной идеологии сдерживали эту тенденцию. Нынешние власти разных уровней все чаще поддаются искушению использовать этот, как говорилось, сильный ресурс. Исследования последнего времени показывают, что подобное опрощение картины, перевод многих сложностей современной жизни на язык межэтнических отношений, имеет тенденцию к росту.

БИТВА ПРАВОВЕРНЫХ С ПРАВОСЛАВНЫМИ

В этом же ряду стоит интерпретация конфликта в Чечне как религиозного. Стоит напомнить, что так называемая первая чеченская война началась как столкновение сторон, не применявших к себе конфессиональное определение. И это понятно. За плечами всех участников конфликта было советское безрелигиозное

воспитание. Для военнослужащих одной стороны было столь же мало оснований называть себя христианами, как для другой — мусульманами. (Советский генерал Дудаев вряд ли мог быть ревностным мусульманином, но он, в конце концов, оказался военным противником федералов. А муфтий Кадыров, в конце концов, оказался их союзником.)

Но далее по обеим сторонам стало стремительно распространяться отнесение себя к соответствующим религиям, позволяющее подключать ресурсы, во-первых, традиции, а во-вторых, того символического целого, которое видится за каждой религией. При этом, что особо важно, можно использовать как ресурс не только представление о своей вере как силе, многократно превосходящей наши собственные наличные силы, но и делать в целях мобилизации такую же проекцию на противника. Тогда оказывается, что мы защищаем не конкретные объекты от реально видимого противника, а нечто такое огромное и дорогое, как свою веру, от такого необозримо огромного и грозного, как чужая вера.

Дополнительно стоит отметить, что подобную интерпретацию конфликта можно осуществлять на всех уровнях — от священнослужителей, отправляющих службу прямо в расположении войск, до высших религиозных иерархов. Более того, для подобной трактовки конфликта не требуется собственная принадлежность к той или иной вере. Можно находиться на позиции агностика, быть светским университетским философом или парламентским политиком и трактовать происходящее как конфликт христианской и мусульманской цивилизаций.

А В СОЧИНЕНИЯХ ВСЕ НЕ ТАК

Наши источники не оставляют сомнений в том, что этническая и конфессиональная трактовки конфликта являются очень распространенными и, видимо, все более широкими. Но они же и, в частности, сочинения показывают, что в самой зоне конфликта такая простая интерпретация не работает — сплошь и рядом не работает. Ценность сочинений и их отличие от ходячих мнений как раз в том, что они представляют эту действительность совсем не так.

Во многих сочинениях линия вражды проходит не между этносами. Даже граница так называемого боевого соприкосновения разделяет не собственно русских и чеченцев, а «федералов» и «боевиков». Известно, что в федеральных войсках служат люди разных национальностей, известно — в том числе из сочинений — что среди боевиков много людей иной национальности, нежели чеченцы. То же можно сказать и про конфессиональные признаки.

Вооруженные люди против невооруженных — вот одна из самых напряженных линий интерпретаций, присутствующих в сочинениях. На этом рубеже совершаются основные трагедии, здесь попираются базовые законы межчеловеческих отношений, прежде всего здесь нарушаются принятые международным сообществом правила ведения войны, обращения с мирным населением, обращения с пленными. Отсюда — самые страшные рассказы о происходящем в Чечне.

ИСТОРИЯ КАК ДРАМА

Еще одна из линий интерпретации конфликта, представленная во многих сочинениях, — историческая. Действия русских войск в XIX веке (обычно об этом говорят как о действиях генерала Ермолова) и сопротивление им вайнахов не забыты чеченской национальной традицией. Русское массовое историческое сознание также начинает обращаться к причинам вражды, коренящимся в прошлом. Обе стороны хотят видеть в истории безусловное объяснение сегодняшней ситуации. Для ведущих аргументацию от чеченской стороны как страдательной картина ясна: все дело в том, что Российская империя пыталась нас завоевать. Ей это не удавалось сделать в течение долгого времени, а теперь не удается удержать завоеванное. Чеченская сторона тогда всего лишь билась за независимость, сейчас продолжает эту борьбу, и реванш — вполне вероятный исход.

Трактовка всей этой истории войн как войн колониальных со стороны Российской империи, СССР и далее РФ, а действий чеченской стороны — как национально-освободительного движения, наверное, была бы одной из самых сильных и непротиворечивых. В той мере, в какой исторические роли колонизатора и борца за национальную независимость остаются контрастно окрашенными в соответственно только черный и только белый цвет, действенны и выводы из такого представления истории.

Но современность показывает, что эта простая ценностная раскраска все меньше устраивает людей, пытающихся разобраться в истории и современности. Не говоря о том, что колонизируемые народы соглашаются перенимать у колонизаторов множество культурных черт, а то и самое идентичность, национально-освободительная борьба ввиду имманентной логики насилия превращается в самоценное существование воюющих за счет этой войны. При таком обороте дела достижение изначально поставленных целей бессознательно отодвигается, а то и становится ненужным. Борьба становится важнее победы.

Вырождение партизанских освободительных армий в ватаги лесных разбойников случалось в человеческой истории несчетное число раз. Не реже происходит превращение таких армий в инструмент политики третьих сил, не имеющий никакого интереса в том, чтобы эти армии победили, но заинтересованных в том, чтобы они продолжали воевать и связывать руки «колонизатору».

Элементы таких перспектив неоднократно отмечались применительно к истории действий России на Кавказе. Сказать это — не значит оправдать эти действия. Не нам и не на этих страницах творить исторический суд. Сказанное лишь помогает понять, почему даже те авторы сочинений, которые привлекают достаточно обширный исторический материал, не получают в итоге выводов, убедительность которых была бы абсолютной даже для их соотечественников. На соседних страницах оказываются, с одной стороны, мысли о том, что преступления колонизаторов не могут быть прощены и, значит,

нынешняя борьба не может закончиться иначе, как победой борцов за независимость, и, с другой стороны, мысли о том, что самый главный интерес чеченского народа — перейти как можно скорее к мирной жизни, отставив политические условия.

Примечательно, что симметричная ситуация складывается с русским историческим дискурсом. Реальных знаний об истории Кавказа в российском массовом сознании очень мало, но это не мешает массовому российскому сознанию активно проецировать сегодняшние события в прошлое. Можно услышать мнения о том, что «они всегда нас не любили» (т.е. действия России имели как бы оборонительный характер защиты себя от недоброжелателей). На групповых дискуссиях приходилось встречать суждения о том, что мусульмане уже несколько тысяч лет пытаются завоевать Русь и что ныне — всего лишь очередной эпизод этой борьбы. За этими проекциями стоит, однако, глубоко скрытое чувство, что с этической стороны российские действия на Кавказе и были и остаются сомнительными. Напомним, что нормы, касающиеся поддержки прав наций на самоопределение и поддержки национально-освободительных движений, входили в стандартную программу идеологической индоктринации в советское и постсоветское время. Приложение этих норм к обстоятельствам на Кавказе создает конфузную ситуацию. Поскольку альтернативного исторического нарратива, сопоставимого по силе с советским, нет, выход для массового сознания заключается в подавлении возникающего чувства собственной исторической неправоты. Результаты многообразны — от генерации исторических фантазий до обытовления или психологизации этой темы.

Неким глухим образом российское массовое сознание принимает тот факт, что «Чечня хочет отложиться». В период первой чеченской войны преобладала позиция вроде «ну и пускай уходит». Напомним, что именно так складывалась общественное мнение России в конце 1980-х — начале 1990-х в отношении республик Прибалтики. Такое мнение ни тогда, ни в 1995 году не означало уважения прав народов на самоопределение, а выражало своего рода имперскую гордость/обиду. (Но под влиянием разных факторов, не в последнюю очередь — заверений различных начальников о том, что военная победа в Чечне или уже одержана, или не за горами, — эта готовность «отпустить» Чечню сошла на нет.)

Наряду с этим в массовом сознании (и в высказываниях некоторых политиков — его выразителей) рассматривались и другие решения — от сбрасывания на Чечню атомных и подобных бомб до окружения ее территории непроницаемым кордоном. Рассматривались и действия вроде депортации. Все эти варианты «озвучивали» участники проводившихся нами групповых дискуссий. Общим для них чувством была не лютая ненависть к чеченцам, как можно было бы подумать, слыша о готовности применять средства массового уничтожения. Это было желание любым способом избавиться от всего комплекса тягостных чувств — собственной неправоты, вины, наконец, позора — рождаемых в связи с конфликтом в Чечне и полным отсутствием надежды сделать это цивилизован-

ными, человеческими средствами. Надо подчеркнуть, что в этой драме российского сознания драме чеченской места просто нет. Поэтому, каким образом будет достигнуто это «окончательное решение чеченского вопроса», массовому сознанию по главному счету неважно. В этом смысле вариант мирного представления независимости не так сильно отличается от решительного военного одоления, а вариант «отгораживания» — от депортации. Как сложится судьба чеченцев, в этом дискурсе вообще не рассматривается.

Но если подходить со стороны цены, которую платит своя сторона, то разница исходов видится отчетливо. Пока во второй чеченской войне федеральные войска быстро продвигались по равнине, не неся потерь, большинство россиян — и мужчин и женщин — выступали за продолжение военных действий. Когда блиц-война не удалась, женская часть общества стала выступать за переговоры. Матери и те, кто себя отождествлял с ними, выступали с требованием: «Пусть не убивают наших мальчиков» (изредка говорилось, что не должны гибнуть и «мирные жители»). С течением времени стали менять свою точку зрения и мужчины.

В итоге уже длительное время среди россиян преобладает мнение, что в Чечне надо не продолжать военные действия, а перейти к переговорам. По состоянию на август 2004 года преобладание было троекратным: 21% респондентов выступали за продолжение боевых действий, 68% — за то, чтобы начать мирные переговоры.

ДЕПОРТАЦИЯ ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Часть трагического исторического наследия чеченцев связана с депортацией. Чуть ли не в половине сочинений эта история сделана предметом изложения и рассмотрения.

Для чеченского дискурса депортация есть несомненное историческое злодеяние. Также она была оценена в постановлении, реабилитировавшем чеченский народ и давшем ход к его возвращению на родные места.

Какова реакция русского массового сознания?

Начать надо издали — с того, что это сознание недовольно нынешней ситуацией на Кавказе и теми, кто за нее отвечает. Известно, что деятельность В. Путина на посту Президента России постоянно одобряет подавляющее большинство россиян (это и есть знаменитый «рейтинг Путина»). Вот и в августе 2004 года такое одобрение высказали более двух третей (67%) опрошенных. Но рейтинг, как подметили многие, на этот раз не так высок. Недаром число говорящих о том, что их отношение к Путину ухудшилось, в этом месяце превысило число тех, чье отношение к нему улучшилось (19% против 15%). И для тех, кто заявил об ухудшении отношения, второй по значимости причиной были «события в Чечне». Путина в обществе считают чаще всего выразителем интересов

«силовиков» (34%). В этой связи не странно, что 82% (а это очень много, этих рубежей едва достигал его рейтинг даже в своих наивысших значениях) обеспокоены тем, «что В. Путин до сих пор не смог решить чеченскую проблему / завершить военные действия в Чечне». И если доля надеющихся на успешность действий Путина в решении таких сложных национальных проблем, как «повышение уровня жизни», «наведение порядка в стране» и «выход из экономического кризиса», превышает долю тех, кто не испытывает таких надежд, на то, что «В. Путин сможет добиться победы в Чечне и решения чеченской проблемы», в августе 2004 года надеялось 47% респондентов, а у 48% этой надежды не было. Разумеется, эти мнения относятся не к реальной фигуре президента как политического деятеля. Опросы общественного мнения вообще и в данном случае фиксируют динамику общественных установок, динамику отношения к символам, к числу которых относится и такой центральный общенациональный символ как президент страны.

Российское общественное мнение, как и общественное мнение собственно Чечни, колеблется в ответах на вопрос, считать ли Чечню частью России или нет. Хочется обратить внимание на то, что сочинения показывают очень глубокое проникновение в чеченское общество как советских, так и постсоветских структур — будь то социальных, будь то ментальных. Как в топонимии Чечни изобилуют универсально-советские названия типа «Комсомольское» или «Химзавод», так и в мышлении чеченцев 30-х годов и чеченцев 90-х, отраженном в сочинениях, были активны советские представления и ценности. Сочинения показывают это столь же ярко, сколь и драматично. Драматичность связана в этом случае с тем, что принадлежность в одном случае советскому, в другом постсоветскому социуму, лояльность их символам, приверженность их номинальным и реальным ценностям вовсе не уберегали от репрессий со стороны держателя, источника этих символов и ценностей, каковыми для них были всегда центральные власти. Сочинения недаром возвращают нашей памяти такой исторический факт: депортации чеченцев и ингушей предшествовало ее формальное одобрение высшим партийным руководством Чечено-Ингушетии.

Депортация — национальная травма чеченского народа, как других народов, подвергавшихся такой репрессии. Это очевидно для прочитавшего хотя бы приведенные выше сочинения. Несомненно, как исторический факт она служит источником и антисоветских и антирусских чувств. Но сочинения показывают и другие следствия этого события. Если авторы плана депортации хотели превратить изгоняемые народы в изгоев, то добились они иного. Произошла (оплаченная безмерным количеством крови и слез) более тесная интеграция этих этносов, в результате которой и возникла та интернациональная смесь, которая называлась «советским обществом». После репатриации, как показывают сочинения, на территории республики восстанавливались в первую очередь советские политические, социальные идеологические и ментальные структуры. Прочность последних здесь оказалась, пожалуй, выше, чем в центре. Об этом свидетельствует язык и стилистика сочинений. С учетом того, что их отбор совершался явно не на этом основании, можно считать их надежным свиде-

тельством того, в каких ценностных координатах строится нынешнее массовое сознание и взрослого населения Чечни⁵.

Можно в этом горьком, но пережитом историческом опыте видеть также залог той высокой адаптивности, которую демонстрируют представители чеченского народа в диаспоре. Опросы общественного мнения стабильно показывают высокий уровень негативизма российского населения в отношении чеченцев, вообще «кавказцев». (Ограничить проживание «выходцев с Кавказа» на территории России хотели бы 46% опрошенных, против ограничения на проживание каких-либо наций — 21%.) Специальный анализ этой формы ксенофобии показывает, что, помимо многих компонент, связанных с чувствами страха, мести и др., немаловажную роль здесь играют реакции «местного населения» именно на пугающие их высокие способности представителей этого этноса адаптироваться и выживать в инокультурной среде, в частности браться за предпринимательство. Ну а групповые дискуссии и индивидуальные интервью показывают и другую сторону этих чувств: реакции уважения к целеустремленности и стойкости чеченцев, их сплоченности и верности своим обычаям и правилам, умению переносить трудности и приспосабливаться к новым и далеко не всегда благоприятным обстоятельствам. Гордость этими чертами своего народа видна и во многих сочинениях.

ТЕОРИЯ КОНСЕРВАЦИИ

Автор одного из сочинений обращает внимание на мысль о том, что акции генерала Ермолова сорвали происходивший в чеченском обществе переход от первобытного общества к феодальному⁶. Девушка из Пензы с русским именем и фамилией предпринимает исполненную благородства попытку найти корни проблемы за пределами ходячих мнений. Она пишет: «Как много раз за последние века чеченцев будут упрекать за то, что они живут войной и воровством, грабежами, а корни этого — вот они!»

Идея, что в конфликте на Кавказе столкнулись «современное общество» и «архаическое» (родовое, феодальное), высказывалась в России не раз. Поверхностное знание о верности чеченцев обычаю кровной мести, о наличии тейпов, об уважении к женщинам и некоторые другие детали служат поводом для такого заключения. Ретроориентированное российское массовое сознание не то чтобы уважает эти архаизмы, но, скорее, завидует им. Предмет особой зависти — сплоченность чеченцев, готовность помогать друг другу. Русские очень ценят такую солидарность, поскольку утратили ее — по масштабам исторического времени — совсем недавно. Сейчас очень часты — они встречаются и в текстах — ламентации о том, что русские друг другу не помогают. Архаические же отношения чеченцев оказываются их преимуществом в противостоянии.

⁵ Разумеется, сочинения не репрезентируют ту часть чеченского общества и общественного сознания, которая видит себя в острой конфронтации России, оформляет себя в акцентированно-религиозном дискурсе и пр. Присутствие этой стороны лишь косвенно ощущается в отобранных работах школьников.

⁶ Ср.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 154.

Эти идеи имеют корни в дискурсе романтиков, который обслуживал еще колониальные войны европейских держав, когда против «испорченных цивилизацией» европейцев успешно боролись «сильные своим первобытным духом дикари».

КАВКАЗ КАК ПИОНЕР РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Однако чеченское общество, если судить, например, по сочинениям, представляется далеким от первобытного и феодального. И напротив, в постсоветском российском обществе исследования то и дело обнаруживают элементы крепостного докапиталистического уклада. Редукция к архаическим структурам — частая реакция социумов на внешнее давление. Для всего постсоветского общества (или всех постсоветских обществ) прослеживается и другая закономерность. Произошло внезапное разрушение или резкое ослабление опорных социальных конструкций: партийной и советской структуры управления, а с ними хозяйственных систем, каналов мобильности, наконец, соответствующих дискурсов. На всем постсоветском пространстве это вызвало более или менее долговременное оживление первичных и архаичных социальных систем, типа систем родства, соседства, знакомства, а также повсеместно привело к расцвету «диких» социальных образований, основанных на насилии. Чеченское общество в этом смысле не представляет собой исключение, скорее — наиболее яркое проявление этого правила. Недаром то немногое, что рассказывается в сочинениях о «мирной жизни», как две капли похоже на происходившее почти во всех частях бывшего СССР.

Другая тенденция, характерная для постсоветского пространства, — возникновение в недрах советского строя и развитие на его руинах социальных систем более высокой сложности, чем их окружение. Они используют новый ценностный базис и реализуют новые, не связанные с советской традицией дискурсы. Наиболее очевидный пример — финансовые структуры, бизнес. В позднесоветскую эпоху они развивались в форме теневых структур, после первого этапа реформ превратились в частично или полностью легальные. И здесь Чечня, если и выделяется, то вновь — особо сильным проявлением общей тенденции. Значительное присутствие чеченцев в российском бизнесе говорит именно об этом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим две печальных тенденции последних двадцати лет. Одно направление, общее для Чечни и областей России — возникновение так называемых организованных преступных группировок, где насилие является средством обогащения или заработка. Другой путь, специфичный для Чечни, — образование вооруженных формирований, в которых люди готовы совершать насилие из идейных побуждений, иногда — свидетельствуют сочинения — по принуждению. Известно также, что в рядах этих формирований есть те, для кого участие в военных действиях — источник заработка. Сочинения говорят и о российских военнослужащих, мотивации которых связаны прежде всего с заработком.

Сращение организованных преступных группировок и вооруженных формирований — логика этой войны.

Движение военного конфликта к тому, что по обеим сторонам оказываются люди, для которых война — это источник средств к существованию, обычно происходит тогда, когда конфликт принимает затяжной или хронический характер. Такое происходит, когда с обеих сторон существуют силы, заинтересованные не в победе, а в продолжении войны. Им война приносит столь большие прибыли, что можно изрядные суммы тратить на ее продолжение, в частности на плату тем, кто зарабатывает, воюя рядовым или офицером. Так война становится «странной» для большинства тех, кто ее видит, будь то снаружи, будь то изнутри.

В общественном сознании России, как и в общественном сознании Чечни, о чем говорят сочинения, уже давно с настойчивостью присутствует мнение о том, что война идет и не кончается лишь потому, что это «кому-то надо». Точно указать этого субъекта общественность не может, но уверена, что дело не в номинальных целях, провозглашаемых сторонами.

Общим для авторов сочинений и для большинства россиян является желание мира. События осени 2004 года, может быть, отдаляют эту цель, подтверждая мнения и некоторых авторов сочинений, и многочисленных респондентов в опросах: такая война — надолго.

Дети прошлого = дети настоящего

**Григорий Шведов, главный редактор «Кавказского узла»,
общество «Мемориал»**

Общество «Мемориал» работает на Кавказе с 1990 года — в Нагорном Карабахе, Южной и Северной Осетии, Ингушетии, Чечне.

В этом регионе, на столь малом фрагменте политической карты, год от года происходят чудовищные преступления и массовые нарушения прав человека. События 2004 года будут вписаны в хронику этих тяжелых дат.

Поначалу «Мемориал» лишь откликнулся на беду, стремился помочь людям, обеспечить им хотя бы минимальную юридическую поддержку, не позволить замолчать преступления сильных и страдания слабых.

Сегодня мемориальские правозащитники работают в Чечне, собирая и распространяя информацию о скрытой от общества войне, помогают беженцам, находящимся в зоне конфликта и за ее пределами, защищают людей в судах, выпускают доклады и книги о нарушениях прав, поддерживают общественное антивоенное движение.

Последние несколько лет мы задаем себе вопрос: можно ли сделать хоть что-то, кроме сбора и распространения информации о военных преступлениях и помощи их жертвам? Можем ли мы не только реагировать, но и попытаться хоть чуть-чуть улучшить жизнь самого нуждающегося в поддержке народа?

В этом году «Мемориал» выпустил сборник сказок на чеченском языке. Руководитель одной из основных правозащитных программ «Мемориала» Светлана Ганнушкина, благодаря которой эта книжка вышла в свет, рассказывала, что издание вызвало смятение при досмотре на блокпосту. Прочитать текст военные не могли, а по инструкции, наверное, все издания на чеченском языке заведомо считаются пропагандой терроризма.

С детьми лучше всего говорить на языке сказки. Но и к «взрослому» российскому обществу надо перестать обращаться на нашем «правозащитном наречии». Для этого три года назад был придуман проект, который дорос до уровня полноценного СМИ — «Кавказский узел». По адресу <http://kavkaz.memo.ru> ежедневно публикуются материалы о том, что происходит в 19 регионах Кавказа, с точки зрения разных СМИ и общественных организаций. Довольно скоро мы поняли, что работать только в Интернете недостаточно. Хотя количество постоянных читателей «Кавказского узла» растет с каждым месяцем и уже сейчас порой сопоставимо с общим числом посетителей правозащитных сайтов, нам стало ясно, что необходимо больше работать «в поле». «Кавказский узел» стал

проводить грантовые конкурсы для региональных общественных организаций, мониторинги наиболее значимых событий, выпускать книги и брошюры.

Мы попытались преодолеть безразличие российских граждан к проблемам Чечни — правозащитники из нескольких регионов стажировались в мемориальных приемных Назрани и Грозного. Вернувшись домой, они сумели найти нужные слова, для того чтобы хотя бы немного повлиять на сообщества Перми, Рязани, Сыктывкара. Сорок дискуссий было проведено в разных частях России, масштабная кампания организована в Рязани. Вносить в сознание сограждан хотя бы простую мысль о том, что война в Чечне — общая беда, было и будет непросто.

В ежегодном Всероссийском школьном конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» не могли участвовать дети из так называемых «горячих точек». Дети, которые лишены даже самого необходимого для учебы, обучаются в палаточных школах лагерей беженцев или в неотапливаемых классах, конечно, не могли писать исследовательские работы. Что мы, общественная организация, можем сделать для них?

Мы хотели, чтобы с помощью мемориального конкурса чеченские школьники ощутили себя не только частью населения, принадлежащего к территориальной и национальной общности, но и частью единого исторического пространства. Общего пространства, в котором молодые исследователи из Братска, Владимира или Ухты изучают современную историю. Для этого нам было необходимо оказать лишь дополнительную методическую и организационную поддержку школьникам и их учителям.

28 августа мы с коллегами оказались на похоронах в Серноводске, поселке в часе езды от Грозного. Хоронили мирного жителя, раненного в собственном дворе, а затем убитого ОМОНОм прямо в больнице. Лица женщин — сестер, матери, вдовы, соседок — выражали не только скорбь. А через три дня, 1 сентября, более тысячи человек были захвачены террористами в осетинской школе города Беслан, сотни детей и взрослых погибли. Весь мир видел лица женщин, дежуривших все это время вокруг школы. Лица матерей очень похожи. Описать их я не берусь. Их боль, негодование и гнев обязательно усвоятся сыновьями и дочерьми.

Детская психика очень восприимчива. Даже те дети, которые видели события в Беслане по телевизору или слышали серноводскую историю от родственников, вряд ли забудут эти события. Что говорить о тех, кто стал участником этих или подобных трагедий.

Авторы полутораста школьных работ постарались не только не забыть, но и разобраться в истории своего народа. Разобраться в прошлом, которое буквально на глазах становится настоящим. Общим настоящим всего человечества, а не только маленькой Чечни или большой России. Помочь им в этом и было нашей задачей.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» проводится с 1999 года Международным обществом «Мемориал» при поддержке Совета по краеведению Российской академии образования, кафедры региональной истории и краеведения и Центра визуальной антропологии и устной истории Российского государственного гуманитарного университета.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений, привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории, которая исчезает с уходом старших поколений.

Участникам конкурса предлагалось провести настоящее исследование — расспрашивая родных и знакомых, работая с документами, фотографиями из семейного архива или краеведческих музеев, с учебной и научной литературой. Как правило, работой школьников руководили педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

Основные спонсоры конкурса: Европейский союз (Брюссель), РОО «Открытая Россия» (РФ), Фонд Форда (США), Фонд имени Генриха Белля (ФРГ), Фонд «Память, ответственность и будущее» (ФРГ). Конкурс поддерживали также: Офис Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева), Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса — Россия), Фонд имени Фридриха Науманна (ФРГ), Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (РФ), Фонд Кербера (ФРГ), Международный фонд «Демократия» (РФ), Журнал «Знание — сила» (РФ). Конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов «Eustory».

В 2004 году на конкурс было получено 2417 работ. Благодаря работе координатора конкурса в Грозном впервые за пять лет существования конкурса из Чечни было получено 155 работ, четыре из которых были отмечены специальными призами информационно-аналитического сайта «Кавказский узел». В сборник включены 27 работ, отражающих личный опыт авторов, историю их семей и судьбы разных людей на фоне чеченской истории.

Summary

The all-Russian competition, *Man In History. Russia — The Twentieth Century* has been running since 1999 by the *Memorial* International society with the support of the Local Studies Council, Russian Academy of Education; the Department of Regional History and Local Studies, Russian State University for the Humanities; and the Center for Visual Anthropology and Oral History, Russian State University for the Humanities.

The aim of the competition is to promote preservation of historical memory and rapprochement of generations, to involve schoolchildren in studying Russian everyday life, as well as regional and family history which is disappearing as the older generations are passing away.

The contestants were asked to make a real research: to question the relatives and acquaintances, to examine documents, photos from the family albums or local museums, to study relevant literature. As a rule, the schoolchildren were guided by the schoolteachers or the heads of the local history groups.

The principle sponsors of the competition are: the European Union (Brussels), the Open Russia Regional NGO (Russian Federation), the Ford Foundation (USA), the Heinrich-Böll-Foundation (Germany), the *Remembrance, Responsibility, and the Future* Foundation (Germany). The contest was also supported by the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (Geneva), the Open Society Institute (Soros Foundation-Russia), the Friedrich Naumann Foundation (Germany), the Foundation for Social, Economic, and Intellectual Programs (Russian Federation), the Koerber Foundation (Germany), the International Democracy Foundation (Russian Federation), *Znanie — sila* (Knowledge is Power) magazine (Russian Federation). This competition is part of *Eustory*, a network of independent history research competitions for school-level students.

In 2004, 2417 works took part in the competition. Thanks to the work of the competition *Caucasian Knot* coordinator in Grozny, for the first time since the foundation of the competition 155 works were received from Chechnya, four of which were awarded by the special prizes of the *Caucasian Knot* information and analytic web site. This collection includes 27 works which reflect their author's personal experience, the history of their families and the fates of different people against the background of the Chechen history.

The collection has four sections. Section One *As Long As I'm Alive...* includes papers in which the Chechen schoolchildren, who never knew peaceful life since their birth, describe what they have lived through. These are stories of their flight from Grozny, stories about themselves and their families who tried to escape bombings, and descriptions of family losses. Their leitmotif is the longing for a normal human life.

Section Two *Where I Shall Bring My Children Together*, includes family histories. Schoolchildren write down family lore about the Chechens who fought in the Russian army during World War I and took part in the revolution. Many of their family members fell victims to the Great Terror. However, the family memory's lynchpin is the 1944 deportation of more than half a million of Chechens to Kazakhstan. The tragic events of the past decade fortify this memory.

Section *I enjoy looking at pictures* includes papers about people who had played a significant role in the history of the Chechen nation. The young researchers highlight the most typical life experiences and the life stories of the well-known people, such as a Chechen poet who has survived GULAG.

The collection also includes several Russian schoolchildren's papers about the war in Chechnya. Section *Lessons That Are Never Learnt* raise a question about the causes of the developments in Chechnya and their tragic effects for the entire Russia.

In many papers the Chechens' life experiences are intertwined with those of people of other ethnic origins in the soviet and post-soviet environment. Maxim Isaev gave a wonderful portrait of a Russian priest and human rights advocate who perished from thugs.

The papers have detailed comments and photographs. The book also includes a chronological chart of the most important events in the Russian/Chechen history.

быть чеченцем мир и война глазами школьников

Редакторы Ольга Поливанова, Андрей Курилкин
Корректор Любовь Кравченко
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Международное общество «Мемориал»
127051, Москва
Малый Каретный переулок, 12
Телефон 209 7883
e-mail konkurs@memo.ru
www.konkurs.memo.ru

Новое издательство
103009, Москва
Брюсов переулок, дом 8/10, строение 2
Телефон 229 6493
e-mail info@novizdat.ru

Подписано в печать 20.09.2004
Формат 60×90 1/16.
Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook
Объем 14,00 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1500 экземпляров
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Момент»
Химки, улица Нахимова, дом 2